

3 января

Затянувшиеся новогодние праздники. В канун и после звонили Михаил Чижов (с работы уволился), Александр Пашков, Володя Жильцов (будет печатать статью о 300-м номере «Православного слова»), Наталья Адрианова (нужны мои воспоминания для книги о Юрии Андреевиче, которую хотят сдать в печать в феврале)... Читаю воспоминания Юрия Анненкова о Максиме Горьком, Александре Блоке, Сергее Есенине, Владимире Маяковском... «Дневник моих встреч». Огромный том с его портретами и рисунками. Взял в городской библиотеке на праздничные дни. Немного написал для №15 заметок в хроникю. Читал и сокращал статью А.М. Цирульниковца.

У Игоря Преловского в типографии с Михаилом Селивёрстовым после обеда хорошо поработали над макетом. Он почти готов. Нужно ещё разместить стихи Александра Шиненкова (поэта из Ардатова, которые я должен ещё и набрать), миниатюры Валерия Черкесова (Белгород) и рассказ Марины Переясловой «Диалогия любви» с хроникой. Думаю, закончим в ближайшие день-два. Сегодня же Александр Иванович Юрин отправил по электронной почте недостающие главы М.И. Козину.

Работаем понемногу.

5 января

Опять был в типографии. Работа над журналом близится к завершению, и я ей удовлетворён. По телевидению передают о том, что Ариэль Шарон в Израиле (бывший премьер-министр этой страны) — в коме.

6 января

Сдал вёрстку Преловскому. Последним в неё поставил рассказ М. Переясловой. Надо бы его править, да как всегда всё в спешке. Игорь повезёт материал корректору. Обещает выдать тираж к 15 января.

Относительно моей книги «Сопротивление нелюбви» всё надо начинать сначала. Перед Новым годом у Игоря из машины украли сумку, где был и компьютер, а в нём вёрстка моей книги.

Вечером с Наташей в гостях у Лены.

7 января

В ночь смотрел Рождественскую трансляцию из Храма Христа Спасителя. Патриарх Алексей II, его дьякон постарели, но служба от этого получилась не столько официальной, сколько искренней, человеческой, тёплой, с чувством.

Писал письма, сопроводительные к будущему номеру «Вертикали» (авторам). Вечером два часа гулял по городу, подумывал воспоминания об Адрианове. Прошёл через мост, по улице Рождественской, обошёл Кремль до памятника В.П. Чкалову, затем по Кремлю и улице Пожарского, мимо Почайны, по Гребешку, опять мимо гостиницы «Нижегородская» спустился к мосту и домой. На улице около нуля градусов. Новые фонари светят ярким оранжевым светом. Снег. Светло!!! Не выбирая специально дороги, так получилось само, прошёл мимо трудов нашего епископа — отреставрированных и почти вновь выстроенных храмов, памятных крестов, набатного колокола. Важно то, что человек оставляет после себя, а не то, как мы его оцениваем сиюминутно. Не суесться надо, а ставить, несмотря ни на что, большие задачи и стремиться к их выполнению. Всё остальное прах, забудутся все мелкие обиды, горечи. Вот и Юрий Адрианов сделал своё дело, и это людьми оценено по достоинству. Я продумал весь материал воспоминаний о нём.

9 января

Рождественские чтения в Доме учёных. Приехал туда с Серёжей Шестаком, чтобы встретиться с Заногой. Владимир показал образцы обложки для «Вертикали». Опять поставил там свои стихи. Пришлось сказать, чтобы убрал.

Прослушал два выступления. Философ В.А. Кутырёв как всегда хорош — умён, эмоционален. Только от его оценки сегодняшнего духовного состояния мира становится жутко.

Краевед Ю.Г. Галай прочитал свой доклад о нищих. Любопытные документы и находки из прошлого — семнадцатого и восемнадцатого веков.

С Сергеем поднялись на третий этаж, туда, где двадцать пять лет назад занималась «Воложка». Там наши тени, наши воспоминания. Что-то в душе шелохнулось. После этого почти сразу уехали, хотя там ещё должен был быть какой-то концерт.

На улице грязь и слякоть. И это зима?!

Дома писал заметку о Новогоднем вечере в Московском интеллектуально-деловом клубе (Клуб Н.И. Рыжкова). Думаю, получилось в виде расширенной информации. Продолжаю думать о «воспоминаниях про Адрианова». Всё больше и больше хочется в них рассказать о нашей провинциальной литературной жизни. Откровенно, без утайки, в собственных оценках. И решение это приводит в волнение, беспокойство. А надо бы написать холодным умом, без эмоций, расчётливо. Не перегореть бы. Слишком много всего теснится в памяти, о чём хочется рассказать и чему дать свою оценку. Хорошо, что папка с вырезками о нижегородской литературе не в деревне, а дома. Это поможет.

10 января

Первый рабочий день. Отдал в набор письма, материалы для следующего номера. Игорь Преловский привёз остатки тиража книги Алексея Марковича и получил окончательный расчёт. Я передал Пашкову для чтения повесть Саши Кравченко, позвонил М.И. Кожину (он много правит в рукописи книги, сегодняшнее её состояние его не устраивает) и отослал ему по электронной почте заметку о Новогоднем вечере.

Дозвонился до Андрея Реброва. Он без работы. Перебивается заработками охранника. Сейчас сблизился с новым руководством Питерского Союза писателей, член бюро. (Виталий Розе с Владимиром Шемшученко туда не вошли и, по сведениям Александра Беззубцева-Кондакова заporожцы с ними рвут окончательно). Идею с журналом Андрей и Александр оставили. Теперь каждый занимается своими делами.

Вечером за рюмкой долго и непросто разговаривали с Коломийцем. К сожалению, опять вижу ревность к «Вертикали», но не хочу об этом ни писать, ни говорить. Только одна фраза по поводу того, что я сдал но-

мер, не показав ему: «Я рад, что вы становитесь самостоятельнее» (или что-то в этом роде).

Коломиец и правда считает, что, давая ему читать подготовленные материалы журнала (чтобы он чувствовал свою причастность к журналу, свою ответственность перед ним), я тем самым демонстрирую свою неуверенность, творческую несамостоятельность. Как быстро они все из начинающих переходят в разряд классиков. Ну да ладно, лишь бы это не вредило делу. Конечно, говорили и о деньгах для «Вертикали».

13 января

По предложению Алексея Марковича собрались (не договариваясь заранее) отметить Старый Новый год. В это время пришёл ко мне Валентин Арсеньевич Николаев, к нему бывший первый секретарь Горьковского горкома КПСС Юрий Александрович Марченков (хочет, чтобы мы повторили издание сборника статей местного отделения Российской академии естественных наук (РАЕН) и Академии горных наук «Проблемы развития минерально-сырьевого комплекса и ресурсосберегающих технологий в Приволжье», вышедшего в издательстве «Вертикаль. XXI век», но я не уверен, что макет этой книги сохранился в электронном виде).

16 января

Ударил мороз минус двадцать пять градусов. «Пазик» сломался на Почаинском съезде у Кремля. Пришлось до работы идти пешком. Лицо обжигает. Хорошо, что впервые в этот сезон надел дублёнку. Шапку как-то однажды уже одевал.

Только сегодня принесли корректуру. Потеряна уйма времени. Коломиец бы давно всё вычитал. Сходил и забрал макет у Геннадия Шеглова в Союзе писателей. Опять пешком. Показал его Алексею Марковичу, и тот сразу нашёл кучу ошибок. Правда, пришлось немного поспорить по поводу стихов Александра Шиненкова. Коломийцу они не понравились.

17 января

Уже больше минус тридцати. Всё равно пешком пошёл в типографию на Сормовский поворот. Просидели до вечера. Окончательно выправили макет, подписал его в печать. В целом я этой книжкой доволен. Сразу передал Михаилу материалы для следующего номера.

18 января

Мороз на прежнем уровне, но с Чёрного пруда до «Волгагеологии» всё равно шёл пешком. Правда, сегодня надел песцовую шапку и хорошо утепился. Мёрзло только лицо. Совершенно исчезли автомобильные пробки, дороги заметно опустели. Это уже непривычно.

Звонил Борису Лукину. Поблагодарил за книги («Самое-Самое. Пять поэтов», где большая подборка стихов самого Лукина, и «Сочинения» Николая Рубцова. Книги вышли в издательстве «Российский писатель». Вторая при финансировании Правительства Вологодской области — так отметили юбилейную дату поэта.), которые вчера без меня привезли и оставили на вахте. М.И. Кожину (нашёл его по-сотовому) сообщил что журнал готов, и на следующей неделе его привезу. Хотя теперь уже знаю, что это вряд ли получится.

Владимир Заного в типографии подготовил обложку для журнала. А вечером с ним произошёл нервный разговор по телефону. Его эгоистическая заинтересованность в воспроизведении собственных «картинок» меня выводит из равновесия, и я, к сожалению, становлюсь эмоционально-несдержанным.

19 января

Пришло письмо от Олега Ник. Шестинского. Очень и очень тёплое. Весь сегодняшний день ходил с этим ощущением в душе.

Чижов принёс свой новый рассказ, но без меня (я ушёл к Пашкову). Прочитал рукопись и решил в следующем номере опять опубликовать подборку «Современный русский рассказ», где будут одни нижегородские авторы.

Позвонил Чижову и предложил встретиться, поговорить о дальнейшей судьбе журнала. Он знает о приватизации «Волгагеологии».

— Я беспокоюсь за тебя, — сказал Михаил Павлович.

Если ничего не изменится — в ближайшее время посидим и обсудим ситуацию на будущее. У меня есть по этому поводу некоторые соображения.

20 января

Мороз пружний, но добавился ледяной ветер. Ко мне домой приходил Жильцов. Принёс «Православное слово» с моей статьёй. Отдал ему заказанную им рецензию, книжку Коломийца и дал прочитать стихи Шиненкова (помня наш разговор с Алексеем Марковичем), которые Владимир одобрил.

В офис пришло письмо из Москвы, из Синодальной библиотеки, с перечнем номеров «Вертикали» в их фондах и поздравлениями. В типографии работа с журналом идёт. Вывели на кальки. Значит, всё будут делать в офсете. Звонил и напомнил Щеглову о вёрстке «Сопrotивления нелюбви». К работе он пока не приступал.

21 января

Пашков пригласил в «Веру» посмотреть сказку «Иван седьмой». Хорошие костюмы, декорации. И впечатление от спектакля хорошее. Потом долгое общение с актёрами — пустое и неинтересное. Столы накрыли в фойе. Сидели и в гримёрке за кулисами.

Несмотря на тридцатиградусный мороз, домой из театра шёл пешком, накинув на песцовую шапку капюшон дублёнки, и потому было не холодно, а даже приятно.

22 января

Наконец-то температура поднялась до минус двадцати. В квартире у нас третий день холодно. Пол, ковры ледяные.

Дочитываю старый, 50-х годов роман Виктора Астафьева «Тают снега». В литературном плане книга слабая, коммунистически-политизированная. Но и в ней (категоричностью, раздражительностью) уже виден будущий Виктор Петрович.

24 января

Макет в типографии без движения, и я думаю, что со следующим номером к сроку не управлюсь. Хотя материалы собраны и даже набраны на компьютере.

Звонил в Питер. У Владимира Шемшученко в феврале юбилейный вечер в Союзе писателей на Комсомольском проспекте, 13. В голосе Виталия Розе озабоченность теперешним положением. Но он настроен на работу, готовит следующий номер газеты. Значит, всё преодолют, найдут выход из положения и новых благодетелей.

Попросил Алексея Марковича в начале следующей недели поехать в Москву. И Шестинского поздравить с днём рождения, и на поэтическом вечере Шорохова с компанией побывать, и журналы всем отвезти. Обещал подумать.

25 января

Никуда из дома не выходил. Писал о Юрие Адрианове — не ленясь и не отвлекаясь. Итог — семнадцать страниц. Но это только половина из задуманного.

27 января

Зашёл к Александру Пашкову. Опять говорили о возможности проведения в театре драмы вечера журнала «Вертикаль» и Клуба Н.И. Рыжкова. Перспектива очень интересная. «Нижегородские новости» готовы взять на себя информационное обеспечение, проведение пресс-конференции, приглашение гостей. Если удастся организовать выступление Героя России, лётчика-испытателя Анатолия Николаевича Квочура, то можно пригласить представителей завода «Сокол».

Из «Волгагеологии» позвонил М.И. Козину. Опять какой-то непонятный, натянутый разговор. На прошлой неделе состоялось заседание Клуба. Попенял мне, что обещал я на этой неделе приехать, а не приехал, потому и на Клуб не попал. Условились встретиться во вторник в Москве. После такого разговора на душе тягостно.

Зато первые три главы из моих воспоминаний об Адрианове, уже набранные на компьютере, я прочитал и остался доволен. Хотя бы здесь мучавшие меня сомнения развеялись.

Заезжал Игорь Преловский. Оказывается, во вторник он едет в Москву на машине и готов меня взять с собой. Если получится, то это удачно.

Уже вечером из типографии привезли сто штук журналов. Сразу распределил часть из них по конвертам и отнёс в ящик для почты. Позвонил Володе Заногге. Сообщил о выходе журнала, да и недоразумение, случившееся между нами, развеял. Оно мне было неприятным.

28 января

Утром заехал Борис Лукин. Главная новость — они с поэтом Алексеем Шороховым начинают издавать ежемесячный литературный журнал. Средства Борис нашёл.

Пригласил его вместе поехать в мастерскую к Заногге. Я обещал Владимиру привезти журналы, ну и всё это как-то можно совместить. В пятом часу вечера за мной заехала машина, Борис с другом ждал нас у Малиновой гряды. У Владимира смотрели его работы, он рассказывал о них, комментировал — пейзажи, натюрморты и даже «Несение креста». Распили бутылку виски, обменялись впечатлениями и распрощались.

Передал Заногге десять штук «В-15» и рамку для работы, которую он мне хотел подарить.

Ещё днём звонил Валентин Арсеньевич Николаев. И он обеспокоен, что в «Волгагеологии» грядут перемены, которые могут закончиться отставкой Коломыйца, а «Вертикаль» потеряет свой офис. По этому поводу я встретился у себя с Чижовым два дня назад. Говорили обстоятельно о финансировании. Михаил Павлович надеется, что его хорошие знакомые в городах области (главы администраций) помогут. Я к этому отнёсся скептически. Но может быть, всё-таки что-то и получится. Человек он ответственный. К тому же Коломиец, как мне кажется, от нужд «Вертикали» в связи с грядущей приватизацией полностью отстранился.

Посмотрим, какие результаты будут от моей поездки в Москву.

29 января

Звонок Владимира Заногги. Он нашёл три работы под мою рамку. Я сказал, чтобы он сам выбрал любую, но Владимир отказался и настоял, чтобы я приехал и всё решил самостоятельно. Неожиданно напомнил о той борской работе, что тогда хотел мне подарить, но... не случилось. Он всё ещё её не «дотянул». Как закончит — подарит. Любопытно в этой ситуации то, что подарить пейзаж затопленного леса возле «острова» Владимир мне предложил сам ещё тогда, когда мы жили на озере, а он его только написал, стоя в ботнике. Затем я лишь однажды в доме у хозяина перед нашей последней ночёвкой обмолвился об обещанном. После этого прошло столько времени... Я, конечно, помнил о том обещании, но не специально и без всякого умысла. Помнил, но ничего не ждал

и не считал, что мне его должны отдать... А Владимир говорил хорошо, от души.

Опять писал об Адрианове. Эта тема меня захватила. Давно так не работалось. Есть ещё порох.

У Преловского с машиной не получилось. В Москву еду на поезде. Сходил на вокзал и купил билеты. Опять морозит, но пока не больше минус двадцати.

30 января

Позвонил О.Н. Шестинскому. Поговорили с ним как родные души. Голос у Олега Николаевича бодрый, артистичный. Поздравил его с днём рождения и сказал, что завтра приеду в Переделкино. Он ждёт. Моё письмо Шестинскому Олег Николаевич показал Арсению Васильевичу Ларионову и Юрию Васильевичу Бондареву, а они его опубликовали в «Патриоте». Не очень бы я этого хотел, но теперь уж чего говорить. Много всего накопилось поделиться друг с другом. Решили не комкать разговор и всё обсудить воочию.

Приехал в офис Чижов. Тут свои планы и впечатления. Михаил Павлович уже переговорил с возможными спонсорами из районов. Есть надежда. За дело он взялся рьяно. Поехали вместе к нему домой за диктофоном и загостились под водку с грибами и огурчиками. Очень душевно.

31 января — 1 февраля Москва

Притащил сумку с журналами к Козину в университет. От секретаря узнал — он с понедельника в отпуске. Да что же это такое! Ведь по телефону твёрдо договорились на вторник, причём именно по его предложению «конкретно определить», когда мне приехать.

Попросил у Яны кофе, пряников, и начал всех обзванивать по телефону.

М.И. Козин сидит дома. У него ремонт, меняют окна. Есть у него какие-то вопросы ко мне по поводу книги. Попросил с шофёром прислать журнал.

Пётр Иванович Кононенко в командировке, и в ближайшие дни его в Москве не будет.

Николай Переяслов болен, хрипит, простужен. Говорит, что только что вернулся с Украины. Я предложил оставить журналы в Союзе у секретаря Ганичева.

Барис Лукин у себя на работе. Освободится после трёх часов и приедет в «Российский писатель».

Шестинский тоже оказался в Москве. Нина Николаевна дала мне телефоны Ларионова. Олег Николаевич её предупредил, что если я смогу, то пусть подъеду в «Советский писатель». Оттуда вместе уедем в Переделкино.

На метро, с изрядно полегчавшей сумкой, поехал на Поварскую, 11. Ларионов и Олег Николаевич встретили душевно, накормили обедом. Вячеслав Иванович Орлов и Ларионов подарили свои книги, журналы «Слово», газеты «Патриот».

«Волга» Ларионова отвезла нас в Переделкино. По дороге купил еды, вина. Нина Николаевна встретила радушно. Конечно, во время ужина много говорили о делах по захвату здания Международного сообщества писательских союзов. Меня поразил, если это было в действительности, тот факт, что Марина Переясова обыскивала женщин, выходящих из «Дома Ростовых». Впрочем, может, она этого и не делала. Может быть, это не правда, это только слухи. Уж очень не хочется в это верить.

Вот истинное лицо нашей творческой интеллигенции. Понятие чести в их душах ещё и не ночевало, если только дело начинает касаться денег.

1.02. Утром отдал Олегу Николаевичу книгу Чижова. Много до завтрака говорили о наших делах. Свою поэму Шестинский готов опубли-

ковать в «Вертикали» и без гонора, лишь бы она вышла в марте. Записали с Олегом Николаевичем беседу для журнала на диктофон.

Я поражаюсь, как много и плодотворно он работает. Пишет прозу, стихи, публицистику. Близкие Олегу Николаевичу журналы просто не успевают всё это печатать. А ещё столько откликов он делает на прочитанные книги, читает рукописи.

В Москву вернулся на электричке. Как быстро столица привыкла к сбоям в работе метрополитена. Немедленно образуется людская давка. Я хотел с Кольцевой пересечь до Сокола и не смог. Пришлось вернуться и сначала побывать в Союзе, где оставил журналы для Переясова и один отдал Геннадию Иванову, а затем уже съездить в «Мотор Сич» и через секретаря оставить журналы для Кононенко.

В поезде читал новую книгу прозы Шестинского.

Барство и в общем-то хамство Кодина (ведь не улицу перейти — приехать мне в Москву), тяготило.

2 февраля

У Володи Заноги в Городце открытие выставки. От выставочного зала с площади Минина поехали на автобусе. Компания подобралась хорошая и не случайная. С.П. Чуянов, В.Н. Величко, В.К. Тырданов, А.В. Фигарев, К.И. Шихов, В.И. Соболев, В.И. Пурихов...

Организовано всё хорошо, с душой. И картины разместили удачно. Все выступали искренно, заинтересованно. Пришлось немного сказать и мне.

Здесь подробно об этой встрече писать не буду. Нужно подготовить репортаж для журнала, там всё и расскажу. Но атмосфера на вечере была тёплая, без казённости. Просто праздник. Очень порадовался за Владимира. Какой-то его знакомый снял об этом видеofilm.

3 февраля

Как вчера и договорились, в «Волгагеологию» посмотреть музей пришли Пурихов и Вячеслав Иванович Соболев. Потеряв место министра культуры в областном правительстве, он так никуда и не прибил. Теперь участник всех проходящих тусовок — и правильно делает. Это его стихия.

Александр Васильевич Котельников устроил им долгую и обстоятельную экскурсию. После немного посидели за столом. Вечером поехал к Заногам. Этюды для меня он подобрал чудесные. Один вставили в раму — он тут же приобрёл классическую глубину русской реалистической школы.

Владимир говорил об иконе, об иконописи, о работе над образом. Хорошо бы ему заказать на эту тему статью. Весь этот разговор возник, отталкиваясь от высказываний Виктора Тырданова на прошедшем открытии выставки.

Приехал оператор. Показал отснятый материал из Городца. Всё профессионально и удачно. Хороши и его фотоработы, привезённые из Якутии, с Лены. В них поиск, какое-то душевное метание. Я заговорил о том, что мне нужна работа на обложку книги. И Владимир, и он откликнулись, но сразу к решению задачи не пришли. Надо думать.

На улице опять к тридцати. Снег визжит под ногой. В воздухе дымка. Уехал из Щербинок не на последнем ли автобусе? Пока стоял на остановке, высоко над крышей девятиэтажного дома, в мастерской одиноко горело только окно Владимира. Потом и оно погасло. И стало грустно. Как же я всё-таки бывал неправ в своей нетерпеливости, раздражительности.

6 февраля

Больше месяца стоят сильные морозы. Все яблоньки наши, наверное, погибнут. Жалко. Росли на глазах.

Делал звонки в Москву. Говорил с Кодиным. Свою статью о М.С. Горбачёве в «Вертикали» он считает в лучшей редакции. До этого её напе-

чатали «Всерусский собор» и «Наш современник». Однако на мой вопрос о книге опять ушёл от ответа. Ясно, что вопрос не в том, что ему в ней что-то не нравится. Видимо, Михаилу Ивановичу пришла мысль её подготовить как-то иначе. Уж не хочет ли он её издать, как историко-научный труд? Сейчас у него дома ремонт, и разговор отложили на потом, когда выйдет из отпуска.

П.И. Кононенко на моё предложение частично профинансировать издание книги «Сопротивление нелюбви» ответил согласием. Я включу в книгу раздел о событиях, в которых принимал участие «Мотор Сич».

Звонил и в Питер Андрею Реброву. Он устроился в охрану. Говорит, что в местном Союзе «пробивает» издание журнала. Трудное это дело, сможет ли?

Встретились в Союзе, в издательстве у Преловского с Михаилом Селиверстовым. Начали подготовку очередного номера «Вертикали». Оставил ему «Содержание» и почти все материалы в электронном наборе. В субботу должна быть готова вёрстка.

7 февраля

В Союзе заседание правления. Идти никак не хотел, но так сложилось, что Владимир Жильцов туда принесёт гонорар за мои статьи, опубликованные в последнее время в «Православном слове», да и мне ему надо передать письмо Петра Родина, журнал, В.А. Шамшурину тоже журнал, присланный Вячеславом Бахревским. А ещё отдать Щеглову недостающие материалы для вёрстки книги и Селиверстову для вёрстки журнала. Слово, всё равно надо идти. Заодно занёс наши последние издания в областную библиотеку.

К Шамшурину в кабинет зашёл с большим опозданием. Решали судьбу нашего отделения Литературного фонда и «терзали» Селезнёва. Борис держался, хотя всё пахло какой-то афёрой. В итоге сошлись на том, что необходимо провести общее собрание и навести в этом вопросе порядок.

8 — 11 февраля. Москва

В этот раз поехали с Алексеем Марковичем на машине. Жили в «Измайловской». Утром 9-го встретился с Кононенко в его офисе и всё решили по финансированию издания моей книги. Он мне подарил большое деревянное яйцо на подставке с написанной на нём иконой апостола Петра. Вместе посмотрели передачу о Новоиерусалимском монастыре. Любопытно, но я не понял, что он в этом случае хотел от меня. Чтобы я это как-то осветил в журнале? Хотя всё, о чём мы говорили, выстраивается в сюжет, мысль статьи. Надо бы её написать, коль она у меня в голове сложилась.

10-го, после неудачной поездки в «Мотор Сич» (фотограф Андрей Артамонов должен был оставить диск с фотографиями, но этого не сделал) отправился в Союз. Случайно встретился с Геннадием Ивановым, первым заместителем В.Н. Ганичева. Он прочитал пятнадцатый выпуск журнала и наговорил мне много хороших слов о нём. Что внутреннее содержание журнала полностью соответствует той цитате из послания апостола Павла, которая помещена у нас на титуле.

В Союзе узнал о предстоящем вечере памяти Юрия Кузнецова в ЦДЛ. Вечером на него поехал. Перед началом с час погулял по Москве. Немного морозно (минус шестнадцать), но подсвеченные здания по Садовому кольцу делают город не только красивее, праздничнее, но и уютнее.

Большой зал ЦДЛ. Три с половиной часа шёл вечер. Я ушёл в завершении, но не досидел до конца, а когда вышли на сцену ученики Кузнецова из Литинститута. Вечер удался. Мне кажется, я только-то и узнал по-настоящему этого поэта. Хорошо говорили Владимир Бондаренко, Сергей Куняев (он немного с артистическими наклонностями), Владимир Личутин. Выступающих было много. Тепло вспоминал о Кузнецове

Ерёменко, бывший главный редактор «Литературной России». Но самое ценное — много было показано видеозаписей, где стихи свои читает сам Юрий Поликарпович. Лицо у него во время этого чтения с удивительно чувствительной мимикой. Читая, он вновь переживает написанное.

И уж совсем замечательно были исполнены музыкальные произведения, песни на его стихи. Особенно отрывок («Колыбельная») из поэмы о Христе. Какой голос, какое проникновенное пение у солистки! Конечно, фамилию её не запомнил, да это и не важно.

14 февраля

Забрал в типографии первый вариант вёрстки 16-го выпуска. В чистом виде примерно пятьдесят страниц. Но это только начало работы.

Отвёз в магазин «Флоренский» журналы.

15 февраля

Приехал Чижов. Подготовили и отослали по факсу договор на издание журнала в администрацию Вадского района. Решили ехать в Москву. Я позвонил Шемшученко («Все родные и близкие должны быть на юбилее») и Шестинскому (по поводу встречи и ночёвки). Потом поехали к Михаилу Павловичу домой. Уже оттуда отправился на вокзал за билетами. Перед этим Чижов звонил в Вад, глава договор подписал.

17 — 19 февраля. Москва

На поезде с М.П. Чижовым. Кодина в университете опять не оказалась. Уехал на похороны Валерия Ивановича Болдина — бывшего члена ЦК КПСС, руководителя аппарата М.С. Горбачёва, когда тот недолго был Президентом СССР. Я бы попытался его дождаться, но в метро остался Чижов. Пришлось вернуться к нему и вместе уехать в Союз к Переяслову. Володя Шемшученко был уже там. Приехал и Виталий Розе. Вечер прошёл быстро, людей на него пришло немного, хотя Михаил Иванович был. Чижов суетился, раздавал свои книги. Стол в приёмной у Ганичева. Ночевать уехал вместе с питерцами в «Мотор Сич». Михаил отправился к родственникам.

18.02. С Чижовым у Шестинского. Олег Николаевич был в ударе. За столом много рассказывал о прошлой литературной жизни — как его отстраняли от должности руководителя писательской организации в Питере, об Иосифе Бродском, о приходе на председательство в «большой» Союз писателей СССР Владимира Карпова. Конечно, немного захмелел от выпитого, но всё было в рамках приличия. Чижов этот разговор записывал на диктофон. В итоге и ночевать остались в Переделкино.

На следующее утро уехали в Москву и домой. За всё это время от общения с Михаилом осталось тягостное чувство. Я пожалел, что позвал его с собой. Он нуден, чопорен и катастрофически мало образован. Вот и вспомнились наши поездки с Коломыйцем. Разительное отличие.

21 февраля

В областной администрации расширенное заседание коллегии Министерства культуры. Выступил губернатор В.П. Шанцев. Коротко, конкретно, оптимистично. Обещает повышение зарплаты, отремонтировать музеи (краеведческий и художественный) на Верхне-Волжской набережной, в 1-ом квартале 2007 года открыть реконструированный цирк. И его словам веришь. Нужна планомерная работа и упорство, нужны чётко определённые цели.

От себя сделал звонки в Москву. (Билеты на поезд купил ещё в администрации).

Позвонил и приехал Борис Селезнёв. Рассказал о Литературном фонде. Лихо они там закрутили, но желание друг друга обхитрить подвело. Всё закончилось крахом, ссорами, обидой и предательством Юрия Хромова. Впрочем, мне это неинтересно. Подарил Борису последние номера

«Вертикали», «Всерусский собор», газеты...

22 — 23 февраля. Москва

На самом деле вся поездка состоялась за один день и была нервной, суетливой. Только вчера вечером понял, что 23-е праздник, и на этот день в практическом смысле оставаться в Москве нет никакого резона. Приехав на Курский вокзал, сразу попытался переоформить билет. Мест нет. Поехал на Ярославский вокзал. Там немного обнадёжили, но ответ после 17-00. Отправился в «Мотор Сич». Гостиница на праздники закрыта. Пришлось договариваться с Лукиным о ночёвке. Билет мне на нижегородский ночной поезд поменяли, поэтому из «Форте-клуба» пришлось вновь звонить Борису, отказываться. Вот в таком сумбуре всё происходило.

Успел до начала вечера «на бегу» переговорить с Кодиным о журнале. Понял, что радужным обещаниям (и моим ожиданиям) не суждено сбыться. Отношение Клуба к «Вертикали» остаётся на прежнем уровне. Зато хороший, обнадёживающий разговор произошёл с Петром Ивановичем Кононенко. Здесь, я думаю, есть перспектива сотрудничества на взаимном расположении друг к другу.

На этот раз народу пришло мало. Все столы оказались наполовину пусты. Были главный санитарный врач Российской Федерации Геннадий Григорьевич Онищенко, министр культуры А.С. Соколов, бывший глава ВАЗа Владимир Васильевич Каданников, композитор Евгений Дмитриевич Дога, посол Молдавии в РФ, Владимир Константинович Трошин — который и был главным гостем. Он пел свои хиты прошлых лет, немного рассказывал о своей жизни. Бодр, энергичен, а ведь в мае 80 лет.

Хорошо выступил Соколов, рассказав о впечатлении после поездки в Словакию. «Почувствовав себя задворками Европы, они опять тянутся к нам, вспоминая о славянском единстве».

Когда закончился вечер (Кодин попросил меня задержаться), я пошёл пешком по горящей огнями Тверской вниз к Красной площади. Шёл редкий, но мокрый снег. На душе было хорошо после сытного обеда и выпитого хорошего вина. Обошёл Красную площадь, почти пустынную, и через Александровский парк ушёл в метро.

Вечерняя Москва настораживает (в центре города) агрессивностью и хамством молодёжи — пьяные, орущие, и никакая милиция их не одёргивает, не призывает к порядку.

26 февраля

Звонок от М.И. Кодина. Опять по его книге — упрёки, почти оскорбления. Но я совершенно не могу понять, чего же он сам-то хочет. Попробую отредактировать по своему усмотрению. Нет — пусть решает сам. Что мог — я сделал.

27 февраля

Был у Владимира Заного в мастерской. Решили по обложке для 16-го выпуска. Слава Богу, концептуально получается сильно и цельно. Порадовала меня и распечатка статьи-отклика на письмо народного художника России, скульптора Вячеслава Михайловича Клыкова в «Русском вестнике». Энергично, эмоционально и по фактам убедительно получилось. Тот редкий случай, когда самому нравятся. Отослал её по электронной почте Кононенко. Вчера пришло письмо от Виктора Фёдоровича Потанина из Кургана. Очень хвалит записки Валентина Николаева в выпуске 15 — «Тоска по мастеру».

28 февраля

В Нижегородской филармонии концерт национальной самодеятельности. Поехал на него с Алексеем Марковичем. Конечно, преобладание русского исполнения — дорогие костюмы, хорошо подготовленные хоро-

вые и хореографические номера. А вообще было приятно видеть сохранение национальных культур молодёжью. Только украинцы, их коллектив на общем фоне выглядели перестарками. Очень возрастной.

6 марта

В пятницу 3-го числа был в типографии, правили макет. Несколько дней уже побаливало горло, и вот тут из носа потекло, расчихался. Пришёл и лёг в постель. За выходные отлежался, выздоровел. И сегодня весь день с Заногой работаем над его небольшой статьёй. Вроде бы довели до ума. Пришли письма от А.В. Ларионова и О.Н. Шестинского — газета «Патриот» со статьёй Олега Николаевича. Позвонил я П.И. Кононенко. Статью мою по электронной почте получил, очень понравилась, и он передал её в «Русский вестник». В следующем номере должна выйти.

Домой пошёл через магазин «Планета». Зашёл во «Флоренский» на улице Рождественской. Журнал никто не покупал, но в «Православном слове» напечатана моя статья о вечере памяти Юрия Кузнецова и заметка о «В-15».

10 марта. Бор

День трудотерапии. Утром на машине отвёз диван и кресла в дом. Снег по пояс. Пришлось по нему таскать мебель наверх в дом. Ладно, он рыхлый, рассыпчатый. Пробка у моста в обе стороны невероятная. Как же мы летом будем ездить в деревню?

После обеда, в три часа поехал в гараж. Скидывал снег с крыши (самый первый, ещё ни у кого снег не сброшен — может, поторопился) до заката солнца. Снега много. Я вспомнил, что в прошлом году убирал его намного позже. Последние лопаты сбросил тогда, когда солнце уже скрылось. Шёл из гаража в сумерках. Пока ждал трамвай на остановке — и вовсе стемнело.

13 марта

Звонил Козин. Вернулся из Швейцарии, где выступал на каком-то форуме со своим докладом. Сам доклад отослал мне по электронной почте. Настроение у Михаила Ивановича хорошее — сама радушность. Предупредил, что 3-4 апреля собор, на который он меня приглашает. И вообще, апрель будет горячим. Я, в свою очередь, подтвердил, что работаю над его книгой. На этом и расстались. Только потом подумал, что мы, возможно, говорили о разных соборах — я о Всемирном Русском Народном, а Козин о Соборе славянских народов. Необходимо это выяснить.

14 марта

Пришло письмо из Дербента от Рагима. Оказывается, он не может до меня дозвониться из-за изменившихся телефонов. Просит сообщить новые номера. Позвонил и всё передал его дочери.

Разговор с Чижовым. Выяснение отношений. Михаил пришёл ко мне в музей, чтобы упрекать меня в снобизме, невнимательности к нему, эгоизму. Пришлось и ему в ответ кое-что неприятное сказать. Но этого он уже не воспринимает, считая себя вне подозрений.

После просмотра и правки отнёс вёрстку своей книги Щеглову. Что-то невероятное с ней творится. Теперь у Гены полетел компьютер. Подготовленный материал пропал, всё придётся делать заново. Жалко пропавший труд. Поэтому печать книги в типографии у Игоря опять откладывается. А он готов был всё сделать до первого апреля.

15 марта

В Союзе писателей собрание по Литфонду. Долго и подробно Ю.И. Хромов обличает Селезнёва. Выборы правления Литфонда. Меня среди заранее подготовленных кандидатур нет. Но Валентин Николаев,

несмотря на возражения Шамшурина, настоял. В итоге голосовали по всем кандидатурам отдельно, и я прошёл. В свою очередь, я настоял, а затем и предложил в председатели ревизионной комиссии Евгения Эрастова. Откровенно сказал, что за предательство предыдущего председателя Хромов не должен быть исполнительным директором. «Предавший один раз — предаст и второй».

По окончании собрания все разошлись, а потом встретились в «Крестьянке». Оттуда уже втроем с Чижовым и Николаевым пошли к Михаилу на улицу Горького. Пили, говорили о литературе, и главное — решили «продвигать» журнал в районы области. Чижов заверил, что у него уже есть хорошие «наработки».

16 марта

Звонок Кодина. Ему понравилась редакция статьи. Общение — сама доброжелательность и полная расположенность. 23-его числа должно состояться заседание Клуба. Встреча с губернатором Саратовской области.

Вечером с Пашковым смотрели спектакль в учебном театре Нижегородского театрального училища в постановке А.С. Белова — «Дон Жуан». По-моему, скучно и неинтересно.

22 марта

По электронной почте пришло приглашение на Собор в Минск. Позвонил и сообщил об этом в Питер Шемшученко, чтобы у себя проконтролировали.

К сожалению, опять ничего не получилось с гостиницей в «Мотор Сич». Сам П.И. Кононенко в Запорожье. Дозвонился и до М.И. Кодина. Завтра встретимся у него в университете.

Разговор с главой Вачи не состоялся. Чижов зря прождал его больше двух часов. Вторую половину дня это ожидание мне поломало, но зато кое-что поделал у себя в офисе.

Вечером в библиотеке презентация двухтомника «Еврейских тетрадей» Липы Грузмана. Полный зал. Диаспора выступила сплочённо. Пригласили руководителей от культуры, от прессы. Хотя, думаю, здесь много зависело и от самого Липы. Он использовал свои связи на полную катушку. Почему у нас так не получается? Почему ругань, зависть и раздробленность преобладают и, в конце концов, решают всё? Всё портят, губят? В этом смысле вечер поучителен.

23 — 24 марта. Москва

Ездил на поезде. Только у Кодина в университете узнал, что заседание Клуба переносится из-за болезни саратовского губернатора. Поэтому до пяти часов вечера все разговоры велись вокруг работы над книгой Кодина. На этот раз спокойно и с пониманием. Хотя через какое-то время Михаил Иванович опять увлёкся, и вся концепция книги вновь начала рассыпаться. Я не знаю, как совмещать отдельные отрывки из биографий родни и широкие размышления с документами вообще о репрессиях. Значимость и количество материала второй части в разы перевешивает первую.

На машине заехали за Володей Шемшученко к метро «Проспект Мира», затем Михаил Иванович привёз нас в украинский ресторан, где мы просто объелись. Ночевал в гостинице «Мотор Сич».

На следующий день с Кононенко встретиться так и не удалось. Полчаса покружив по окрестностям впустую, отправился к метро «Сокол». И после раздумий и сомнений пешком пошёл к Курскому вокзалу — Ленинградский проспект (М «Динамо», «Белорус.»), улица Тверская (М «Маяковская», «Пушкинская»), по Бульварам (М «Тургеневская») до Чистых прудов. А там по улице Покровка на Садовое кольцо и вокзал. Погода хорошая, шёл не торопясь около двух часов.

Несмотря на отсутствие конкретного результата от этой поездки,

я не расстроен. Разговор с Михаилом Ивановичем был нужным и для дальнейшего сотрудничества перспективным. Но слишком много работы впереди. Хорошо, что на прошлой неделе закончил воспоминания об Адрианове. Теперь писать статью о Заного и для Кодина. Всё это требует сосредоточенности и напряжения. Материалы большие, без дополнительной подготовки не одолеть. Времени же совсем не осталось.

27 марта

Михаил Чижов принёс свой очерк о Ваче. Жутко слабо! Пришлось мне много над ним поработать, сократить почти на треть, почистить язык. Приготовили и по его договорённости отправили письма на спонсорскую помощь для журнала.

В последнем номере «Всерусского собора» прочитал статьи Розе и так в душе возрадовался, так порадовался им, что обязательно решил позвонить Виталию. Сделал это, и, кажется, своим мнением порадовал Виталика. Он мне в свою очередь хорошие слова сказал о «Дороге», которую я ему раньше посылал по электронной почте. Думаю, сказал искренне, потому что и его не миновал сей путь.

Вечером домой позвонил Валерий Васильевич Никитин. Я часто его вспоминал, а он мне и звонил, да ведь номер-то изменился. Немного рассказал о новостях театральной жизни, о том, что начинает репетировать в новой постановке и выступает со своими моноспектаклями. 30-го такой спектакль покажет в учебном театре училища. Я пообещал обязательно прийти. Кстати, они купили трёхкомнатную квартиру.

Позвонил Селезнёв. Поблагодарил за то, что заступился за него на собрании Литфонда. Это, наверное, наш местный поэт Эльвира Леонидовна Бочкова ему рассказала. Предложил Борис поехать в Княгинино на Люкинский вечер в предстоящую среду. Я согласился. Можно и Коломыйца с собой позвать. Вот только когда буду писать для Кодина?

29 марта

Вчера в типографии почти подготовил макет. А затем совсем бездарно загубил день в бессмысленных хождениях по городу. Сегодня утром домой позвонил Коди́н. Ждёт мой материал по книге. Что мне ответить? Вместо работы еду, как и обещал, с Селезнёвым в Княгинино на Люкинские чтения. Хорошая и добрая встреча в районной библиотеке. Стихи местных авторов, застолье в Морской библиотеке. Хозяин её, два года назад мы с ним встречались, недавно умер. Писатель и моряк Гузанов. Какие же они молодцы, что всячески стараются заниматься просвещением. Это те искорки (по всей стране), что не дают угаснуть разуму, опуститься людям. Пообщаешься с ними, и на душе теплеет.

Много говорили с Селезнёвым о «Православном слове», о Братстве святого Александра Невского, о делах в епархии. Всё неутешительно, много меркантильного, слишком велика финансовая заинтересованность во всём. Будто это и есть главное служение Церкви. В подтверждение этих сомнений — вчерашний звонок Заного. В епархию из Москвы пришёл факс с приглашением его картин на выставку. Там отфутболили к наместнику Вознесенского Печерского монастыря архимандриту Тихону (Затёкину), чтобы он решил с машиной. А когда Владимир позвонил, игумен ему нахамил и в общем-то отказал в помощи. Заного звонил мне совершенно подавленным. Одна надежда — когда я поеду в Москву на Собор, то отвезу холсты, снятые с подрамников и скрученные в рулон (с ними и разобранные подрамники), передам их на месте его дочери. Теперь нужно разговаривать с Коломыйцем, договариваться о поездке.

30 марта

Подписал в типографии макет «В-16». Игорь Преловский сам звонил мне на работу, торопил. Уже завтра они начнут печатать тираж.

31 марта

Сходил в Братство Александра Невского за газетами. Взял для Москвы много — в этом номере напечатана моя статья о Вячеславе Клыкове.

В 15-00 отмечаем юбилей Половинкина в Литературном музее. Всё достойно — поздравления от областного руководства, от городского, от Вачского района (родина Владимира Васильевича). Сельчане приехали с гармошкой, пели. Но я обратил внимание, что Половинкин сдал, постарел. Хотя, конечно, возраст, восемьдесят лет. Обида на Союз у него осталась, и хоть вечер вёл Шамшури́н, всё-таки Владимир Васильевич и в своём слове на торжестве, и в тосте за столом её высказал.

После застолья долго гуляли с В.А. Николаевым. О многом переговори́ли, правда, не на трезвую голову. Поэтому результаты от этих разговоров предвидеть сложно.

Теперь о моих воспоминаниях об Адрианове. Ещё днём домой позвонил Палыч (Пашков): «Это топор войны до последних дней, на всю жизнь. Подумай, тебе это нужно? Там Шамшури́н на фоне, но на фоне ярком. В общем, тут надо думать...»

Наташе Адриановой для книги отдал воспоминания без тех страниц, что посвящены Валерию Шамшури́ну. Позвонил ей — она уже передала рукопись А.М. Цирульникову. На юбилее Половинкина встретился с Александром Марковичем и спросил о рукописи. Он предложил некоторые места сократить, и я с ним согласился, сказав, что полностью ему доверяю. Думаю, он уберёт всё, что касается Шамшури́на и Селезнёва. Тогда текст станет «плоским», безобидным и привычным. Зато у меня останется в арсенале моё «тайное оружие», которое при необходимости я всегда смогу опубликовать в «Вертикали». Ведь кусок текста окажется по объёму значительным.

1 апреля

Вечер в мастерской у Владимира Заноги в Щербинках. Попросил его сделать для Тани свадебные пригласительные билеты.

Впервые расспросил Володю о его детстве, молодости, учёбе в училище.

Звонил Николай Переяслов. Наши с Коломийцем пригласительные билеты на Всемирный Русский Народный Собор он оставит на вахте в Союзе писателей. Утром всё слишком «сжато» получается в Москве.

3 — 5 апреля. Москва

Поездка на машине с Алексеем Марковичем. Жили в гостинице «Измайловская».

4.04. Храм Христа Спасителя. Открытие X Всемирного Русского Народного Собора. Перед этим с Коломийцем прошли вокруг храма. Солнечно и тепло. Постояли на Патриаршем мосту.

Уже знакомый мне зал церковных соборов. К началу народу собралось много. Патриарх вышел с митрополитом Кириллом и сам вёл собрание до перерыва. Представительство от госвласти солидно — Генеральный Прокурор Владимир Васильевич Устинов, председатель Счётной палаты Сергей Вадимович Степашин, министр иностранных дел РФ Сергей Викторович Лавров, министр культуры РФ Александр Сергеевич Соколов...

Но главным событием оказался доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева). Никому из политиков слово не дали, хотя в зале были Г.А. Зюганов, В.В. Жириновский. По-моему, это было сделано специально. Но от этого Собор потерял свою остроту, и серьёзной дискуссии по докладу владыки не последовало. После обеда и вовсе публика заскучала. Валентина Распутина ещё послушали, а затем разошлись.

Мы вышли в 16-30. В зале к этому времени в партере народу оставалось совсем мало. Боковые же ряды совсем опустели.

Удалось отдать Кожину то немногое, что написал к главе о репрессиях

(Михаил Иванович был в каком-то генеральском мундире, вся грудь в орденах, и непрерывно давал телеинтервью). Пообщался с П.И. Кононенко и совсем накоротке с Владимиром Крупиным. С общим впечатлением от всего увиденного и услышанного ещё надо разобраться.

5.04. Утром у Кононенко. Отдал газеты с публикацией статьи о Клыкове. Как и обещал, Пётр Иванович помог журналу и передал материалы, которые я просил для следующей статьи. Пригласил он меня в Прагу на 15-е мая. Не знаю, что из этого получится.

С Алексеем Марковичем встретились в ЦДЛ — на Пленуме Союза писателей России. Попали к столу. Много там произошло разных встреч. Познакомился с Олегом Чупровым, договорились о сотрудничестве.

Уехали, так и не побывав как следует в зале заседания Пленума. В этот же вечер, приехав в Нижний, на вокзале взял билет на 7-ое число опять в Москву.

6 апреля

Делаю много звонков — Лукину, Шестинскому (от него пришло интересное письмо), в типографию...

И Олег Николаевич, и Борис завтра меня будут ждать, так что до отъезда в Минск скучать не придётся.

Забрал из типографии 50 штук журнала. Опять проблема — обложка с браком. Сказал, чтобы пока всё остановили и больше не обрезали журналы. Эти 50 штук отвезу в Москву, раздам.

Очень ждёт 16-й выпуск Шестинский для передачи Патриарху. Подойдёт ли он ему в таком виде? Олег Николаевич сказал, что Ларионов мой воспоминания «Друг» хочет опубликовать в №2 «Слова», который выйдет в апреле. Хорошо бы.

7 — 11 апреля. Москва — Минск — Москва

Впечатлений от поездки много, но подробно их записать не получится. Отмечу здесь лишь главное.

В Москве дождь. Борис Лукин меня встретил, но поехать с ним в Союз я не смог. На метро отправился в «Мотор Сич». Повёз «В-16» и загранпаспорт. В офисе суматоха, готовятся к участию в своей профильной выставке. Но с Кононенко я пообщался. Отдал загранпаспорт девушке, которая оформляет документы для поездки в Прагу, и тут выяснилось, что нужна фотография. Вернулся к метро, сфотографировался и опять пришёл в офис. Тут новая проблема — для визы нужна справка с места работы. Задача кажется неразрешимой. Но еду в Союз, пишу образец справки, и Геннадий Иванов всё оперативно подготовил на бланке и с печатью СП России. Володя Шемшученко отвёз справку в офис Кононенко. А мы с Борисом поехали к нему в дом. Вечером я ему предложил совместное сотрудничество по журналу. Похоже, что зря.

8.04. Едем с Лукиным к Шестинскому в Переделкино. Обедаем часа два. Разговор не очень получился. Но журналы Олегу Николаевичу я передал. Лукин нас с ним фотографировал. Много говорили о больном — разгроме в МСПС и Ларионове. Шестинский передал, что Арсений Васильевич хотел мне написать о готовящейся публикации «Друга», но узнав о приезде, попросил это сделать Олега Николаевича устно. Расстались тепло. Я оставил рукопись своих воспоминаний об Адрианове. Когда Олег Николаевич нас провожал, то шепнул мне, кивая на Бориса: «Ты кого ко мне привёл!», имея в виду, что тот работает у противников, в «Литературной газете». Успокоил старика — «Это нормальный человек».

По дороге (оказавшейся долгой — крутились по Москве и по делу, и плутали) опять говорили о журнале. Нет, суть этого предприятия до Бориса не доходит.

Гостиница «Мотор Сич» оказалась пустой. Остался в ней с Шемшученко.

9.04. Приехал Виталий Розе. Вечером он и Володя отправились на вокзал. Они в Минск едут на поезде. Я лечу с делегацией на самолёте.

Весь день на ТВ обсуждение выступления митрополита Кирилла на Соборе.

10.04. В аэропорту на меня переписывают билет Е.Д. Доги. Впрочем, всё это оперативно и безболезненно. Но проблема возникла и в гостинице. Разрешилась не без переживаний с моей стороны. Но это урок на будущее. Все детали впредь нужно будет подробно выяснять и условия обговаривать.

Собор славянских народов проходил во Дворце профсоюзов. Хозяева подготовились хорошо. С их стороны и выступления оказались чётче и продуманнее. Но подробнее об этом в статье. Закончился день концертом — от России М.И. Ножкин, Е.Д. Дога с певицей, хор социального университета; от Белорусии — «Сябры», Игорь Лученок, Ядвига Поплавская, девочка — победительница детского Евровидения. Вечером — приём в ресторане гостиницы.

11.04. Работа по секциям. Я оказался в той, что вёл М.И. Козин. Много было сказано дельного, но явно не хватает организационного начала в деятельности Собора. Всё, что делается — это делается энтузиастами. Были и эмоциональные выступления от Украины. Пленарное заседание закончилось немного базарно. Но, видимо, обойтись без этого в принципе невозможно.

Козина выбрали сопредседателем Собора от России.

Похолодало. Идёт дождь. Жаль, что почти ничего не посмотрел в Минске.

В ресторане обедали за одним столом в постоянных разговорах с адмиралом Игорем Владимировичем Касатоновым, актёром Николаем Петровичем Буряевым, советником министра культуры РФ Михаилом Юрьевичем Лермонтовым (потомком поэта) и каким-то депутатом украинского парламента. С Буряевым немного поспорили по поводу выступления митрополита Кирилла на Всемирном Русском Соборе. Зато с Касатоновым полная приязнь и взаимопонимание.

В Москве из аэропорта едем с Козиным. Хороший и перспективный разговор о нуждах журнала. Предложил мне написать о Соборе для газеты «Россия». Условились, что я задержусь ещё на два дня в Москве, чтобы поработать над главой о репрессиях. Но с гостиницей в «Мотор Сич» не получилось, а с билетом на вокзале повезло, и я уехал в Нижний. Надо торопиться, слишком много дел накопилось.

13 апреля

Приходил Игорь Слепченков — сосед по этажу. Он сотрудничает с радиоканалом и попросил журналы, чтобы подобрать православных авторов. Отдал ему несколько номеров «Вертикали».

Позвонила Наташа Адрианова. Сказала, что по областному радио слышала передачу о «Люкинских посиделках» и о том, что в них приняли участие я и Селезнёв. Возмущённо рассказала, что книгу воспоминаний о Юрии для публикации хотят передать Рябову. Цирульников её успокаивает, но она, резонно ссылаясь на прошлый опыт издания двухтомника и последней книги стихов с посвящениями, убеждена, что эти ребята рукопись сделают «под себя». Кого надо, поставят, что не подходит для них, из книги уберут. Деньги даёт Шанцев. Потому эти ребята и ринулись в бой, почувствовав запах добычи. Надо бы мне свою рукопись у Цирульникова забрать.

День у Заноги в мастерской. Я рассказывал о Соборах, Володя готовил Танин свадебный пригласительный билет.

14 апреля

Сразу утром пошёл в типографию. Оказывается, а я это предчувствовал, они обрезали весь тираж. Попытался поговорить нормально,

но довели до крика, до боли в груди. Бросил журнал на стол и уехал. Но разрядил обстановку Заного. Володя приехал после меня, обстоятельно во всём разобрался (опровергая, что ошибка произошла из-за нас) и подготовил обложку вновь. Мне уже в офис Игорь позвонил и сказал, что типография всё перепечатает и переделает.

Был у Щеглова. Геннадий обещает со следующей недели заняться вёрсткой моей книги. Передал мне от Липы Грузмана двухтомник его «Еврейских тетрадей». Всё внимательно перелистал. На этот раз книга сделана основательнее, иллюстрации подобраны продуманнее. Буду читать.

20 апреля

За прошедшие дни подготовил три статьи и раздал их тем, кому обещал — Жильцову, Козину, Кононенко. И вздохнул с некоторым облегчением. А сегодня две приятных новости. Из Нижнего Ингаша пришла бандероль от Сергея Тимофеевича Прохорова с его альманахами и позвонили из «Мотор Сич», что виза в Чехию получена. Паспорт и остальные документы у секретаря.

Последнего выпуска «Вертикали» у меня пока так и нет. Всё ещё не перепечатали обложку.

22 апреля

Утром с Жильцовым, в «Православном слове» (теперь редакция в помещении магазина «Флоренский» на улице Рождественской) сверстали две моих статьи в ближайший номер — о X-м Всемирном Русском Народном Соборе и о дне памяти в церковном календаре Андрея Первозванного. Статью о Минске вчера отдал Пашкову. «Нижегородские новости» как раз готовят номер, который повезут в Белоруссию по какому-то поводу. Там же в редакции нашлось несколько подшивок центральных газет за 1937 год. Оставил их для своего Архива.

Смотрел по НТВ репортаж из Иерусалима о схождении Благодатного огня. Чудо свершилось, но комментарии дьякона Андрея Кураева с актрисой Аллой Демидовой были неприятны. Они больше играли, думали о себе, чем о Чуде. Я даже выключил звук, чтобы их голосами не раздражаться. Смотрел только картинку происходящего.

На Крестный ход ходил к Спасскому Староярмарочному собору. Как великолепно устроили часовню над могилой митрополита Николая (Кутепова), и само надгробье в ней — мощное, из белого мрамора!

Людское море и, к сожалению, ощущение небрежности в службе. Или тут дело во мне? Но всё свершилось. Христос воскрес!

24 апреля

Делал звонки в Москву, поздравлял с Пасхой. Борис Лукин был дома, читал. На службе с сыном ударяли на колокольне в колокол. Просил привезти журналы.

Кононенко летал в Иерусалим за Благодатным Огнём с делегацией Фонда Андрея Первозванного. Статью мою получил, опять её хочет дать в «Русский Вестник». О поездке в Прагу промямлил что-то неконкретное. Опять чехарда и непонятность.

Шестинский упрекнул (с улыбочкой), что поздно ему звоню. Сразу заговорил о моих воспоминаниях об Адрианове «Я был в душе осенним человеком». Назвал их «блестящей статьёй»... Прочитали с Ниной Николаевной и рассказали об очерке Ларионову. Олег Николаевич попросил дать воспоминания для прочтения Ларионову. Я согласился. Чувствую, они произвели на Шестинского сильное впечатление.

Опять говорили об их приезде в Нижний. Алексей Маркович подтвердил своё приглашение. И сегодня же я забрал тираж «В-16» с перепечатанной обложкой.хлопоты завершены.

26 апреля

Позвонили на сотовый из Москвы. Вылет в Прагу 2-го мая. Начал срочно всё уточнять, позвонил Кононенко. Пока ситуация как обычно — много непонятого. Но думаю, всё утрясётся.

В выставочном зале открытие областной выставки наших художников. Что тут сказать — всё как всегда. В другой половине комплекса, в залах справа выставлены абстрактные работы Н.Ю. Панковой. Ну, это же мазня. Причём в одном стиле, в одном подходе (короткими жирными, широкими мазками) и почти в одном цвете.

Закончили вечер с Пуриховым и Заногой в мастерской у Нины Ивановны Ждановой в Блиновском пассаже.

27 апреля

Рассылал журналы, отнёс в областную библиотеку. Делаю это, после получения тиража из типографии, всегда спешно и в первую очередь. Ведь только тогда книжки начинают жить, когда у читателя есть возможность её где-то взять, с ней ознакомиться. И ещё — всегда боюсь, что не успею этого сделать, и тираж останется не розданным, нераспространённым.

У Щеглова посмотрел состояние вёрстки книги. Кажется, дело движется. Много у него замечаний по корректуре дельных. Устранять погрешности Геннадий будет сам.

Вечером с Пашковым в драме смотрели прогон спектакля «Фальшивая монета» М. Горького. Заняты все основные силы труппы — Г.С. Демуров, В.В. Никитин... Без всяких особых открытий спектакль получился удобосмотримым, для публики не скучным, не раздражающим.

28 апреля

Свадьба Татьяны!!!

Но утренних хлопот по журналу это не отменило. Купил на вокзале билет на 1 мая в Москву. В офисе — оказывается, вчера звонил С.Т. Прохоров из посёлка Нижнего Ингаша Красноярского края. Интересовался, получил ли я его журналы. Но ничего определённого директор геологического музея Александр Васильевич Котельников ему ответить не мог.

Пришло письмо и журнал «Слово» от А.В. Ларионова. Пишет о предстоящей публикации моего очерка, который именуется рассказом.

Звонки в «Мотор Сич» безрезультатны. Кононенко нет на месте. Пришлось подстраховаться и позвонить Борису Лукину и Шестинскому. Борис первого числа должен быть в Москве, и я передам ему журналы. У Шестинских взял трубку Павел Константинович Поздняев. Он у них гостил эти дни. Олег Николаевич рассказал, что он, Поздняев, прочитал мой очерк в «Слове» (у Шестинского есть уже контрольный экземпляр второго номера) и сказал о нём какие-то хорошие слова. Условились, что в понедельник я приеду к Шестинским в Переделкино.

К Пашкову в редакцию завёз папку с рабочим макетом книги «Сопроотивление нелюбви», чтобы он к ней написал послесловие. Обещал сделать за праздники. Забрал газету с отрывком из моего очерка о Минском соборе.

Свадьба — эмоциональная усталость. Но всё, слава Богу, прошло достойно и без проблем.

1—6 мая. Москва — Прага — Москва

Уехал из Нижнего на утреннем поезде. В Москве Лукин встретил и повёз к себе в район Речного вокзала, в квартиру, которую они сдают. Немного с ним погуляли у канала Москва-реки, и я отправился к Шестинским в Переделкино. Олег Николаевич показал «Слово» с моей публикацией, опять уточнял и расспрашивал о предстоящей их поездке в Нижний. Общались по-домашнему, как очень близкие люди. Больше

получаюся я бродил около их дачи, думал о предстоящей поездке, о журнале. Тепло, поют птицы.

2.05. Утром проснулся рано, но вовремя, от пения птиц за окном. Форточка над головой была открыта. В Москве от метро «Таганская» не спеша добрёл до Котельнической набережной. Время до отхода автобуса оставалось. Обошёл небольшой квартал старых московских особняков, зашёл во двор Афонского подворья, оттуда подошёл с тыла к «Дому на набережной». Сооружение монументальное.

В аэропорту Чехии нашу делегацию встретили торжественно — разносили на подносах рюмки с местной водкой.

В Праге всё цветёт — от тюльпанов до одуванчиков, от сирени и акации до яблонь и каштанов. Разместился в отеле «Ренессанс». Пять звёзд, дорожный номер. Для меня совершенно излишняя роскошь. Сразу отправился гулять по незнакомому старому городу. Хорошо, что отель стоит прямо у границы древней Праги, у Пороховой башни. Но это была короткая, предварительная прогулка.

Вскоре на автобусе поехали окружным путём (на самом деле он оказался совсем рядом) во дворец Жофин, располагающийся на острове посреди Влтавы, на торжественное открытие Пражского международного экономического Конгресса. Столы, закуски, выпивка, жареное на углях мясо и колбаски. Огромный и красивый зал приёма. Терраса, выходящая в парк... Главное действующее лицо торжеств — наш глава Российских железных дорог В.И. Якунин.

Продолжился вечер в ресторане «У Швейка». Литровые кружки пива, опять жареная утка, мясо, тушёная капуста. Назад в отель шли по ночному городу, через Вацлавскую площадь. Поразило обилие негров, что-то продающих или просто тусующихся на этой площади. Этот сброд приполз и в Прагу. С горечью подумал, что и нам этого не избежать.

3.05. Пленарное заседание в конференц-зале отеля «Мариотт». Перед началом коротко переговорил с Кодиным. Отдал ему журналы и газеты с моими последними публикациями. О проблемах, поднятых в выступлениях, напишу отдельно в статье.

После обеда ушёл в Старый город, через Карлов Мост над Влтавой. Как же там красиво! Узкие улочки, брусчатка под ногой, старинные дома с проходными двориками и арками, площади перед костёлами, памятники. После этой прогулки столько мыслей и ощущений родилось, что надо их как-то переварить, «уложить» в своём сознании. Но уже сейчас знаю, что теперь Прага станет меня «тревожить», когда я буду думать, рассуждать о каких-то наших русских вопросах.

Ужин в ресторане «Костёл». Он, действительно, открыт в здании бывшего католического костёла. Обильно еды и выпивки, живая музыка. Но уехал рано, на первом же автобусе. Слишком далеко от гостиницы. Вдруг у них опять что-то сорвётся с транспортом. Вместо ресторана сидели в номере «Мариотта» у Фалилеева Олега Михайловича, бывшего зам.министра какого-то нашего союзного министерства, пили виски и говорили о нашем времени. Мужик он интересный, неглупый, начитанный и очень располагающий к себе. Сейчас занимается, как я понял, элитными охотничьими угодами.

4.05. Прощаемся с Прагой. Напоследок я с О.М. Фалилеевым, А.А. Сениным, главным редактором газеты «Русский Вестник», с которым я жил в одном номере, зашли в ювелирный магазин (чешские гранаты), попили пиво за столиком у Костёла на улице, зашли в лавку старьевщика, побродили по незнакомым улицам.

Прощальный обед в ресторане «У Марчану» под пиво перед тем, как отправиться в аэропорт.

В Москве Кононенко отвёз меня в их гостиницу, и я впервые за последнее время выспался.

5.05 Как и обещал, поехал к Кодиному. Перед этим купил билеты на поезд на Курском вокзале. Договорились с Михаилом Ивановичем о спец-

выпуске «Вертикали», посвящённом «Хрустальной розе». Спонсорскую поддержку он обещает найти. Буду надеяться, что всё так и случится. Конечно, опять говорили о его книге. Здесь свою часть работы мне нужно уже заканчивать. Пробыл в университете почти до 16-и часов. К Кононенко опоздал.

6.05. Созвонился с Кодиным. Условились, что подойду к машине, которая будет стоять у его дома. Распрощался с гостиницей и отправился. Михаила Ивановича пришлось ещё ждать. Он запоздал, возвращаясь с рынка.

По дороге заехали за Ножкиным, который выступит на праздничном митинге в РГСУ. На площади перед главным корпусом университета народу немного. Поздоровался с космонавтом, дважды Героем Советского Союза В.В. Коваленком, познакомился с первым командиром «Альфы» генералом Г.Н. Зайцевым, тоже Героем Советского Союза. С ним мы условились, что по приезде в Москву я позвоню и мы встретимся.

Обедали в столовой университета за праздничным столом. Я спешил, времени до отправления поезда оставалось совсем мало. Но машина отвезла на вокзал. Обошлось без опоздания.

8 — 9 мая Кунавино

Открытие деревенского сезона. Весна всё-таки холодная. Настоящая тёплая погода так и не наступила. С Ириной открыли дом, сняли щиты с окон, протопили одну печь. Я до темноты пожёг прошлогодние ветки, траву на дальнем участке. Ирина немного позанималась с грядками у дома. Ночью шёл дождь. Позавтракав, мы рано уехали, и хорошо — миновали пробку у Волжского моста. Натуля за рулём съездила со мной в гараж.

10 мая

Таня с Андреем вернулись из Сочи. Отправил заметку по электронной почте Кононенко. Опять с Пашковым и опять в театре «Вера» смотрели «Будь здоров, школяр» Булата Окуджавы. Мне показалось всё действие очень неубедительным. Крикливо-сексуальная война с натянутым, искусственным трагизмом в конце. Хотя находка, когда сложенные ящики из-под мин накрываются материей, обозначающей во время всего спектакля землю, и тем самым они превращаются в могильные холмики, заслуживает похвалы и должна признаваться, как удача художника.

Звонил В.М. Степанов, предлагает выступить на Славянских днях о X-м Всемирном Русском Народном Соборе. Наверное, откажусь. А вчера звонил Владимир Васильевич Половинкин. Благодарил за публикацию его рассказа и поздравление с юбилеем в «Вертикали».

11 мая

Из «Советского писателя» прислали «Слово» с моей публикацией. Позвонил Шестинским и с удивлением понял, что они на меня обижены. Потом выяснилось, что всё дело в моём запоздалом звонке. Они ждали его раньше. Хорошо, что в приёмную вышел Алексей Маркович. Опять заговорили о приезде в Нижний, и Алексей Маркович подтвердил своё приглашение. Недоразумение с моим запоздалым звонком было разъяснено.

Пашков передал послесловие к книге «Сопrotивление нелюбви». Пока не могу определиться со своим впечатлением от него. Но печатать буду в таком виде, как оно написано.

16 мая

По электронной почте пришёл материал о М. Булгакове от Бориса Лукина. Второй раз я читаю его рукопись и нахожусь просто в недоумении — как мне быть?.. Кто же раньше хозяйничал в его материалах для «Российского писателя»? Николай Дорощенко?

Звонил Кононенко, сообщил о выходе «Православного слова» с моей статьёй о Праге.

Передал Михаилу Селиверстову первые материалы для 17-го выпуска «Вертикали». Геннадий Щеглов продолжает править вёрстку книги. И ещё — кажется, окончательно закрывают две газеты: «Православное слово» и «Нижегородские новости». Жильцов и Пашков в страшном унынии.

17 мая

Писал о репрессиях 30-х годов прошлого века. Кажется, закончил. Успел отнести текст для набора на компьютере. Позвонил Козину, сообщил, что завтра отошлю по электронной почте. Оказывается, от него мне направили приглашение на заседание Клуба. Будет выступать Сергей Владимирович Степашин, председатель Счётной палаты РФ 23 мая в гостинице Даниловская. В «Волгагеологии» мне, конечно, ничего не передали.

Вечером звонок Валерия Шамшурина. Он знает, что Щеглов готовит мою книгу. Сообщил — свою книгу он выдвинул на премию Нижнего Новгорода, так как других заявок от наших писателей не было. Что ж, и правда, не пропадать же деньгам.

19 — 21 мая. Кунавино

С Ириной в деревне. Дождик мелкий и нудный весь день. Топил обе печки. В доме стало тепло, хотя первая ночь далась нелегко. Спали в первой комнате.

Всё-таки посадил две сосенки на дальнем участке. Конечно, промок. Маленький росток пересадил с землёй, а тот, что побольше, выдернулся с корнем. Прикопал его наспех. Наверное, не выживет.

За эти дни в деревне продумал содержание следующего номера. Решил, что надо как-то организовать дальнейшее сотрудничество с местными авторами. В пятницу звонил Чижов с претензиями, что я его в журнале не представил, не дал к его крохотному материалу биографическую справку об авторе. Хотел сказать ещё что-то, но я раскричался в ответ и бросил трубку. Как же они мне все надоели со своим мелким тщеславием. А творческих удач, интересных мыслей в их работах на копейку. Провинция и её классики районного масштаба с убогим мировоззрением и неудовлетворёнными амбициями — какая это гадость. С Чижовым всё. Эта капризная барышня мне надоела. Никаких нервов на него не хватит. Из авторов «Вертикали» его вычёркиваю.

22 мая

Алексей Маркович посчитал главу о репрессиях готовой к публикации и даже дописал в ней окончание на половину странички. Я тоже утвердился в мысли, что эту работу надо печатать.

За сегодняшний день сделал несколько звонков.

В.Ф. Потанину в Курган. Очень хвалил журнал. Сказал, что показывал его слушателям в литературной студии местного университета. По поводу возможных сокращений текста его статьи, сразу же ответил, что знает мой уровень письма и полностью мне доверяет. Сегодня же сразу отослал ему три «пухлых» пакета с журналами для его студийцев.

О.Н. Шестинскому в Переделкино. Сообщил о смещении сроков приезда к нам в Нижний из-за занятости Алексея Марковича. Олег Николаевич интересовался Захаром Прилепиным и моим отношением к его прозе. Сказал, как думаю — это, конечно, писатель, но роман его жесток, хотя и правдив, груб и эмоционален.

Прохорову в Красноярский край. Говорил я коротко. Звонил на соловьиный, а Сергей Тимофеевич в это время был где-то на улице. Попросил его прислать фотографии к Астафьевскому материалу. А он меня всё благодарил за поддержку.

Зашёл к Пашкову. Сказал, что еду в Москву.

— Я точно знаю, — начал Александр, — что Шанцев недоволен начальником областного Комитета культуры и ищет новую кандидатуру. Нельзя ли, чтобы твои «благотворители» позвонили в администрацию области и порекомендовали тебя, тем самым поддержав группу, пусть она и небольшая, которая продвигает твою кандидатуру.

Мне это было сказано впервые. И как прикажете к этому относиться?

23 — 25 мая. Москва

Странная получилась поездка. И всё-таки неудачная.

В первый день с Кодиным до заседания Клуба Н.И. Рыжкова встретиться не удалось. Поездка к Кононенко тоже оказалась безрезультатной. В Союзе писателей немного поговорили с Переясловым. Он переводит роман в стихах какой-то адыгской поэтессы, живущей в Англии. Похвалил её книгу. Тогда я предложил дать отрывки из этого романа мне для журнала.

И вот из Союза, через Крымский мост (продолжение пеших путешествий по Москве), площадь, по улице Мытной дошёл до М «Тульская», а там уж и до гостиницы «Даниловской». Почти час сидел в монастыре, читал газету. До начала заседания ещё долго.

Впервые посмотрел летом сквер перед гостиницей (в закрытой зоне) — цветники, лужайки, искусственный дикий, заросший осокой пруд с фонтаном и скульптурами. Впечатляет.

Удалось поговорить подольше с адмиралом Касатоновым о Севастопольских делах. Игорь Владимирович считает, что в той ситуации после провозглашения им Черноморского флота Российским его вполне могли убить: «Нет Касатонова, и нет проблемы». И офицеры наши, в общем-то, трусонули.

С.В. Степашин выступил в меру откровенности. Как и всегда, главное впечатление — все и всё они знают и понимают. Тогда почему грабят и унижают страну? И от кого это зависит, чтобы всё безобразие пресечь? От Президента? А насколько он свободен в своём выборе, самостоятелен в своих решениях? Об этом во время перерыва говорили с депутатом Государственной Думы Виктором Михайловичем Видьмановым.

Но один раз Сергея Вадимовича прорвало, когда заговорили о нашей милиции. «Я как бывший министр МВД говорю — не дай бог попасть в руки нашей милиции. И мы все это знаем». Если даже министр не может урезонить этих беспредельщиков, то кто же тогда? Как эту вакханалию беззакония остановить?

С Кононенко за ужином немного обмолвились по поводу очередного номера «Вертикали». Основной разговор перенесли на завтра.

Ночевал в студенческом общежитии Социального университета в отдельном номере на 12-м этаже на Лосиноостровской. Утром проснулся — лес, зелень и по контуру окружают высотки Москвы.

24.05. Вчера вечером, когда с Михаилами Ивановичами Кодиным и Ножкиным ехал в машине, то договорились с первым, что с утра я поеду к Кононенко решать свои дела, а уж потом приеду в Университет на заседание Совета Славянского Собора. В итоге в «Мотор Сич» угробил день. Разговор с Петром Ивановичем не принёс никаких результатов. Правда, записал на диск фотографии с Соборов, и из офиса он дал мне машину, чтобы доехать к Кодину.

Но и там радости было мало. Кодин в последнее время странен, груб. Заседание было коротким и в основном свелось к вручению ордена Ирины Родниной — маленькой, худенькой женщине, бывшей нашей прославленной фигуристке.

На ужине я пробыл недолго и ушёл. Меня ждал Борис Лукин. Он ещё вчера предлагал баню и рыбалку. Пока на метро добирался до места встречи, пока ехали к нему — уже стемнело. В баню ходили, а вот рыбалку оставили на завтра. Настроение — дрянь!

25.05. Рано утром едем на озеро. Бесплатно под Москвой уже нигде не порыбачишь. Хотя озёра как и прежде — загажены, мусор на берегу. Почему за это нужно кому-то платить 100 рублей, непонятно. Карасики клевали хорошо. Несколько штук я потом съел зажаренных в сметане. Когда ехал обратно в Москву, то оказалось, что одну электричку отменили, а другая, отправившаяся через сорок минут, опоздала почти на сорок минут. До Курского ехал «на взводе», по эскалаторам бежал. Успел на поезд за пять минут до отправления.

26 — 28 мая. Кунавино

Конечно — пробки. Но в доме хорошо. Как громоотвод он вытягивал из меня тягость московской поездки.

Невероятно много вскопал грядок за субботу — весь ближний участок, семь штук. Усталости не чувствовал. Ирина всё, что привезла, посадила. И ещё на следующий раз подготовленной земли для посадки хватит. Вечером читал статью Валентина Курбатова «Бодрствующий во мраке» о Платонове и Вячеслава Огрызко «На краях идеологии» о А.И. Солженицыне, В.Г. Распутине, А.А. Проханове, Эдуарде Лимонове, Леониде Бородине.

Когда поставил машину в гараж, было 22-37. Домой шёл пешком. Только что прошёл сильный дождь. На асфальте сломанные ветки. Темно. Час быстрой ходьбы ушёл на «прогулку» по городу, большая часть из которой выпала на закоулки у завода «Красная Этна» и дорогу от Комсомольского шоссе к ДК им. В.И. Ленина.

29 мая

Макет книги готов. Но оказывается, деньги из Сергача за «Вертикаль» так и не пришли. Неприятная новость, сразу останавливающая всю работу.

30 мая

Начиная с Пасхи и по сегодняшний день, несколько раз звонил в Питер и только сегодня «поймал» Виталия Розе. На заседании Клуба они не были, потому что их не приглашали. Газету они выпускают, на выходе очередной номер. На днях едут выступать в Белгород.

В середине дня ездил к Заногe в мастерскую. Окончательно для себя решил убрать из вёрстки книги гравюры Сергея Шабанова. Они исполнены рукой неправославного художника. Я это чувствую (умозрительность и холод от них) и это меня тяготит. Я и изначально их не хотел, а только временно согласился их поместить в макет (чтобы не останавливать работу над ним) под давлением Щеглова. Взял несколько фотографий у Владимира с его работами. Попробую разместить их и посмотрю, что из этого получится.

Звонил Кодин. Считает, что о репрессиях материал сырой и публиковать его пока не следует. Вновь заговорил о таблицах. Какие таблицы? В моём варианте главы их нет, я всё убрал. В общем, завтра придётся посмотреть его вариант, присланный по электронной почте.

2 июня

Что было интересного за прошедшие дни.

Как и ожидал, Михаил Иванович прислал мне старый вариант главы. Новый, совершенно переработанный, он не получил. Что-то с электронной почтой. Звонил ему, объяснил. Но он и сам уже там многое переделал.

Рассказал Кодин, что ему звонил Владимир Шемшученко, и вроде бы с ревностью — почему меня позвали, а их не пригласили на встречу в Клубе. Это неприятно. Борьба за место под солнцем? Подобное для меня всегда противно. Михаил Иванович, как и обещал, разговаривал о журнале с Кононенко. Сказал Петру Ивановичу, что только мне он до-

веряет писать о Клубе, и им важно чтобы прошедшие события (клубные) были запечатлены. Предложил мне ещё раз позвонить Кононенко. А вчера звонил Шемшученко. Просил дать им материал для «Небесного всадника» о выступлении Степашина. Отказать не смог и вечером дома начал писать. Шло туго. Пришлось оставить дописывание на сегодня. И вот с утра, придя к себе, засел за работу. Всё дописал, и даже успели набрать (относил на компьютер по четыре рукописных странички), но с электронной почтой опять проблема. Похоже, она у «Волгагеологии» отключена за долги. Так что зря торопился. Но ведь писать-то всё равно было нужно. Пусть будет как черновик. Для публикации в «Вертикали» дополнительно поработаю над текстом.

Дозвонился по мобильному до Кононенко. И тот меня ошарашил новостью — сегодня умер Вячеслав Михайлович Клыков. Для патриотического движения это огромная потеря. Поговорить не пришлось, мобильная связь постоянно прерывалась. Понял только, что на следующей неделе он будет в Запорожье.

Опять навалилась проблема с деньгами!

Вечером позвонил Пашков. Ему присвоили звание «Заслуженного работника культуры РФ». Мы от журнала писали ходатайство о присвоении. Я рад, что всё получилось.

3 июня

Выходные дни, но в деревню не поехали. Срок техосмотра у машины закончился, а продлить его пока не получается.

Написал статейку о заседании «русского совета» Славянского Собора у М.И. Кодина в Российском государственном социальном университете.

Вечером пешком пошёл по большому кругу. Заглянул к Адриановой. Наталья в подробностях рассказала о своей глубокой обиде на А.М. Циркульникова, который по-хамски отстранил её от контроля за выпуском книги воспоминаний о Юрии Андреевиче. И это после того, как Наталья несколько месяцев (с её слов) сидела за компьютером, набирала переданные ей тексты и какие-то документы из архива. Как только начинает пахнуть деньгами, у этих ребят напрочь сносит «крышу», и уже ничто их не может остановить — тем более такие «мелочи», как честь, совесть, справедливость, память о человеке, уважение к вдове...

Назад шёл пешком уже в двенадцатом часу ночи. Город в это время молод, развязан, пьян и агрессивен. И совершенно нет весёлости, музыки, смеха.

5 июня

В 10-30 утра в читальном зале городской библиотеки презентация нового сборника стихов Александра Фигарева «Затяжной прыжок». В это время у библиотекарей проходят какие-то совещания, вот под них и подгадали. Автор молодец, со своей стороны пригласил интересных людей. Его стихи читали А.В. Мюрисеп (актёр), В.В. Половинкин, В.И. Жильцов и другие. Был скульптор В.И. Пурихов. Виктор и предложил мне съездить к нему в мастерскую, забрать давно для меня приготовленную статуэтку св. Нины, просветительницы Грузии.

После презентации поехали. Заодно посмотрели его макет памятника князю Георгию, основателю Нижнего Новгорода. Мне кажется, очень интересная задумка. Князь в доспехах, но со снятым шлемом. Рядом монах — епископ. Стоят на невысоком каменном (скальном) постаменте.

Рассказал Виктор историю с его проектом (макетом) памятника патриарху Сергию для Арзамаса. Макеты какое-то время были выставлены, и жители города давали оценку работам, выражая тем самым желание, какой памятник они хотели бы иметь на площади. Подавляющее количество голосов — много более шестидесяти процентов — было отдано за памятник Пурихова. А епископ выбрал тот, за который почти не голосовали. Я видел фотографию макета. Патриарх в праздничном

облачений с паперти двумя руками благословляет народ. Очень величественно и трогательно. В этом, наверное, проблема. Выбрали скромный и невыразительный проект. Всё-таки Сергию многого не могут простить. А он был умён и фактически спас Русскую Церковь во времена большевистских гонений.

8 июня

За этот срок удалось по электронной почте отослать Кожину и мою редакцию 3-ей главы, и заметку о заседании секретариата Собора. Позвонил Михаилу Ивановичу. Вчера пришёл ответ, но есть ли в главе изменения, не знаю. Пока не просматривал.

Дважды пришлось разговаривать с Шестинскими о предстоящей поездке в Нижний Новгород. Как сложно всё согласовать и распределить.

Написал прощание с В.М. Клыковым. Жильцов будет печатать в «Православном слове».

Сегодня были на даче Алексея Марковича. Немного ему помогли с шофёром Владимиром Ивановичем в посадке цветов. Иначе луковички гладиолусов пропадут. Вернулись в город в шестом часу вечера.

10 июня

Вновь позвонил Юрий Николаевич Покровский. На Славянские дни так и не пришёл, не выступил. Пришлось извиняться. Но он звонил по другому поводу. Выделили деньги на издание публицистического сборника (и от области, и от города), и он предлагает мне для него что-либо дать. Пообещал и на этот раз. Обязательно надо выполнить обещание до пятницы. Иначе вновь затянёт суета и новые обязательства.

13 июня

С приездом к нам Олега Николаевича Шестинского ничего не получается. Алексей Маркович машину посылать отказался, а Олег Николаевич (я позвонил ему в Переделкино) отказался ехать на поезде, и по-моему, без всякого сожаления. Поговорили мы с ним об этом недолго, и Шестинский меня успокоил, чтобы я по этому поводу не переживал — мол, «ведь это не от тебя зависит». Но всё равно жаль. Возникшая ситуация осложняет и возврат из Москвы картин Занюги. Звонил ему. Но Володя успокоил, что ничего с холстами не произойдёт, хоть они и скручены.

15 — 16 июня. Москва

В этой поездке до последнего момента было много неопределённо. Лишь накануне удалось созвониться с Кожиным и Кононенко, подготовить ряд материалов для вёрстки и буквально в последние часы определиться, на чём ехать — билетов на поезд не было и пришлось отправляться на автобусе ночным рейсом (23-00 от Московского вокзала). Конечно, не спал, комфорта минимум. В Москве у Курского вокзала оказался в 5-30. Назад в Нижний тоже билетов нет ни на один поезд с трёх вокзалов — Курского, Ярославского, Казанского. Хорошо, спросил в автобусе, откуда они отправляются назад.

Решил пройтись пешком по совсем утренней Москве. Жарко даже от раннего солнца. Маршрут известный — ул. Покровская, бульвары до М «Пушкинская». Шёл медленно, устало, голова тяжёлая от бессонной ночи. На бульварах следы ночных бдений гуляющей молодёжи. Грязь, мусор, бутылки и упаковки. Чистые пруды тонут в мусоре. Его убирает бригада дворников, собирая в мешки и загружая в Камаз. То же и на других бульварах. На лавках (сдвинутых) спят парами парни. Промышляют сбором алюминиевых банок бомжи. Причём набивают ими сумки, которые затем увязывают на тележки. Представляю, если бы ещё и эти банки были разбросаны по траве и дорожкам. Земля у лавочек в окурках, сиденья лавочек грязные. Но светит солнце, почти безлюдно, безветренно, и парит над бульварами белоснежный тополиный пух, вселяя в душу успокоение

и даже радость. Бреду, а впереди полная неизвестность наступающего дня. Только надежда на возможный благополучный исход.

И что-то сразу начало сбываться.

В гостиницу «Мотор Сич» вселился без проблем. С Кононенко встретился и обо всём договорился. В университете Козин оказался на месте. Многое обсудили. Пообедали. На сытый желудок Михаил Иванович меня конструктивно покритиковал за то, что не завожу в Клубе деловых связей, способствующих финансированию журнала. К вечеру вернулся в гостиницу и опять в офисе повстречался с Петром Ивановичем. Их самолёт месяц будет перевозить мощи Иоанна Крестителя по России, Украине, Белоруссии. Оказывается, он мог и меня включить в делегацию. Но целый месяц не заниматься своими делами? Невозможно! Может быть, получится слетать к мощам в Запорожье. Завтра их отправляют в Нижний. Условиться встретиться в Храме Христа Спасителя.

16.06. Каким же длинным был вчерашний день!

Дождь! Иду от метро «Библиотека им. Ленина» к Храму. Называя фамилию Кононенко, прохожу служебным входом в Храм Христа Спасителя. Службу ведёт Патриарх Алексий II. Такое впечатление, что внутри, духовно, храм преобразился. Во-первых, нет там праздно шатающихся туристов. Во-вторых, в храме святых.

После литургии Патриарх вынул из ковчега кисть Крестителя и всех нас ею благословил, осторожно перекрестив, а сам её с трепетом поцеловал.

На выходе, когда ковчег с мощами передавали для отправки в Нижний, я засуетился, вышел опять в левые (служебные) двери и тем самым оказался отсечённым от основной массы провожающих. Потому и поспешил на Курский. И вовремя. Купил последнее место в автобусе. Ехать пришлось долго, больше восьми часов. С трудом выбирались из Московских пробок. Но я от поездки не утомился. Читал почти всю дорогу роман Арсения Ларионова «Раскаяние». В нём много размышлений о религии, вере. Но мне кажется, что он написан атеистом, пытающимся освоить веру разумом, объяснить её, разложить по полочкам. Но ведь это невозможно.

17 — 18 июня. Кунавино

Пробка на мосту выматывает.

Немного косил. Топил баню. Читал и написал вступительную заметку к 17-му выпуску.

23 — 26 июня. Кунавино

Днём в музее «Волгагеологии», по предложению Ю.Н. Покровского встретились по поводу организации некоего содружества публицистов. Кроме нас, был ещё В.Г. Цветков — по-моему, достаточно закомплексованный на патриотической теме автор. Я настоял, чтобы первым делом, ещё до официального оформления содружества, было формирование и издание публицистического сборника. Только вокруг него может произойти становление «организации» и приток в неё новых членов — авторов. Более серьёзные, мировоззренческие вопросы в этот раз даже не обсуждались. Решили вновь собраться, подготовив по две-три статьи для прочтения, через неделю опять у меня.

В деревню уезжали почти в полночь. У моста пробка. Но на этот раз её проехать получилось без особого нервного напряжения.

В деревне обычные заботы. Жарко и слепни одолели. Страшно подумать, что эти дни мог быть в городе. На земле-то жара перемогалась с трудом. Вечерами выручала баня.

Сегодня проснулись в три часа. На городецкую трассу выехали в четыре и без хлопот за тридцать минут домчались до города.

С Коломыйцем на короткое время заехали к Наташе Адриановой. Всё так же много слов, эмоций, но совершенно никаких дел по поводу от-

стаивания собственных интересов. Конечно, она сдастся, и эти ребята, всё, что им нужно, у неё возьмут.

27 — 28 июня. Москва

На этот раз поездка оказалась спокойной. В гостиницу устроился без проблем. В Союзе писателей встретился с Розе и Шемшученко. (У Лукина в газете «Российский писатель» увидел некролог — умер Александр Дорин. Ехали в поезде из Сарова, с празднования юбилея города. Остановилось сердце. Борис возмущён действиями и равнодушием Союза и В.Н. Ганичева в этой ситуации).

Заседание Клуба Н.И. Рыжкова в гостинице «Даниловская». Выступал губернатор Саратовской области Павел Леонидович Ипатов. Он не политик, технарь, кандидат технических наук. Скучно рассказывал об инвестиционных проектах в области. Когда же Козин задал вопрос по атомной проблематике (в этой области Ипатов специалист), то он заговорил живо и интересно, открыв для присутствующих кое-что новое.

Ужин прошёл душевно, без напряжения, расслабленно. Расставаясь с Михаилом Ивановичем, даже расцеловались.

Следующий день у Кононенко. Все мои дела решаются положительно.

Юрий Александрович Голубицкий вчера передал мне, чтобы я готовил документы на премию «Хрустальной розы». Об этом ему сказал Козин.

Перед отъездом сидели с Виталием Розе в ресторанчике. Пили холодную водку под холодную селёдочку с картошкой. И я совершенно забыл, что к поезду должны привезти картины Заногги. Вспомнил у вагона, когда увидел с ними мужа его дочери Маши. В общем, всё благополучно довёз до Нижнего и передал Владимиру.

29 июня

За мной заехал Ю.И. Хромов. Поехали к нему на работу. Говорили о Литфонде. Деятельность он развернул большую, жмёт чиновников. Думаю, у него может что-то и получится с офисом, с зарабатыванием денег. Но для чего всё это? Видимо, ради собственного интереса.

Поговорил с Пашковым, чтобы Союз журналистов выдвинул меня на премию «Хрустальная роза Виктора Розова». С Союзом писателей дело иметь не хочу.

30 июня

Шестидесятилетие Володи Жильцова. Сначала в областной библиотеке, затем в Союзе писателей. В белом зале библиотеки торжественная часть с заслуженными добрыми словами и подарками (скромными). Всё по-товарищески. Видел поблекшего и какого-то потрёпанного Чиждова. Селезнёв подошёл за столом, просится воссоединиться с «Вертикалью». Напомнил ему, что уйти с «Ариной» он решил сам. Библиотекарь из Кстова сказала, что с удовольствием читает мои статьи в «Православном слове». Это уже не первый отклик. Вот что значит печататься постоянно в одном издании. К сожалению, эта газета с июля выходит больше не будет. Мне опять негде публиковать свои статьи. Нужно всё-таки что-то попробовать с изданием своей газеты.

1—2 июля. Кунавино

Опять ехали ночью, через пробку. Назад в воскресенье днём. Наполовину написал материал о выступлении на заседании «Московского интеллектуально-делового клуба (Клуб Н.И. Рыжкова)» губернатора А.П. Ипатова. Резко похолодало.

6 — 7 июля. Москва

Поехал, чтобы встретиться с Кононенко. Заодно отнёс документы на премию Юрию Голубицкому. Самого его на месте не оказалось, оставил

у охраны. Зато с Петровского бульвара пошёл пешком в Союз писателей по новому маршруту, через ул. Петровку, затем мимо МХАТа и так далее.

Борис Лукин надавал мне новых книг и предложил сходить в галерею Зураба Церетели на открытие выставки живописи из собрания Вологодской областной картинной галереи.

На мой взгляд, выставка традиционная — 19-20 век. Открывал сам Зураб Константинович. Дворец под его галерею отдан шикарный. В нём же отличный ресторан под стеклянной крышей. Подавали шашлыки (горячие) и хорошую закуску, вино, водку (холодную).

Хорошо, что пока всё удалось решить с Петром Ивановичем. Тут же (утром) он включил меня в состав паломнической делегации на Соловки. Договорились, что «Вертикаль» во время запорожского заседания «Московского интеллектуально-делового клуба (Клуб Н.И. Рыжкова)» раздадим (последний выпуск) всем гостям.

Ещё в Союзе, из газеты «Российский писатель» узнал, что умер Сергей Викулов. На похоронах были и В.Н. Ганичев, В.Н. Крупин и Ю.В. Бондарев, О.Н. Шестинский.

Утром я позвонил Олегу Николаевичу в Переделкино. Обменялись новостями. Он знает о письме Ларионова ко мне и советует очерк «Я был в душе осенним человеком» публиковать. Я пока в раздумьях. Если из него всё связанное с Юрием Адриановым убрать и оставить только «конфликт», как советует Арсений Васильевич, то мне кажется, это будет выглядеть слишком мелко. Похоже на сведение каких-то личных счетов. Подобного хотелось бы избежать и не дать повода недоброжелателям упрекнуть меня в зависти к Шаму.

8 — 9 июля. Кунавино

Ненадолго ходили в лес за ягодами — черника, земляника. Пережили почти бурю с сильным ветром, молниями и дождём. В это время мылись в бане. Свет отключился. Может быть, это и подтолкнуло меня уехать из деревни. Конечно, хоть и было уже поздно, попали в пробку от Борской развилки и до моста.

13 июля

Второй раз за эту неделю встречались в «Дятловых горах» по вёрстке очередного выпуска «Вертикали». Вроде бы уже всё сделали. Но начал сегодня смотреть последний вариант и опять нашёл множество мелких, но очень неприятных ошибок и недочётов. Нужно исправлять.

Отдал Игорю часть долга за прошлый номер.

На днях звонила Наташа Адрианова, всё с более и более шокирующими новостями относительно её взаимоотношений с Александром Марковичем Цирульниковым и Олегом Рябовым. Всё-таки по крови, как я давно уже догадался, они близкие люди. В отношении с Наташей наглы и напористы. Валерий Шамшурин, напротив, труслив и жалок. Рябов ей заявил: «Ты что, ещё не поняла. Я теперь главный». Правда, где именно и в чём — не уточнил. Я думаю, при слизи Шамшурине, он имел в виду Союз.

15 — 16 июля. Кунавино

Когда ехали к понтонному мосту через Волгу, опять не обошлось без инцидента с ГИБДД — за проезд по обочине. Догнал меня сотрудник на мотоцикле. Но обошлось. В деревне отдохновение от невыносимой жары. Вечером ходил полураздетый около дома (после бани), а ветерок прохладный нежно так ласкал кожу. И вокруг всё было удовлетворённо, покойно — небо, дальний лес, проулок, тишина.

17 июля

Из деревни выехали в четыре утра — день получился длинным и «сонливый».

Выправил статью о встрече с Саратовским губернатором.

Сделал все намеченные звонки.

В Питер Розе — Виталик записал время нашего с Ириной приезда и пообещал всё приготовить. Я попросил лишнего не хлопотать и нас не встречать — дорогу знаю, сам дойду до офиса.

В Васильсурск Заного — Владимир рыбачит и занимается хозяйством. У него там полно гостей, но это и хорошо — лишние руки в помощь что-то сделать в строительных хлопотах. Рассказал ему об обложке «В-17» с фотографиями скульптур В.М. Клыкова. Одобрил искренне. Оказывается, Владимир теперь профессор Славянской академии.

В Нижний Ингаш Прохорову — Сергей Тимофеевич, похоже, отдыхал. Вчера отмечал день рождения. Он подготовил третий номер своих «Истоков», где и мой рассказ «Последний день». Напомнил ему об обещании прислать мне диск с песнями своими, да сообщил, что его публикация в этом выпуске «Вертикали» уже идёт.

Из Нижегородских новостей — окончательная правка вёрстки «В-17» откладывается на несколько дней. Михаил очень занят. Был и звонок Пашкова, оставивший тягостное впечатление.

18 июля

В очередной раз встречались у меня с Юрием Покровским и Владимиром Цветковым по поводу обсуждения наших рукописей для публицистического сборника. На этот раз разговор получился довольно острым, но продуктивным. По моему убеждению, сборник вполне может состояться, если в это дело не вмешается ещё кто-то.

Побывал в храме на улице Полтавской на заседании Георгиевского общества. Разочарование. Долгая, нудная и пустая говорильня.

19 июля

Подписал окончательно вёрстку и обложку «В-17». Всё сдано в типографию. Облегчение!

21 июля

Утром домой заезжал Борис Лукин. Скоро он будет участвовать в каком-то литературном форуме в Польше. Взял для представления «Вертикаль». Я позвонил (по просьбе Селезнёва) М.И. Донскову. Старику скоро восемьдесят лет. Хочет выпустить итоговую книжку. Просит в неё о нём что-нибудь написать. Пообещал, что сделаю, и может быть, через какое-то время к нему заеду.

А в «Волгагеологии» опять собирались своей публицистической группой. Я предложил перейти от обсуждения рукописей к составлению самой книги. Написал примерное её содержание. Сегодня же впервые заговорили — где будем искать деньги на издание. Пока никакой определённости. Но пошли с Покровским пешком прогуляться и дошли аж до Окского моста. Многое обсудили. Думаю, финансовая проблема разрешима. Через мост я пошёл уже один. Встречный ветер (хотя тепло, солнечно), песок в лицо.

23 июля

После звонка Покровского встретились с ним на площади Ленина. В.М. Степанов, как я и предвидел (но всё-таки надеялся) финансирование публицистического сборника осуществлять не будет. К тому же сказал, что статьи Покровского многие критикуют за старомодность.

Я предложил план действий — в сентябре всё решить по финансированию, в октябре подготовить вёрстку и отдать её в работу типографии «Дятловы горы», в ноябре получить книгу и начать её презентовать по всем нижегородским тусовкам, в прессе... Выпускающее издательство «Вертикаль. XXI век». Почему-то мне кажется, что всё должно получиться.

24 — 29 июля. Санкт-Петербург

Днём сходил на улицу Минина в «Дятловы горы», встретился с Преловским. Отдал ему деньги, и договорились о печатании «В-17» к 5 августа и моей книги к 15 августа (стоимость 15 тысяч рублей).

На поезде отправились с Ириной в Питер.

Пешком дошли до офиса «Всерусского собора» на 10-й Советской, который оказался закрытым. Оказывается, нас ушли встречать на вокзал. Это недоразумение быстро разрешилось. Устроившись, немедленно отправились в город по Невскому проспекту. Жарко. К тому же Мраморный дворец оказался закрытым. Сидели на лавочке на Марсовом поле, гуляли по городу в окрестностях Невского. Вечером Виталий Розе у себя дома устроил ужин. Просидели двумя парами аж до трёх часов ночи. Но как много интересного и личного узнали об этих людях.

26.07. Мраморный дворец разочаровал. Отреставрированных залов мало и убранство их не впечатляет. Хороша выставка картин Поленова. Но главное — для меня он всё-таки художник весны. И жанровые картины, и пейзажи этого времени года очень эмоциональны, вдохновенны, чувственны. В этом же дворце посмотрели ещё две выставки. Одна — антикварное собрание вещей, мебели, картин одной семьи. Выставка и воспринимается, как салон антикварного магазина. Другая — тоже семейная какой-то пары с Запада. Пружины, железки, мазня по холсту, шкаф, заполненный глиняными кирпичами...

Другое дело Михайловский (Инженерный) замок. Я впервые побывал в нём, войдя через ворота во внутренний двор. Выставка скульптурных портретов императоров. Узкие и маленькие залы, крутые внутридворцовые винтовые лестницы. Но та часть залов, по которой мы прошли во втором этаже — малая часть всего комплекса — замечательна убранством и выставленной живописью русских художников, работавших в 18-м веке в «античном» стиле. Вид же из окна большой залы — на балкон и далее Летний сад, Марсово поле, Мраморный дворец, шпиль Петропавловской крепости — великолепен.

После небольшого отдыха отправились с Ириной пешком через весь Невский в Александро-Невскую Лавру. Зашли в Некрополь. Покоробило, что за вход туда (обозвали это место музеем городской скульптуры) берут деньги. Знал бы Достоевский, что с тех, кто придёт поклониться его праху, потомки большевиков будут брать деньги. Там же, среди могил русских гениев — художников, музыкантов — циничное надгробие над могилой режиссёра Товстоногова. Уродливое изображение как бы распятого, креста. Модернизм, который в этой теме оскорбителен. Думаю, что всё сделано нарочито, осознанно.

Гуляли по Лавре. Могилы молодых комсомольцев. Я зашёл в почти пустой храм и приложился к раке со святыми мощами Александра Невского. Лавра оставляет впечатление бедности, малоухоженности и неопрятности.

Домой по новому маршруту шли опять пешком. Приметили кафе, куда обязательно зайдём завтра.

27.07. Пошли в кафе, но забрели и в магазин фарфора Ломоносовского завода. Выставленными в специальных витринах экспонатами магазин музею ничем не уступает. Ходили и восхищались. Видели там и «наших» птичек. Купили сувениры себе и девочкам — чашечки с блюдцами, стопочки, декоративные тарелки с видами Питера, скульптуру оленёнка. Зашли ещё и в магазин «Русский лён». Тут покупки делала одна Ирина. Обедали в кафе. Чтобы не таскать пакеты, вернулись к себе и уже из дома по ул. Некрасова пришли на площадь Искусств. Осматривали экспозицию этнографического музея с большим интересом. Костюмы, утварь, детские игрушки, наряды и украшения.

28.07. Пошли в музей Пушкина на Мойке. Он закрыт. Выходной. Само здание реставрируют — всё в лесах. Отправились в Строгановский дворец. Как и в Инженерном замке, часть залов отреставрировали

и открыли к юбилею города. Богато и красиво. Великолепная выставка древних икон, шитая золотом и серебром. На первом этаже выставлены этюды, пейзажи и портреты тюменского художника. Мило, светло и не более. Приятная выставка. Была там одна маленькая работа — деревянная, старая, начинающая разрушаться часовенка под высокими, позолоченными осенью берёзами. Ветер рвёт ветви. И этот островок посередине (на вершине) невысокого холма. Буквально слышится шум берёз. И что-то тоскливо-одиоко откликается в душе.

Обедали в новом кафе. Гуляли вдоль каналов, у Исакиевского Собора, памятника Петру, Адмиралтейства. Сидели в дворике у фонтана в Зимнем дворце. Домой первый (и единственный) раз поехали на автобусе. Ещё днём позвонил Виталий, предупредил, что вечером привезут номер «Всерусского собора» (где и моя «Дорога») и по этому поводу намечено немного посидеть, выпить. Мы вышли из автобуса на проспекте Суворова. Немного поплутали по Конной, прежде чем оказались на знакомом Перекупном переулке. Номер журнала получился удачным.

29.07. Гуляли по набережной Фонтанки, у Инженерного замка, по ул. Некрасова. Звонил Виталий, напоминал, что они нас ждут на прощальный обед (Галя готовит казахский бешбармак) и просил не задерживаться. С сумками пришли к Розе. На славу поговорили, выпили две бутылки вина, и они проводили нас на вокзал.

31 июля

Звонил Кожину. Сказал, что «В-17» готов. Пообещал на следующей неделе привезти.

У меня собирались по поводу книги публицистики. Покровский подготовил письмо на имя губернатора за своей и моей подписью. Подписали и отнесли его вдвоём в экспедицию областной администрации.

Эти встречи вскрывают всё больше и больше различия в наших взглядах и мировоззрениях. Но странно — от этого они (наши споры) только интереснее и уважительнее друг к другу.

1 — 4 августа. Кунавино

Сломало ближнюю (из молодых) к веранде яблоню. Пришлось её разрубить и распилить. Порвало толь на крыше бани. Всю крышу надо перестраивать. Это уже превратилось в проблему.

Собирали ягоды, я рубил жерди. Дописал заметку к книге Михаила Ивановича Донского и написал письмо Шестинскому.

На обратном пути очередной штраф от ДПС.

7 августа

Был в «Дятловых горах» у Михаила. Журнал готов, завтра можно забрать.

В три часа дня пришёл Цветков. Принёс в подарок вторую свою книгу. Проговорили почти три с половиной часа. Владимир Гергиевич интересный, хорошо знающий историю православия собеседник. В общении доброжелателен и ненавязчив.

Пришло письмо от Шестинского. В нём и статья «Прощание с названным братом» о болгарском поэте Павле Матеве. Олег Николаевич просит побыстрее сообщить результат. Завтра позвоню.

9 — 11 августа. Москва

Ехать пришлось в плацкартном вагоне на проходящем в 3-30 ночи через Нижний Новгород каком-то сибирском поезде. Конечно, не спал, а только пытался уснуть.

Накануне полученные «В-17» в первую очередь отвёз Кононенко (2 пачки), а затем Кожину (тоже 2 пачки). В «Мотор Сич» ещё и в гостиницу устроился. У Кожина в кабинете провёл остаток дня до нашего отъезда на Бронную. Михаил Иванович уезжал, а я читал книгу Н.Н. Яковлева

«Сталин: путь наверх». Очень любопытное историческое исследование, начиная с детских лет вождя.

В Клубе Н.И. Рыжкова на этот раз отмечали день рождения Ю.Я. Таратухи — президента компании «Белый дом». За нашим столом собралась хорошая компания: доктор технических наук и доктор экономических наук Геннадий Петрович Воронин, ректор Литературного института им. М. Горького, доктор филологических наук Сергей Николаевич Есин, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, доктор технических наук Вячеслав Иванович Черноиванов, адмирал Игорь Владимирович Касатонов, кандидат экономических наук, бывший зам. министра транспорта СССР Эдуард Сергеевич Поддавашкин и я. Спиртное не пил никто — немного сухого красного вина попробовал только я. Кодин передал Касатову номер «В-17». Адмирал остался доволен публикацией его статьи. Поддавашкин прочитал кусочек репортажа о заседании Клуба, где он поздравлял Трошина.

10.08. Утром на вокзале. Билетов до Нижнего нет. Вернулся к Петру Ивановичу. Он помог запустить мою книгу в производство — профинансировал. Созвонился с Шестинскими и поехал к ним в Переделкино. Дорогу, начиная от дачи Бориса Пастернака (музей) и до их дома, разворотили строители. Пришлось пробираться по грязи.

Несколько часов просидели за чаем. Олег Николаевич рассказал о звонках ему Чижова. И ему, и мне за них стыдно. Тот предлагал Шестинскому деньги, хотел опубликоваться в «Слове» и сказал мелкие пакости обо мне. Мои воспоминания об Адрианове Ларионов, без моего согласия, запустил в производство, и они вот-вот должны выйти в журнале «Слово». Я этой публикации не хочу, но теперь уже ничего не поделаешь. У меня создалось впечатление, что Арсений Васильевич спешит рассорить меня со всеми, чтобы побыстрее привязать к себе, окончательно перевести в свой лагерь. Перед отъездом из Нижнего я получил от него письмо с книгой «Записки из андеграунда» и газетами «Патриот», где перепечатана из журнала моя статья в защиту Вячеслава Михайловича Клыкова. В книге же (это мне сегодня показал Шестинский) он назвал меня среди тех, «кто словом и делом поддержал меня в этой неравной борьбе Добра и зла». Для меня такая оценка — полная неожиданность.

11.08. Утром на Курском вокзале в надежде купить билет. Тщетно. Пешком прошёл до Ярославского. Там есть, но меня не устроило время. Вновь вернулся на Курский и купил билет на автобус — дополнительный рейс в 15-30. Поехал в гостиницу за вещами, оттуда в Союз писателей. Уже в коридоре встретил уходящего Переяслова. Николай вернулся в кабинет, чтобы подарить мне книгу Марины, где есть интервью со мной. Мы и с ней затем поговорили по телефону. Для меня эта публикация — полная неожиданность. Вот то, что в «Российском писателе» вышла моя статейка о Нижнеингашском альманахе — это я предполагал, потому и взял несколько газет для себя в редакции.

Оставил Николаю «В-17». Он пообещал, что откликнется на выпуск в «Дне литературы», на странице хроники.

Перед тем, как вместе уйти, зашли к Геннадию Иванову. Тот подарил книгу своих стихов и предложил съездить в десятидневную поездку в Сибирь. Я согласился и пообещал позвонить окончательно о своём решении в понедельник.

В метро пошли с Николаем. Конечно, говорили о Шестинском. Посоветовал Николаю позвонить Олегу Николаевичу. Он этого делать не будет. Они с Мариной зависимы по работе от противоположного лагеря. Мне в эти склоки никак не хочется влезать.

На Комсомольском проспекте у метро «Парк культуры» снимают фильм. В сцене занят Валерий Золотухин — низенький, шупленький.

Длиннющая, утомительная дорога домой. Больше восьми часов. Читал, смотрел фильм. Вспоминал, как сегодня у вокзала меня остановили

миллионеры, проверяли документы. Если бы от меня хотя бы чуть-чуть пахло спиртным — явно, что стал бы их жертвой. Это шакалы, искавшие денежную добычу.

12 августа

Во-первых, пришло письмо из Вологды — большой отклик на мою публикацию о Михаиле Жаравине в «Слове» («Недописанное письмо») — письмо от Дмитрия Ермакова.

Во-вторых, звонила Наташа Адрианова, спрашивала у Ирины, пойду ли я на день памяти Юрия Андреевича. Утром позвонил ей и узнал, что все собираются в 10-00 в областной библиотеке. Поехал. Получил от Циркульникова книгу воспоминаний (там и мой очерк) и диск с песнями на слова Адрианова.

В зале особого разговора не получилось. Хорошо, достойно выступила Наташа, дав оценку прошедшему после похорон году — потеряны старые друзья, обретены новые. Впрочем, всё это без имён.

Небольшой стол в кабинете директора. А потом на заказанном автобусе (без Наташи) на кладбище. У могилы витийствовал Сергей Чуянов. Я недолго постоял и не торопясь вернулся к автобусу.

В квартиру к Наташе поднялся, но только чтобы с ней попрощаться. Договорились в ближайшее время созвониться. Она успела мне предложить стать председателем комиссии по литературному наследию Адрианова.

13 августа. Кунавино

Поехали рано. У старой антоновки обломилась одна из основных ветвей. Распиливал её, уносил с огорода соседей. Пока Ира собирала смородину, я топил печь в доме, укреплял крышу во дворе. Поставил четыре столба. Теперь весной не буду бояться снега на крыше. Вообще, это одно из необходимых, основных дел. Вечером топил баню. Мылись. Вышел, а деревню окружает со всех сторон туман, постепенно наползающий к дому нашему. Небо чистое, звёздное.

14 августа

В деревне поднялись в три утра. Темно. На посту у моста остановили, проверяли с прибором на алкоголь. Последнее время милиция ко мне внимательна необычайно. В десятом часу отогнал машину в гараж. Вывез тираж журнала в «Волгагеологию». Забрал электронный макет книги «Сопротивление нелюбви» у Щеглова. Теперь он в компьютере Михаила. Завтра его начнём готовить в производство.

Позвонил Голубицкому. Он подготовил мои документы на премию «Хрустальная роза Виктора Розова». Иванов меня огорошил — места в Хантымансийск на меня не хватает. Зачем тогда уговаривал ехать?

Когда шёл от Михаила через Кремль, повстречал Галину Алексеевну Селивёрстову — бывшую журналистку отдела культуры в «Горьковском рабочем». Стояли у здания городской администрации и разговаривали. Вспоминали Адрианова. Подарил Галине Алексеевне «В-17». Хорошо, что один журнал оказался с собой.

15 августа

Всё. Договорились с Михаилом. Сегодня он выводит макет книги на плёнки и отдаёт в типографию.

За два дня отослал журнал почти по всем обязательным адресам. Прочитал рукопись, которую Шестинский передал мне в Переделкино. Понравилась. Позвонил Олегу Николаевичу, сказал о своём впечатлении, чем доставил старику несколько приятных минут.

Приходил Цветков. Принёс газету «Русь православная». Опять поговорили полтора часа.

Вечером позвонила Наташа Адрианова. Похвалил её выступление в библиотеке. Она поделилась впечатлениями от прочитанных в книге

воспоминаний. Многие в них ей не понравилось. Договорились завтра повидаться.

16 августа

Щеглов начал верстать книгу публицистики «Русское».

Был у Наташи Адриановой. Отдал рукопись моих воспоминаний о Юрии Андреевиче (окончательный и полный вариант). Она рассказала удивительные случаи, связанные с незримым присутствием Ю.А. в квартире (падение листка с эпитафией к ногам скульптора, падение необходимой книги с полки) и сон — Юрий был в нём здоров, весел, в блистающем костюме и предупредил, что сейчас он исчезнет, но вода — это привет от него. Когда Наташу в шесть утра разбудила собака, прихожая и кухня были залиты водой из прорвавшегося шланга.

19 — 20 августа. Кунавино

Ночью небо полыхало от дальних молний. Стоял невнятный гул громовой, а затем всю ночь и утро шёл дождь. Под ним и яблоки с земли собирали от летней яблоньки на дальнем участке. Уехали в полдень. Опять изматывающая нервы пробка.

21 августа

По телефону Козин подтвердил, что в Запорожье летим 11 сентября вечером. Журнал представлять тоже буду.

Андрей Ребров, которого наконец-то поймал в Питере по телефону, рассказал, что продолжает работать в охране. На контакт с Розе идти никак не хочет. Видимо, во время разрыва посторонним людям много друг о друге наговорили дурного. Теперь обида не допускает прощения и примирения. Предложил ему прислать что-нибудь для «Вертикали» и сказал, что помню его добром.

22 августа. Заволжье

Поездку организовал Союз журналистов. Руководил всем Чуянов.

В администрации за чаем встретились с главой города. Пешком прошли по центральной площади и проспекту. Побывали в музее города, в детской школе ремёсел, в детском саду, где проходят реабилитацию дети с параличом, в школьном музее Молодогвардейцев. Съездили на завод гусеничных тягачей, Заволжский моторный завод, мебельную фабрику, ГЭС. Всё было очень интересно. Журналисты много чего для себя наработали. Я же ничего писать не буду — некуда.

23 августа

Побывал у Донскова. Очень давно не виделись. Михаил Иванович не то чтобы постарел, одряхлел — нет. Но как он сам говорит — организм изнашивается. В его облике глубокая утомлённость. Совсем плохо видит. Читает в очках и с лупой. Просил меня читать вслух его стихи. Я читал. Назвал Михаил Иванович мне теперешнюю свою пенсию — 52 тысячи рублей.

24 августа

В областном комитете культуры встречался с Натальей Ивановой Лещёвой. Сказал о предстоящем своём пятидесятилетии и предложил профинансировать издание книги избранной прозы. Она меня обнадёжила, почти пообещала. Нужно принести письмо с ходатайством. Я сразу сказал, что принесу не из Союза писателей — чтобы не быть обязанным В.А.

25 августа

Не сразу, к концу дня дозвонился до Переделкина. Трубку взял Олег Николаевич. Они с Ниной Николаевной только что приехали из поликлиники. В понедельник Шестинский ложится в больницу. При ходьбе

не может дышать, задыхается. Это его угнетает. В больнице обещают хорошие условия, и Олег Николаевич будет продолжать работать. Оказывается, как я узнал из разговора, номер «Слова» с моим очерком в типографию подписали только несколько дней назад. Выходит, Ларионов слукавил и просто меня обманул, чтобы я не забрал рукопись. Да-а...

31 августа. Кунавино

На этой неделе забрал у Шеглова первоначальный вариант книги «Русское». По телефону разговаривал с Заногой. Он приехал из Крыма. В первый же день у моря упал, сломал руку и ушиб позвоночник. Но теперь дело идёт на поправку.

С Сергеем Шестаком ездили ко мне за грибами. Набрали по ведру лисичек, подосиновиков и подберёзовиков. Сергей провёл в доме целую фотосессию. Снимки запишет на диск. Останется память о деревне.

1 — 3 сентября. Кунавино

Позвонил Кодин, спрашивал паспортные данные для полёта в Запорожье. Из Питера будет Виталий Розе. Шемшученко едет в Сибирь. «С Ганичевым» — так сказал Кодин. Вчера питерцы были в Москве. Как я понял, привозили «Небесный всадник», где напечатан мой материал о выступлении губернатора Ипатова в Клубе Н.И. Рыжкова.

В деревню поехали поздно вечером. Почти в ночь. Обошлось без пробки. Сделал там ещё одно значительное хозяйственное дело — очистил от ржавчины крышу над верандой. Теперь надо красить.

Вечером в воскресенье собрались у Пашкова в квартире его родителей на улице Бурнаковской (я, Жильцов, Юрин). Година смерти его матушки.

5 сентября

Состоялся разговор у Юрия Покровского в пресс-службе губернатора. Никаких надежд на финансирование сборника. Но вёрстку книги взяли почитать. Любопытствуют. Ещё новость оттуда же. Создаётся издательский совет при администрации. Опять там будет наш хмырь. Не зарубил бы он помощь мне на издание книги к юбилею. Впрочем, может и лучше от всех них держаться подальше.

6 сентября

Вечер в мастерской у Владимира Заного. Не виделись целое лето. И у него, и у меня много поездок. За это время я выпустил «Вертикаль», он написал много этюдов. Так что поговорить было о чём. А за стенами выл ветер, шевелил занавески на окнах. Мы же ели горячую картошку, солёного леща, пили крепкую настойку. Подобные встречи так дороги, так спасительны...

7 сентября

В саду у Ю. Покровского, который в овраге за улицей Бекетова, провели нашу очередную встречу публицистов (хозяин, я, Цветков). Понятно, что никакого конкретного плана по поиску денег для издания книги ни у кого нет.

Немного прошлись по дачному массиву — до родника, вода в котором (я под его струёй мыл яблоки) ледяная.

Из-под яблонь пошли пешком с Юрием Николаевичем до пл. Минина. Он всё уговаривал меня пойти на заседание Георгиевского общества, но я отказался. Не смог себя «переломить», помня ту скуку, что испытал ранее однажды, побывав у них.

В строительном институте, благодаря Хромову, удалось решить проблему Наташи.

8 сентября

Разговаривал по телефону с Ниной Николаевной. Олег Николаевич на следующей неделе выписывается из больницы. С сердцем у него неважно, но подлечили. Сигнал «Слова» с моим очерком она уже видела. Я пообещал заехать к ним в Переделкино после Запорожья.

С Шестаком в Доме архитектора посмотрели выставку проектов памятника Нижегородскому князю Юрию Всеволодовичу. Мне понравилась работа Пурихова и ещё одна, состоящая из трёх фигур. Хотя место для памятника (перед Законодательным собранием) выбрали не совсем удачно. Эти памятники просятся на Откос, на волю.

Пришли альманахи «Истоки» от С.Т. Прохорова из Нижнего Ингаша. Я порадовался — всё начинает приобретать вид настоящего издания.

9 сентября

Получил в типографии первые двадцать книг из общего тиража «Сопротивления нелюбви». Это моя лучшая книга!!!

11 — 14 сентября. Москва — Запорожье — Москва

Набрал журналов, взял книги и на утреннем поезде поехал в Москву. В гостинице на Соколе встретился с Розе, а уже оттуда в четыре часа на машине отбыли во Внуково. От Московского интеллектуально-делового клуба (Клуб Н.И. Рыжкова) в Запорожье полетело 26 человек. Состав представительный. В Запорожье встречал Кононенко. Всех повезли на Хортицу в ресторан (отличный), затем в гостиницу «Украина», расселили в просторные одноместные номера с холодильником, набитым закусками и напитками на любой вкус.

12.09. Утром поехали на завод. Богуслаев провёл подробную экскурсию по музею и по сборочному цеху. Много фотографов, операторов. Сборочный цех произвёл особое впечатление тишиной, сосредоточенностью. Там же выставили товары народного потребления от сепараторов и мясорубок до бензопил и лодочного мотора.

В большом актовом зале открытое заседание Клуба. В.А. Богуслаев вновь коротко рассказывает о стратегии развития завода. Н.И. Рыжков вручает ему премию им. Косыгина. Козин, Новожилов, Касатонов, Карпов вручают награды Академии безопасности и правопорядка. Здесь всё как всегда и без особых новшеств. Правда, хорошо, что вручили медали (с деньгами в конвертах) нескольким ветеранам войны. Это воспринималось особенно трогательно.

Сумку с журналами мы с Виталием опять протаскали зря. Правда, у нас её забрал кто-то из устроителей завтрашних круглых столов. Да один экземпляр моей книги взял себе Козин.

Обедали на заводе. Потом долгая и обстоятельная экскурсия по Днепрогэсу, поездка на водочный завод Хортица. (Новенькие линии блестят нержавеющей сталью, все работают не останавливаясь, корпуса, только что построенные на пустыре около города). Молодой директор очень напоминал бандюгана, может быть, только что переставшего ездить на «разборки». Его джип во дворе — вместо номера надпись «Хортица». Здесь опять всё профотografiровали и засняли. Сделали дегустацию. Вручили подарки. На теплоходе плывём по Днепру. Закат. Я стоял у борта и смотрел на воду — медно-красную от заката, перекачивающуюся за кормой волнами.

Ужинали в каком-то пансионате завода за городом — с тостами, обильно.

13.09. Наш круглый стол — встреча творческой интеллигенции. Вёл Сергей Николаевич Есин. Небольшой зал (видимо, для расширенных заседаний) был полон. Пришли от местного Союза писателей, из газет, от театра. Разговор получился хотя и не очень содержательным, но любопытным — о переводах, о том, что разъединившись, наши культуры многое теряют... Всем присутствующим заранее розданы наши журналы. Елена Всеволодовна Богородицкая привезла книги от Клуба, в том

числе и сборники интервью Марины Переясловой «О самом главном. Беседы с публицистами России», где есть и беседа со мной («Надо идти своей дорогой»).

Обедали в Конном театре (я там уже третий раз) на Хортице. Богуслаев одарил нас на память серебряными гривнами. После обеда я отдал «Сопrotивление нелюбви» П.И. Кононенко и В.А. Богуслаеву. Так и отправились в аэропорт (оказывается, у «Мотор Сич» он свой). Там нас, кроме всех остальных, провожал и архиепископ Василий. Мы с Виталием взяли у него благословение. А владыка, оказывается, отдельно встречался с И.В. Касатоновым, с которым они дружны ещё с Севастополя. (Кто-то, кажется, сам Игорь Владимирович передал слова владыки: «Я четырёх адмиралов похоронил».) Кстати, мы договорились с Касатоновым, что он входит в редсовет «Вертикали» и передаст к концу года для журнала новую свою статью.

В самолёте опять пили. А на выходе всем был явлен сюрприз от Богуслаева — пакеты с куском сала, банками с мёдом, бутылкой перцовки «Немирова».

Ночевать остался в гостинице, Розе проехал на машине дальше, до вокзала. На душе от этой поездки и хорошо, и смятение. В некоторых вещах, во взаимоотношениях ещё предстоит разобраться.

14.09. Этот день я специально запланировал для Москвы. Погода оказалась замечательной — сухой, тёплой, солнечной, с холодящим ветерком.

Ещё из номера позвонил Нине Николаевне. Она (похоже, её разбудил) днём собирается в больницу забирать Олега Николаевича. Договорился, что лучше мне сегодня его не беспокоить. Да это и мне удобнее, успею побегать по Москве по своим делам.

В первую очередь поехал к А.В. Ларионову в «Советский писатель». От метро «Красная Пресня» дошёл пешком. Но Арсения Васильевича ещё не было на месте. За ним только что ушла машина. Передав охране, что я ещё обязательно зайду, пошёл пешком в Союз писателей на Комсомольский проспект. (Перешёл через Новый Арбат и по Большому Афанасьевскому переулку практически дошёл до Храма Христа Спасителя, а там уже дорога известная, много раз пройденная). В доме пустынно, все кабинеты заперты. Но повезло — пришёл один человек из редакции «Российского писателя». Выдал мне и «День литературы» и свои газеты. В «Дне» прочитал заметку Переяслова о «В-17». В других газетах ничего стоящего.

В «Советском писателе» А.В. Ларионов дал команду охране, чтобы сразу пропустили меня к нему, он ждёт. Секретарь выдала гонорар за очерк и номера «Слова». Арсений Васильевич, как всегда, подвижен, бежит по кабинету, приёмной. Разговариваем на ходу. Дарю ему «Сопrotивление нелюбви» и ещё один экземпляр оставляю для Шестинского. Оказывается, Олег Николаевич стал почётным профессором Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А.Шолохова.

От Ларионова не спеша вернулся в гостиницу, оттуда с перегруженными сумками — на вокзал. Выехал заранее, чтобы не спешить, не бегать в метро по эскалаторам с тяжёлой поклажей.

15 сентября

Сразу два письма дожидалось на работе — от М. Переясловой и О.Н. Шестинского. Марина прислала газеты со своими публикациями о книге Чижова («Литературная Россия», «День литературы»). Олег Николаевич тоже газету с отрывком из повести и горькое письмо, написанное в больнице. Я сразу позвонил ему в Переделкино.

Говорили о том, что соскучились друг по другу. Десять рассказов Олег Николаевич написал в больничной палате. Читал там В.В. Розанова.

Я пообещал, что на следующей неделе постараюсь приехать в Москву и побывать у него. Шестинский перечитал мой очерк в «Слове» (и не один раз), и считает его очень сильно написанным. Мои отношения с Московским Союзом оценивает трезво. Считает, что их он по-настоящему не задевает и потому с той стороны «удара» последовать не должно.

18 сентября

Рассчитывал завтра с Алексеем Марковичем на машине уехать в Москву. Но поездка сорвалась — он едет поездом. К тому же Козин в Китае, Кононенко в Запорожье. Дозвонился до Заногои, но и тот на яхте где-то далеко на Волге пишет этюды. Хотел его позвать с собой в деревню. Теперь придётся ехать одному.

Мысль отправиться в Кунавино пришла после неудачных звонков. Погоду обещают хорошую. Надо заняться крышами, попробовать пописать, да и просто успокоиться, морально отдохнуть.

Завтра в Союзе правление, но я на него не пойду. Неужели из-за этого тратить день.

Разговаривал по телефону с Борисом Лукиным. Два раза он проезжал мимо меня по ж/д дороге (ездил с делегацией Союза в Сибирь). Теперь зовёт к себе на рыбалку. Да разве у меня в деревне хуже?

После долгих затяжных дождей погода налаживается. А то в выходные и носа на улицу высовывать не хотелось. Писал письма Ларионову и Шестинскому (сегодня отправил) да и «вехи из биографии» для юбилейной библиографии.

Тянет к Шестинскому в Переделкино. Так хочется с ним повидаться, поговорить.

19 — 22 сентября. Кунавино

Осуществил давно задуманное — пожить одному в деревне, позаниматься хозяйственными делами, пописать.

За эти дни внутренне удивительно успокоился. Почти не хотелось есть. Проснувшись, утром садился за стол и писал. Днём занимался крышами — ремонтировал на бане, красил на веранде. Вечером и ночью опять писал. За три дня закончил большой очерк о Шестинском.

В четверг позвонил Покровский. По поводу сборника в областной администрации говорят расплывчато. Но вот с депутатом городской думы у него произошёл очень хороший разговор с обещающим интересным предложением. Отдал ему Юрий Николаевич номер «Вертикали», чем несказанно удивил, что такой журнал существует. Депутат взял для чтения вёрстку «Русское». А нам надо думать уже о следующем сборнике.

Вернулся домой в пятницу днём.

23 сентября

Утром позвонил Покровский. Встретились в 11-00 на ярмарке. Обсудили наши дальнейшие действия по «продвижению» сборника. Я настаивал, что составителями должны оставаться только мы. Остальные могут быть только соавторами. Иначе очень быстро все переругаемся (при обсуждении материалов и отстаивании собственных позиций) и разбежимся, чем погубим дело. Вдвоём компромисс всегда найти легче, понять друг друга проще. Обсудили обложку (есть несколько вариантов, но остановились вроде бы на самом простом — чёрный фон, белый старославянский шрифт, или стилизация под него — «Русское») и возможное содержание следующего, второго сборника. Я предложил посвятить его вопросам культуры.

Оказывается, уже вышел сборник Степанова «Учёные записки Волго-Вятского отделения Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Выпуск 19», где есть и моя статья «Социальный бунт: возможен ли он в современной России?».

И ещё — сегодня утром, когда Наташа спала, к ней в комнату в открытую форточку влетела синичка. Наташа проснулась от того, что птичка стала биться в стекло. Она её поймала и выпустила на волю.

27 — 29 сентября. Москва

С тяжёлым сердцем ехал я в этот раз. И поначалу в столице так всё и складывалось, как сердцем предсказывалось. С гостиницей вышла проблема, Кононенко должен быть только завтра. Не откладывая, позвонил Шестинским и поехал в Переделкино. Погода чудесная — тёплая и солнечная осень. Плащ надел зря. Пришёл, а они ждут меня, не обедают. Так и пообедали, и поговорили. Олег Николаевич точно понял задачу моей книги и для чего, почему, с каким чувством статьи, помещённые в неё, писались. Таким точным пониманием «Сопrotивления нелюбви» я был поражён!

Тут же Олег Николаевич и листок со стихотворением мне вручил, которое написал по прочтении книги (перед этим вслух его прочитал — громко и с пафосом). Нина Николаевна тоже «Сопrotивление нелюбви» прочитала и похвалила — узнала много нового и познавательного (это ещё ранее, когда звонил им из Нижнего и Олег Николаевич был тогда очень расстроен, даже духовно угнетён после звонка Олега Пономарёва — тот советовал перестать печататься у Ларионова, как-то нехорошо говорил о нём). Ближе к концу разговора Шестинский предложил выдвинуть книгу на Международную премию имени М.А. Шолохова. Ну, это он погорячился.

Назад в гостиницу «Мотор Сич» вернулся затемно.

28.09. Состоялась встреча с Кононенко. Не очень обнадеживающая, но всё-таки. Слишком много кто ходит сюда за дармовыми деньгами. Вот и Козин должен приехать (оказывается, он уже в Москве) за деньгами — оплата за вручённые в Запорожье ордена). Петра Ивановича это обижает.

После встречи поехал в «Советский писатель». С Ларионовым не виделся, но через секретаря передал «Сопrotивление нелюбви» для Юрия Васильевича Бондарева. Прогулялся по Москве. Погода уж очень располагала. Вечером встретились с Лукиным. В литературном музее на проспекте Мира вечер литераторов — довольно сумбурный и, как мне показалось, бесцельный. Какой-то азербайджанский поэт, ученик Юрия Кузнецова по ВАК, еле-еле говорящий по-русски, читал свои переводы Высоцкого. Пожилая актриса читала свои стихи и рассказывала театральные истории. Художник представлял книгу иллюстраций тех, кто рисовал на сюжеты сказок Андерсена. И далее всё в том же духе.

29.09. В гостинице читаю книгу Арсения Ларионова «Заповеди блаженства», взятую у Шестинских. Захватила так, что потом и в поезде дочитывал. Состоялась встреча с Кононенко. Хотя и частично, но вопрос финансирования Петром Ивановичем решён. Боялся, что и вовсе придётся возвращаться ни с чем.

3 октября

Вчера и сегодня звонил Ларионов. Приглашает на встречу со студентами для обсуждения 17-го выпуска «Вертикали». Это в Московский государственный педагогический университет им. М.А.Шолохова. Пока возможную встречу я перенёс на следующую неделю.

Звонила утром Наташа Адрианова. Работа над книгой (вернее, двухтомником) Юрия Андреевича «Обрётённые тетради» — более ста пятидесяти не публиковавшихся стихотворений — идёт своим чередом. Прочитала совершенно замечательные стихотворения по телефону. Понятно, что в архиве ещё много чего осталось. Вот как важно, что жена любила и любит, ценит труд своего мужа.

В издательстве у Игоря тираж моей книги готов. Потихоньку начал верстать следующий выпуск «Вертикали».

4 октября

Случайно узнал, что по электронной почте пришли письма. Кроме всего прочего, фотографии Владимира Павловича Полеванова с озера Байкал для его статьи «К истокам! (Великих рек)» был и пресс-релиз фонда «Хрустальной розы Виктора Розова», из которого узнал, что получил премию по литературе за издание журнала «Вертикал. XXI век». Это очень кстати, если брать во внимание возможные последствия моей публикации воспоминаний об Адрианове в «Слове».

6 октября

Половина вёрстки «В-18» сделана. Уже есть что показать в Москве. Распечатал очерк о Шестинском (уловное название «Переделкинские встречи»). Его читал Коломиец, дал восторженную оценку. Сам я такого взгляда не разделяю, но видимо, что-то всё-таки удалось. Надо посылать рукопись Олегу Николаевичу для прочтения. Только хочу добавить в неё нашу беседу, ранее мною записанной на диктофон в Переделкино.

8 октября

Вчера позвонила Марина Переяслова, поздравляла с премией. Затем то же самое Владимир Жильцов. Сегодня встречался с Юрием Марахтановым. Юра передал рассказы для журнала, и завёл разговор о пере-выборах в Союзе. Опять старая волюнка. Противно всё это слышать в третий раз.

Сделал расшифровку беседы с Шестинским. Слушал кассету и словно вновь с Олегом Николаевичем разговаривал. Теперь очерк о нём завершён.

9 октября

Синоптики начинают обещать заморозки. А у меня в деревне ещё всё брошено. Надо завтра ехать, несмотря ни на что.

Звонил М.И. Козину, А.В. Ларионову, О.Н. Шестинскому. В четверг надо бы быть в Москве. Но денег совсем нет.

Собирались у меня секцией публицистов. Пустопорожняя болтовня начинает угнетать. Если не будет дела в виде постоянного публицистического сборника — затея с секцией умрёт. Встречаться только для того, чтобы обсуждать огромные работы (многословные) Покровского?

Только шестого числа, вечером звонил Юрий Александрович Изумрудов. Говорил, что Вера Дмитриевна Смирнова, несмотря на свои девяносто два года, бодря и деятельна, готовит к публикации книгу своих воспоминаний. Сегодня же вечером мне позвонили домой — Смирнова скончалась. Похороны в среду.

10 октября. Кунавино

Сергей Шестак утром отвёз меня к гаражу. Оттуда сразу поехал в деревню. Осень в полной красе — сухо, солнечно, тепло, из-под колёс впереди идущих по трассе машин пуржит жёлтая листва, вдоль трассы все краски осени горят на фоне голубого неба.

В деревне, не расслабляясь, приступил к делам. Выкопал морковь, свёклу, собрал яблоки (не все). Яблок очень много. Три ванны собрал руками с веток, много поднял с земли. И всё-таки достаточно яблок осталось и на ветках, и на земле. На солнце плоды кажутся медовыми, светятся изнутри. А сорвёшь — становятся матовыми, немного шершавыми, приобретая истинную красоту. Созерцать их — наслаждение.

Закрыв все окна. Подготовил к зиме баню. С крышей просто катастрофа. Нужен срочный ремонт!

Управился со всем на удивление быстро. В 18-00 уже можно было ехать. И хотя планировал остаться ночевать (даже печь натопил) — но не удержался, сорвался с места. Дома (доехал без пробок) уже в темноте разгрузился и даже машину отогнал в гараж. В десятом часу был дома.

12 — 14 октября. Москва

Вчера созвонился с Кодиным, Ларионовым, Лукиным. Взял две пачки «В-17» с работы. Удачно купил билет на утренний поезд. И вот в Москве. С вокзала еду к Козину. Он, как всегда, куда-то убегает. Успеваем победать. Забираю у него диск с фотографиями из Запорожья. Уже без Михаила Ивановича отбираю на свой диск то, что пригодится для журнала.

Перед отъездом на домашний адрес пришло приглашение (от Ю.А. Голубицкого) на награждение «Розой». Козин выписал мне ещё одно приглашение — вместе с Ириной.

Из РГСУ поехал на встречу с Лукиным в ЦДА. У высотки на Краснопресненской случайно встретились с Шемшученко. Володя окликнул — я его не видел. Оказывается, едет в Азов на какое-то казачье действо. Поздравил меня с премией, просит прислать материал о поездке делегации Клуба Н.И. Рыжкова в Запорожье для «Небесного всадника». Газета должна быть выпущена ко 2 ноября.

Под навесом Центрального Дома литераторов (мелкий дождь) дождался Бориса. Зашли в рюмочную.

Вечер Александра Яковлева в малом зале ЦДА. Хвалят много, да всё как-то обще. Такое впечатление, что выступающие не читали (почти) его прозу. «Поюродствовал», как обычно, Владимир Личутин, а больше заметных слов произнесено и не было.

В буфете продолжили чествовать Александра. Мы с Борисом оказались за отдельным столом. Потом к нам народ постепенно присоединился. Неприятное впечатление осталось от выступления Алексея Шорохова (артистическое и самовлюблённое). Личутин за столом был по-своему прост и весел. Удивил я тем, что и есть тот Сдобняков, которому присуждена «Хрустальная роза Виктора Розова», С.Ю. Сибирцева. Он был член комиссии. Оказывается, пришлось (как я понял, в мою пользу) отказать в премии Тимуру Зульфикарову.

Ночевали в квартире родственников Бориса — одни. Перед сном ещё выпили коньяку — лишнего.

13.10. В «Советском писателе» у Ларионова. В кабинете громко играет музыка. Разговаривать не совсем удобно — но говорим. Арсений Васильевич одаривает книгами. Хочется мне спросить о судьбе моего рассказа — но не спрашиваю. Договариваемся, что они начнут продажу «Сопротивления нелюбви» через свои точки.

В Шолоховском зале встреча со студентами Открытого педагогического университета. Я прочитал мои публикации в «Слове», книгу, «В-15, 17», статью о Вячеславе Клыкове в «Патриоте». Дают оценки, даже пытаются рецензировать. Но ни им нет большого интереса в этой встрече, ни мне. Главная тут причина в том, что они (девушки-студентки) далеки от моих взглядов, от моих тем, а я не смог их увлечь своим разговором. Правда, за обедом Ларионов сказал, что всё было достойно, хорошо. Ну — может быть, со стороны и виднее.

Выпили мы с Арсением Васильевичем по бутылке водки. Сидели более четырёх часов. В благополучный исход своего дела по защите Международного сообщества писательских союзов во главе с Ю.В. Бондаревым Ларионов не верит — это точно. Вроде бы он даже у кого-то был в администрации Президента. Но поддержки не получил. И даже наоборот...

Ночевать отправился в гостиницу «Мотор Сич». В столовой повстречался с Беззубцевым. Он уже руководит местной пресс-службой.

14.10. Выехал заранее, чтобы немного прогуляться. Пешком дошёл до метро «Аэропорт», а от «Тверской» бульварами, по известному маршруту, добрёл до Курского вокзала. Было пасмурно, серо, но не холодно. Правда, пакет с книгами таскать надоело. Но ведь не бросишь.

Дома от Иры узнал — звонил Шамшурин (без меня), официально представился, поздравил с премией и передал, что они (кто?) за меня рады. Может быть, он не знает о публикации в «Слове».

16 октября

Собрались публицистической (я, Юрий Покровский, Владимир Цветков) группой в геологическом музее. Мне окончательно стало понятно — если не будет конкретного дела (выпуска сборника), в очень скором времени мы разбежимся. Вот читаем все опусы, что ещё остались у Покровского, и на этом всё закончится. К тому же в принципиальных вопросах всё явственнее образуется раскол, непонимание.

Позвонил Ларионов. Олег Николаевич очень обижен, что я к нему не заехал. Нужно позвонить, объясниться. Звоню. Шестинский старается говорить сухо, на «вы». Но то и дело сбивается на «ты». Возраст, обстоятельства жизни — всё заставляет его быть подозрительным, ожидать предательства. К концу разговора вроде бы «оттаял», принял мои объяснения. Опять высокую оценку дал «Спротививенно...». Сказал, что опубликовал в «Щелковчанке» очерк о Георгие Мокеевиче Маркове, с которым был хорошо знаком по работе в секретариате Союза писателей СССР.

Поговорил я по телефону и с Розе. Виталий поздравил с премией и наговорил кучу комплиментов о книге. От него их слышать радостно. Утверждает — прочитал от корки до корки, хоть кое-что раньше уже читал в периодике.

19 октября

Вчера должен был пойти, по «наводке» Александра Пашкова на открытый просмотр — прогон спектакля «Смерть Тарелкина» в драме. Но не пошёл принципиально — была причина. Сегодня, уже на премьеру, позвала Лена Чернова — пресс-секретарь. У неё в театре оказался довольно уютный кабинет со старинным письменным столом. Рассказал ей свои последние новости (московские), кроме премии. В зале оказалось, что сидим рядом с Пашковым. Спектакль поставлен «весело», с социальным уклоном. Но как-то уж очень несосредоточенно, будто и режиссёр сам не знал, что хотел сказать своей работой, для чего ставил спектакль. В постановке нет внутренней энергии, внутренней (непроизнесённой) идеи.

Когда ехали домой, Пашков сказал, что Жильцов опубликовал стихотворение, посвящённое мне (в «Нижегородской правде»). Любопытно и непонятно, с чего бы.

20 октября

Приходил ко мне в музей Рассадин — немного странный человек из общества Попова. Это по рекомендации Покровского. Предлагает сотрудничество — через общество с отделениями в сорока городах России. Принёс две статьи конструкторов из «Лазурита» о подводных лодках. Если поправить, то вполне можно опубликовать. Расстались в хорошем настроении, с чувством, что оба нашли то, что искали.

Звонила Полина Николаевна, во вторник правление в Союзе. Нужно идти, узнать, что там стряслось. К тому же сегодня и Любовь Ковшова из Сарова дозвонилась — говорит, что «Валерий Анатольевич Шамшуриин действительно собирается уходить». Вечером нечто подобное подтвердил Жильцов, позвонив уже поздно и в не совсем трезвом состоянии.

21 — 22 октября. Кунавино

Наверное, это уже последняя поездка в деревню с Ириной. Она всё убрала в доме на зиму. Я поставил последнее бревно под крышу во дворе, кое-что убрал. Собрали несколько ведер яблок с земли и с деревьев. Яблоки прихвачены холодом, но в доме начали оттаивать. Дважды топтали печь, и всё-таки устойчивого тепла не было. Поздно вечером выходили посмотреть звёзды, но их не видно. Дул холодный ветер и что-то мелкое, невидимое ударяло в лицо — дождь или снежная взвесь. Пробыли на улице недолго. Замёрзли и вернулись в дом. А утром, проснувшись, увидели, что всё бело. На машине, траве, дорожках толстый слой снега.

Вот и зима! Конечно, этот покров растает, уже к обеду заметно потеплеет и с крыши закапало. И всё-таки первый снег в этом году.

До города добрались без хлопот. Отвезли яблоки родителям в Доскино. Вместе с Ириной поставили машину в гараж. Как всё-таки приятно возвращаться из гаража не одному.

24 октября

Правление в Союзе. Перед этим немного постоял на Откосе, подставляя лицо тёплому ветру и любуясь заволжскими далями. Думалось о грустном, о смерти Марченкова и о том, сколько же мне отмерено ещё быть на этих берегах, любоваться земными красотами. Элементарные математические действия доказывали, что очень немного относительно уже пржитого.

На правлении утверждался вопрос почётной капитуляции. Три комнаты в особняке остаются за писателями, остальные переходят в ведение города. Конечно, это начало конца. Но есть ли другой выход?

Сразу после заседания — тут же в зале презентация «Записок краеведов». Стол скромн, почти до неприличия. Стояли с К.Д. Проимным, Селезнёвым, Чуяновым. Константин Данилович подарил свой роман о старателях.

27 октября. Большое Мурашкино

Поехали я, Лена Крюкова, Александр Фигарев и его друг-певец — отмечать семидесятипятилетие Виктора Степановича Кильдюшкина.

Отправлялись из Союза писателей на улице Минина. По дороге купил свежий номер «Литературной газеты». На первой странице имена лауреатов «розовской» премии. Неожиданно! Придя в Союз, сказал о публикации собравшимся ехать к Кильдюшкину. Гробовая тишина. Думал, что не поняли и повторил ещё раз, показав газету. Результат тот же. И только после этого до меня дошло — никто со мной эту радость разделять не собирается. Ну и я скромно замолчал — будто и не говорил ничего.

Прибыли в центральную районную библиотеку. Попили чаю. Оттуда поехали в гости к поэту. Сам он только что перенёс инсульт, лежит не вставая на диване. Когда мы пришли — расплакался. Лену и Александра он знает хорошо. Мне для журнала приготовил новые стихи. Видимо, о моём намерении их напечатать ему написал Владислав Бахревский. В доме тяжёлый воздух, неприбрано — во всём ощущение старости. А ведь раньше этот дом был так приветлив, сюда так много приезжало пишущего народа. Лена играла на пианино, певец пел, гости выпили по рюмке. Я первым вышел на воздух, отдышался.

Местное кладбище, разрушенный храм, могила неизвестного мне поэта Бориса Харлампиевича Шумилова. (Фигарев рассказывал — комбайнёр, замечен нашими литераторами, жил в Горьком у Бирюкова, который, получив новую квартиру, старую так ему и оставил, в итоге спился).

Вечер в музыкальной школе. В маленьком зальчике старинного купеческого дома преподаватели старательно пели и играли на инструментах (и это было так трогательно, так, видимо, они обделены вниманием), наши ответно читали стихи. Я тоже сказал несколько слов. Певец был в ударе и цыганскими песнями покори публику. Я его слышал второй раз — впервые на презентации книги Фигарева в городской библиотеке. В дороге вроде бы решили с Леной дать её стихи в «Вертикали».

28 октября — 2 ноября Москва

Первый день — сплошные переезды. На поезде до Москвы, на электричке до Дорохова. Там встретил Лукин и повёз к себе домой. Баня, разговор, устройство в доме для гостей, где я оказался не один — приглашённые на венчание съезжаются.

29.10. В храм приехали с опозданием — священник уже вносил чашу в Царские врата. Во время венчания я был «шафером» (так называл батюшка), держал венец над головой жениха. Он оказался тяжёлым, из толстого металла, и рука затекала. Но церемония прошла торжественно. Борис был в светлом костюме, Галя в белом подвенечном платье и фате. Хотя и возраст далеко не девичий, но это не выглядело «пародийно». Может быть, оттого, что все мы, гости, значительно старше новобрачных.

Гостей, надо сказать, съехалось много, и я из них был далеко не самый желанный. Застолье быстро (как это и всегда происходит в последнее время) утомило, и я пожалел, что приехал. Но уехать в Москву ни с кем не удалось.

30.10. Холодно. Едем в местную школу. Галя запланировала встречу с учениками. Я категорически отказываюсь проводить встречу со старшеклассниками. Чувствую себя утомлённым, раздражённым после вчерашнего суетливого дня. Просидел сорок минут на выступлении Полины Ражновой (она, как и я, попала сюда после свадьбы и так же рвалась домой) перед второклашками. Заставили и меня что-то пробубнить. Впрочем, Полина провела здорово.

В Москву отправились на автобусе. Долго ехали по Кольцевой дороге, пробираясь через пробки. В гостинице «Мотор Сич» Владимир Шемшученко оставил записку — просит захватить на вечер «Нашего современника» его газеты. Лукин приехал со мной.

У МХАТа подошёл к Козину, взял билет.

Своё пятидесятилетие журнал встречает при аншлаге зрительного зала. Но вечер проходит до обидного скучно. Выступили: Татьяна Васильевна Дорониная, Михаил Иванович Ножкин, Геннадий Андреевич Зюганов, Бабурин, Сергей Юрьевич Глазьев, Ивашов (генерал), Владимир Андреевич Костров, Юрий Михайлович Поляков, Александр Андреевич Проханов...

Владимир разложил газеты — их разобрали. Окончания вечера дожидаться не стали, ушли в 23-30. Перекусили уже в гостинице.

Забыл отметить выступление Владимира Николаевича Крупина, как всегда светлое, чистое, проникнутое верой, с которой ничего не страшно.

31.10. Утром еду в университет к Козину. Хорошего разговора не получилось. Финансирование журнала по-прежнему остаётся неопределённым. П.И. Кононенко с В.А. Богуслаевым в Китае.

После обеда в буфете ЦДА встретились с Шемшученко. Он был в «Литературке». В завтрашнем номере идёт рецензия на мою книгу «Сопроотивление нелюбви». Нежданная радость от Александра Яковлева. Чрезвычайно быстро откликнулся.

1.11. С Володей бродили по Москве. Холодно, но сухо. Посидели в скверике Литинститута. Дошли до «Советского писателя». Ларионов принял нас с радостью, усадил за стол. За разговорами просидели почти до восьми вечера. Арсений Васильевич любопытно рассуждал о пути и его завершении «деревенской прозы». Трудно с ним не согласиться. Нужно было выходить на философское осмысление темы в художественной литературе. Шемшученко только не понравилось, что уж очень он категоричен в негативных оценках других. Ну и вызвало удивление, сколько мы за вечер с Арсением Васильевичем выпили водки — три бутылки анисовой.

2.11. На Курском вокзале встретил Ирину. Дождливо, но потеплело. Неудачно с ней искали магазин для покупки духов, бродя недалеко от Красной площади. Она утомилась. Пришлось ещё и меня ждать в метро на Соколе, пока я бегал в гостиницу за сумкой. Но уж отсюда напрямик поехали в Театральный центр на Страстной бульвар. Пришли рано, зато успели отдохнуть и успокоиться, себя привести в порядок. Фотографировались с актёрами Владимиром Константиновичем Трошиным и Василием Семёновичем Лановым, знакомил Иру с Козиным и остальными.

Торжество награждения прошло неутомительно. Все сидели за накрытыми столами перед сценой, где награждали, выступали лауреаты, артисты и приглашённые. Я сказал своё слово длинно и плохо. Мысль — столица не должна вести себя высокомерно по отношению к глубинке (не провинции).

Домой в Нижний ехали в автобусе с нашим замечательным коллективом «Любава», который в конце вечера устроил маленький концерт песни и танца.

3 ноября

Ночь в автобусе далась сравнительно легко. Ирина спала. Я тоже дремал. Дома, немного отоспавшись, поехал на работу. Отвёз привезённые газеты, сделал несколько звонков и встретился, как тому и обещал, с Анатолием Ивановичем Пафнугтьевым.

Не сговариваясь, зашёл Валентин Арсеньевич Николаев, попросил адрес Виктора Потанина. Передал ему и журнал «Слово» № 4, 2006 г. с публикацией своих воспоминаний об Адрианове. В журнальном варианте они называются «Хорошие люди в плохие времена». Валентин позвонил вечером, сразу после прочтения. Очерк ему понравился. И ещё долго говорили о тех вопросах, что я затронул в воспоминаниях касательно литературной жизни Нижнего. Во многом наши взгляды и оценки совпадают.

Вчера до награждения поговорил с Юрием Михайловичем Строевым. Он провёл в течение часа прямой эфир с Кодиным на радиостанции «Говорит Москва» (вещание на сорок регионов). Во время передачи «Кодин очень тепло говорил о вас». И тут же предложил мне в конце ноября участвовать в его программе.

8 ноября

В зале музея Радиолоборатории на Верхне-Волжской набережной научно-технические чтения, организованные обществом имени Александра Степановича Попова. Довольно любопытные доклады. На темы разведки, вооружения, демографии и так далее. Правда, я был только до перерыва, много дел у себя. Угнетает в этих докладах и прениях научное высокомерие, не допускающее рассмотрение проблем в духовном аспекте.

Позвонил Шестинским. Они прочитали мой очерк об Олеге Николаевиче. Тот наговорил мне много тёплых и восторженных слов. Дал точную профессиональную оценку написанного и предложил своё название — «Яблоки русского сада». Отметил «тонкие переходы» духовного состояния героя в моих записках.

Разговаривал с Кононенко. Пётр Иванович вроде бы готов профинансировать этот выпуск «Вертикали».

9 ноября

В новом здании политеха в Печёрах второй день чтений начался с представления «Вертикали». Вступительное слово сказал я (хорошо, складно). Затем представил Коломийца. В этой аудитории его стихи были встречены сдержанно. Потом прослушали доклад московского гостя на тему — что сейчас происходит со страной и что её ожидает в ближайшем будущем. Говорил энергично, доказательно, но в заключение зал оказался свергнут в полный пессимизм и растерянность — кто же будет руководить подготовкой новых кадров, новой элиты для страны, которые обеспечат ей достойное будущее?

Вечером в галерее у Юркова скромно отметили мою премию. Жильцов (и как-то, как мне показалось, очень провокационно) заговорил о предстоящих выборах и о моей кандидатуре на пост председателя Союза писателей. Я отказывался, но меня, похоже, и не собирались слушать, думая в этот момент о чём-то своём. Как же раздражают все эти

разговоры! Да и Шамшури́н никуда уходит не собирается. Сколько же можно всё это мусолить.

14 ноября

Погода ужасная. В последние дни навалило снега, но температура около нуля. Вчера гололёд, сегодня дождь и месиво под ногами. Ира сильно ушиблась, упав на ступеньках на спину. Теперь мучается, а мы все переживаем. В такую погоду ей бегать по городу целый день — это невыносимо.

У меня поездка к Кононенко отложилась до следующей недели.

Шестинский по телефону рассказал (вчера), что Ларионов мою заметку «Смена идёт?», опубликованную в «Патриоте», читал студентам. Интересно, что за реакция была с их стороны? А может, и не было никакой, равнодушие. Олег Николаевич предложил, не откладывая, послать очерк «Яблоки русского сада» в «Слово». Я пообещал и уже это выполнил. Хотя это может помешать публикации рассказа («Искушение»).

Отнёс в типографию второй вариант вёрстки с правкой. Лена Крюкова звонила по поводу своих стихов. Поэзия у неё своеобразная, страстная, и мне бы хотелось её опубликовать. Но слишком велик объём. К тому же эта страстность, когда она имеет протяжённость на многие страницы, утомляет читателя. Его внимание теряется, рассредотачивается.

Дозвонился до Розе. Своё шествие по Невскому проспекту с иконами и хоругвями 4-го ноября они провели. Разрешение получили от властей, как сказал Виталий, за три часа до начала.

В моей жизни случилась заторможенность. Состояние противное — жду вёрстку, жду денег, жду чего-то ещё...

20 ноября

Всё! С вёрсткой 18-го выпуска закончили. Позвонил в Питер, выяснил у Шемшученко, что Клуб в четверг 23-го, но приглашения на него М.И. Кодин не рассылал. Ну, мне главное — повидаться с Кононенко.

Был приятный звонок из библиотеки Большого Мурашкина. Журналы и книги, мной отосланные, они получили. Говорят, что им в работе они очень пригодятся. Мне же кажется, что их взволновало внимание, отклик на их вечер.

В Литературном музее им. Горького на улице Минина должен был пройти Круглый стол писателей Приволжского федерального округа (ПФО). На сам форум творческой интеллигенции в областной библиотеке я не пошёл, а в музей явился. И узнал, что Круглый стол отменили. Зато посмотрел «бархатный» зал с экспонатами, посвящёнными А. Мельникову-Печерскому. Особенно потрясла икона (видимо, ей благословляли) с венчальными свечами за стеклом. Ведь вот уже давно нет в живых этих людей, а мы видим материальные свидетельства их праздника. В такие минуты иначе ощущаешь и ценишь время.

Вечером в театре драмы спектакль «Мастер и Маргарита» театра из Вильнюса. Идёт на литовском языке, перевод в наушниках. Много шума, визга, модерновости, проекции на экран. Есть любопытные актёрские находки. В целом же впечатление некоей пустоты, того, что режиссёру нечего по большому счёту сказать, нет глубокой идеи. Хотя в общем впечатление осталось, как от нечто любопытного.

22 ноября

Перед завтрашней поездкой подстраховался — позвонил Лукину, Шестинскому, Кононенко, Козину. Всё вроде бы идёт по плану.

Обнадёживающий разговор с дамой из городского департамента культуры (Татьяной Константиновной Барановой). Тоже по телефону. От моего письма не отмахнулись, поставили в план сумму на мою книгу. Теперь осталось ждать распределения бюджета на следующий год и надеяться.

23 — 25 ноября. Москва

Выехали утром на машине с Алексеем Марковичем. Устроились в гостинице «Измайловская». Почти сразу уехал в Союз, но там никого не застал. Пешком, по старому маршруту (Крымский мост, Мытная улица) отправился к Свято-Даниловскому монастырю. Время было — прошёлся внутри монастыря, хотя уже стемнело. На территории гостиницы столпотворение от машин. Поздравляет митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (главу внешнецерковных связей РПЦ) высшее чиновничество государства, политики. Делегация Клуба прямо с поздравлений пришла на заседание — в соседний подъезд гостиницы. Выступал директор Института Дальнего Востока РАН Михаил Леонтьевич Титаренко. (Раньше я слушал его выступления на секции 9-го Всемирного Русского Народного Собора). Подробнее об этом в статье для «Вертикали». По окончании встречи долго сплетничали с Володей Шемшученко.

24.11. В «Мотор Сич» приехал к полудню. С Петром Ивановичем поговорили доброжелательно и результативно. Правда, всё это заняло много времени. Дважды звонил Шестинскому — пообещал к нему приехать, потом отказался из-за занятости.

С Борисом Лукиным и Николаем Дорошенко в Московском Доме Национальностей побывал на творческом вечере писателя из Якутии Николая Алексеевича Лугинова, представлявшего свой роман «По велению Чингисхана». Из писателей первого ряда никого не было. Хотя очень любопытно выступили девушки из этно-национального ансамбля. Подражание голосам птиц, исполнение музыки горлом впечатлило.

За столиком на фуршетке говорили с Сашей Яковлевым. У него, оказывается, родилась дочка. Познакомился ещё с двумя новыми писателями, но думаю, продолжения это знакомство иметь не будет.

В зале, где проходил вечер, развешаны рисунки художника Д.А. Бойтунова, иллюстрировавшего роман. Я их посмотрел перед началом вечера. Замечательные работы. К сожалению, воспроизведённые в книге, они многое потеряли.

25.11. Из Москвы выехали позже, чем хотели. Коломиец на один день летал в Дагестан и в гостиницу вернулся поздно. К тому же, отъехав на 50 километров от столицы, вдруг узнали, что забыли заехать за попутчиком. Пришлось вернуться. И всё равно дорога оказалась неутомительной, даже приятной, в хорошей компании.

28 ноября

Вчера встречались у меня с Юрием Покровским. Конечно, несколько натянуто — в последний раз я всё-таки его обидел. Дело с финансированием сборника «Русское» всё на том же «мёртвом» месте, хотя Юрий Николаевич макет размножил уже в пяти экземплярах и даёт его читать людям во власти.

Приходил Владимир Цветков. Только что приехал из Москвы. Был на съезде Союза Русского Народа. Привёз мне газеты, диски. На съезде полный раздрай, склока между Олегом Анатольевичем Платоновым, Алексеем Алексеевичем Сениным и Михаилом Викторовичем Назаровым, Константином Юрьевичем Душеновым. Всё это губит русское дело. Нет духовного единства, сплочённости. Мы не готовы к решительным действиям, чтобы взять власть, к чему опять же с трибуны съезда призывал Борис Сергеевич Мионов.

Договорились с Владимиром Георгиевичем, что со следующего номера начинаем печатать в журнале его статьи. По подавляющему большинству вопросов у нас полное единодушие. К тому же, мне нравится, как он пишет.

29 ноября

Опять не мой день. «Гортоптрест» отказал в помощи изданию. Денежный вопрос давит.

В Союзе «столкнуться» с Шамшуриным. Валерий Анатольевич предлагал опубликоваться в «Земляках». Наверное, пора соглашаться. Подарил ему «Сопротивление нелюбви».

Немного странная презентация книги А.И. Пафнутьева в литературно-мемориальном музее Н.А. Добролюбова. Много всего в куче далёкого от книги — дата смерти Добролюбова, отчёт Профессионального союза литераторов, чтение своих стихов В.М. Тереховым... Но встретился с В.В. Половинкиным, К.Д. Прояминым, В.И. Соболевым... Да и Анатолий прочитал свои стихи хорошо! Застолье...

2 декабря

В педагогическом институте на площади Минина и Пожарского встреча с небольшой группой студентов. Её организовали Дмитрий Угрюмов и Юрий Покровский, который читал свой доклад. Текст многословный, поверхностный, неглубокий, избыточный множеством исторических неточностей, да и просто придумок, ошибок. Тема — провинциализм российской культуры послеоктябрьского периода. После первой части доклада В.Г. Цветков вышел и повёл беседу о русском православии. Пришлось ввязаться в разговор и мне (хотя никак не планировал этого). Оплёвывание советского периода нашей истории неизменно вызывает во мне чувство протеста. Но более всего порадовали ребята — думающие и переживающие за Россию.

Внутренние помещения, коридоры в институте обшарпанностью и убожеством угнетают. Нищета!

11 декабря

День заседаний. Союз журналистов в театре кукол провёл свою отчётно-выборную конференцию. Было любопытно за всем этим наблюдать. Власти это «мероприятие» полностью проигнорировали. Не было и главных редакторов изданий (кроме районных газет — и то очень немногих), телевидения, радио. А казалось бы — третья власть, журналистская солидарность. И разговора-то ни по одному серьёзному вопросу не возникло. Будто в стране покой и порядок. Какое интеллектуальное и гражданское убожество и обнищание! Только Александр Пашков в своём выступлении обозначил некоторые болевые точки организации, но далее развития эта тема не получила.

В Союзе писателей вечером правление. Опять обсуждение — отказываться от первого этажа здания или нет. Валерий Шамшурин настойчиво давит на отказ, Олег Рябов убеждает (и не без основания) этого не делать. Вот две заинтересованные стороны в этом деле. Остальные хранили безразличное молчание. И действительно, от них мало что зависело, и при любом раскладе они ничего не теряли и не приобретали.

14 декабря

Вечером домой позвонил М.И. Кодин. Спрашивал, приеду ли на новогодний вечер? Между прочим, в разговоре подсказал хорошую мысль — начать публикацию материалов о людях «Московского интеллектуально-делового клуба (Клуб Н.И. Рыжкова)» (а ведь там сплошь известные личности с интереснейшими судьбами). С другой стороны, это подтолкнёт их к финансированию издания. Тогда это и меня более сблизит с ними.

Володе Цветкову вчера предложил проводить литературные вечера журнала «Вертикаль». Он воспринял это с готовностью. Эти встречи должны бы поспособствовать реализации нашей литературы. Так, во всяком случае, я планирую.

16 декабря

Очерк о Шестинском «Яблоки русского сада» и статью о выступлении в Клубе председателя Общества российско-китайской дружбы, акаде-

мика РАН М.Л. Титаренко дал прочитать Пашкову. Вечером он позвонил. Беседу с Олегом Николаевичем и что-то из Титаренко он сдал в редакцию «Нижегородских новостей». Замечания по очерку: когда пишу о книгах Шестинского, то очень скован, надо свободнее их разбирать, оценивать; конфликт, участником которого в Москве оказался Шестинский, непрописан. Его надо либо убрать, либо более широко осветить. С замечаниями я согласиться не могу.

17 — 19 декабря. Москва

Приехал в воскресенье, заранее, чтобы побыть у Шестинских в Переделкино. Главное же — встречи с Кононенко.

С вокзала поехал к Олегу Николаевичу. Он всё унывает. А ведь это идёт от прошлой, советской избалованности литературного начальника. Его ведь и сейчас печатают (а могли бы ещё больше, если бы он приложил немного усилий). Я попытался убедить Шестинских, чтобы подготовили рукописи книги рассказов и воспоминаний, отнесли их в издательства. Но вряд ли они это сделают.

18.12. Утром уехал в Москву. В «Мотор Сич» довольно быстро состоялся разговор с Кононенко. Пётр Иванович пообещал оплатить №18. Деньги принести завтра на Клубный новогодний вечер. Побывал у Кодина, отправился к Е.В. Богородицкой, но их на месте не застал. В книжном магазине Литинститута посмотрел книги для Пашкова, но, кроме записных книжек Андрея Платонова, ничего не нашёл. Вечер опять у Шестинских.

19.12. О встрече с Ларионовым договаривались заранее. Приехал к нему в «Советский писатель», а там застолье после освящения кабинета. Поп с дьяконом (довольно молодые) уже порядком захмелели, говорят непрерывно — назойливо, громко. Я пообедал, хотя и не пил. А разговор у гостей всё громче. Пришла Елена Львовна — супруга Ларионова (она занимается «Словом»). Настойчиво просит публицистику. Мой рассказ «Искушение» идёт в шестом (последнем за этот год) номере журнала. Как я и думал, Арсений Васильевич человек совершенно невоцерковлённый, да и не верующий — ни исповеди, ни причастия не признаёт. Никогда их не совершал и сказал, что не совершит. Мой очерк о Шестинском он прочитал. Есть претензии. Хочет, чтобы я что-то дописал в последнем абзаце. Но подробно поговорить не удалось. Из издательства отправился в Клуб на Новогодний вечер. Настроение хуже некуда. Позвонила Ирина. Таню срочно положили в больницу. Лечение, проведённое до этого, не помогло.

На вечере подарил журналы А.Н. Квочуру, В.К. Трошину, А.А. Бесмертных. Александр Александрович порадовал отзывом: «Я ваш журнал от корки до корки читаю». Поговорили (и я наговорил ему хороших слов) с генералом Шамановым — чеченским героем. Кононенко не пришёл! Но на завтра я не останусь — решил срочно (наша «Любава» выступила на вечере) вместе с ансамблем на «Газели» ехать домой. На сердце тоска, беспокойно — что там с Танюшей. А тут в дороге ещё поломались. Пошёл лёгкий снежок, запорошил землю, похолодало. Кстати, снег так ещё на землю и не лёг. И это в декабре! Домой добрались только в 11-00 уже двадцатого декабря. Чумной и вымотанный.

21 декабря

В отчаяние позвонил Владимиру Павловичу Полеванову. Поговорили очень доброжелательно. Я не ожидал такой реакции на мой звонок. Договорились, что завтра я к нему приеду и он попытается чем-то помочь. Надо возвращаться в Москву. Дозвонился и до Кононенко. Он улетает в Киев, в Москве будет в понедельник. Тоже вроде бы договорились о встрече. Билет купил на шестичасовой «Буревестник».

22 — 26 декабря. Москва

Из гостиницы позвонил, а потом и поехал в офис к Полеванову. Там меня уже ждали. Встреча прошла в полной приязни. Хозяин показал и подарил замечательные панорамные фотографии видов Байкала. Договорились, что запишем с ним интервью. Как собеседник Владимир Павлович чрезвычайно интересен нестандартным мышлением.

Проехал в «Советский писатель» к Ларионову. Но с Арсением Васильевичем разговора опять не получилось.

Вечером в Вологодском представительстве презентация журнала «Лад». Выступление бардовского коллектива. Фуршет. Привёл меня туда Борис Лукин.

За столом стояли с Александром Яковлевым. А назад до метро «Тверская» (мимо памятников Гоголю) шли с Борисом Лукиным. Настроение у меня приподнятое после встречи с Полевановым. Пили с Борей водку прямо из горлышка, не закусывая, отхлёбывая маленькими глотками.

Следующий день провёл в гостинице, никуда не выходя. Читал книгу Владимира Губарева о создании атомной бомбы «Секретный атом».

Воскресенье в загородном доме Бориса. А вот вернувшись в понедельник в Москву, в офисе «Мотор Сич» получил «удар» — Кононенко в командировке. Приходя в себя и собираясь с мыслями, ходил по парку. Расстроился жутко. Вернувшись в гостиницу, позвонил Петру на сотовый. Он обещает быть в четверг. Надо уезжать — оставаться нет смысла. Смятение, как поступить правильно? На Курском есть билеты. Но только ночные. На сотовый позвонил Лукин — можно заночевать в Москве в знакомой уже квартире. Поэтому билет покупаю на дневной «Буревестник» и еду в Союз писателей. В редакции «Российского писателя» застолье. Не остаюсь и ухожу гулять по Фрунзенской набережной. На душе тягостно. Хотя половину дела, намеченного на эту поездку, сделал. Может быть, самую важную и перспективную.

Придя в Союз, сидел у Переяслова. Николай жаловался на безденежье, рассказывал, как ездил в Туркмению на конференцию по «Рухнали», о тотальной слежке за приезжими. Говоря о Шестинском, только заметил — он остался совсем один. Я же повторил, что Олег Николаевич жалеет о произошедшем разрыве между ними. Но видимо, поправить что-то уже трудно.

В квартире читал венок сонетов Бориса Лукина (рукопись), и почти ничего не понял. Свои впечатления вынужденно выразил какими-то общими фразами.

На следующее утро заехали в гостиницу за моими вещами и опять отправились в Союз. Лукин записал на диск макет книжки «венка», который я забрал с собой в Нижний. Будем издавать в «Вертикали».

27 декабря

В Союзе Новогодний вечер. Едем вместе с Алексеем Марковичем. Рад был повидать многих наших. Пела какая-то певица (хорошо), которая и раньше у нас выступала на вечере. Не получилось устраниться от примирения с Чижовым. Подошёл неожиданно, сзади (хотя в коридоре я с ним встретился, но здороваться не стал), будто ничего и не произошло. Начал говорить, чтобы я не обижался. Книжку свою подписал и сунул мне в руки. В общем, умеют они это как-то всё обстроить, да так, что и сообразить не успеваешь.

Закончили вечер своим малым застольем за сдвинутыми столами в кулинарии на улице Минина. Говорили хорошо, вспоминали. Юра Марахтанов похудел, высох. Признался мне — врачи считают, что его младшая долго не проживёт. И жалко его до боли в сердце.

Традиционно всё испортил Павел Климешов. Начал всех обвинять в бездарности (ну, это как всегда), и что его-то вознесут после смерти (тут что-то новенькое, до такой самооценки он раньше не доходил). Но это уже было в самом конце. Простительно. Долго у Кремля прощались с

Виктором Карпенко. Он всё рассказывал о «технологии» своего издательства. А снег шёл и шёл.

28 декабря

Позвонил Олегу Николаевичу. Решил загодя поздравить с праздником. Настроение у Шестинского приподнятое. Сообщил, что Ларионов огорчён тем, что мы не смогли с ним пообщаться. А потом предложил прочитать по телефону новые, недавно написанные стихи (предчувствие которых он мне объяснял ещё в Переделкино) — и прочитал. Мне показались они сильными. В них успокоенность, раздумчивость, желание выйти из состояния «войны», в котором Олег Николаевич находился в последние годы. Решили, что этот цикл и будем печатать в первую очередь в «Вертикали». А уж прозу потом.

Вечером звонок Бориса Селезнёва. Опять о выборах и о моём участии. Но ведь положение в Союзе (особенно с помещением) чрезвычайно непривлекательно. Попытался это ему объяснить и своё участие в выборах не обещал.

ПРОЩАЙ ДРУГИМ И ТЕБЕ ПРОСТИТСЯ

2007 год

3 января

Утром позвонила Наташа Адрианова — получила книгу из типографии («Обретенные тетради»). Договорились, что я заеду. Так и сделал. Сначала побывал на улице Минина в «Дятловых горах» (последние штрихи в вёрстке «В-18»), а уж потом зашёл к Адриановой. Сидели в комнате Юрия Андреевича, пили чай. Наташа рассказала о письме Распутина, и что отослала Валентину Григорьевичу книгу воспоминаний об Адрианове. Сборник стихов издан хорошо, и ведь всё она сделала на свои деньги, заняла у родственников. Для противного лагеря это поражение. Рябов хотел выкупить весь тираж, но Наташа не согласилась. Теперь в скором времени планирует провести презентацию книги (уже раздала около ста экземпляров) и затем выпустить сборник переписки Юрия Андреевича с друзьями и литераторами.

Комната всё более становится похожа на мемориальную. Прежний жилой дух из неё постепенно уходит. Наверное, это хорошо, правильно. И ёлка украшена редкими, старыми ёлочными игрушками. От их вида легонько щемит в сердце.

9 января

Пришло поздравление от Виктора Потанина из Кургана на красивой Рождественской открытке — с праздниками и премией. Добрые слова написал о журнале, чем порадовал меня и взбодрил.

В типографии окончательно подписал в печать «Вертикаль». Преловский пообещал всё сделать быстро, к восемнадцатому числу. Позвонил и сообщил об этом Шестинскому. Он же сказал, что вышел журнал «Слово», где есть и мой рассказ «Искушение». Ларионов привёз номер Олегу Николаевичу ещё третьего числа. Будем ждать почту. Шестинский чувствует себя плохо, ходит с трудом, задыхается. Возможно, опять ляжет в больницу.

10 января

В музее Радиолоборатории Поповские чтения. Информационно любопытно. Хорош рассказ о первых годах Нижегородского ЧК Шарова. Но в целом всё та же, как и ранее, беда — поиск решения исправления ситуации вне духовного поля. По мне же, без исправления ситуации в сфере духа России своих проблем (спид, наркомания, алкоголизм, здоровье, преступность, падение производства, воровство олигархов, коррупция чиновников...) не решить.

Вечером два звонка — оба неожиданных. Юра Марахтанов (очень нетрезвый) узнавал о своих рассказах. Сказал прямо — они мне не понравились.

Альбертина Кессель — предлагает включиться по работе (организационной) над мемориальной доской Адрианову. Письмо В.П. Шанцеву Шамшурун отнёс. Надо выяснить насчёт денег. Найти «концы» этого письма. Интересная деталь. Она предложила Шамшуруну (как вариант) выбить на доске строчки из стихотворения Юрия Андреевича «Эпилог XX века»:

Бессмертны и честь, и отвага,

А Родина — выше всего!

Валерий воспротивился — «Это Майн Камф» какой-то.

Удивительно, почему всё, что связано с преданностью Родине, России, вызывает у него такое раздражение и протест?

12 января

В Центральной городской библиотеке поэтический Рождественский вечер. Ведёт Борис Селезнёв. Из серьёзных поэтов никого, но зал полон. Неожиданно хорошее выступление подготовила сотрудница библиотеки по теме воскресения в художественной литературе. Один тезис — кто не испытал в себе воскресения, тот никогда этого (то есть православных догматов) не поймёт — очень точен. Закончил вечер долгим своим словом-проповедью В. Цветков. Говорил хорошо, но уж слишком много назидательности, напора. После всего опять тяжёлый (духовно опустошающий) разговор с Валерием Валентиновичем Фирсовым.

П.П. Шаров просит написать предисловие к его книге «Мозаика жизни заурядного человека». Селезнёв явно схалтурил. Встретились у Дома книги. Ходили под дождём, спорили об истории, вере... Позвонил и пришёл к подъезду Саша Высоцкий. Принёс рукопись подборки стихов. Пьян.

Звонок Лены Крюковой: «Надо встречаться».

13 января

Набирает обороты работа над мемориальной доской Юрию Андреевичу Адрианову. Вчера выяснил в областном комитете, что деньги выделены и перечислены в Союз художников. Сегодня звонок Наташи. У неё был наш художник Ким Иванович Шихов и скульптор. По поводу надписи я предложил встретиться и обсудить коллективно на нейтральной территории (не в Союзе писателей) — например, в музее Горького.

15 января

Пашков устроил в театре Комедии замечательный поэтический вечер, где стихи классиков читали артисты нижегородских театров, а свои Жильцов и Эрастов. Атмосфера встречи тёплая, заинтересованная. Пообщался с В.В. Никитиным, А.С. Беловым, Н. Прибутковской, Г.С. Демуровым...

Перед этим звонил Шестинскому. Хандрит и физически плохо себя чувствует. Хотел прогуляться по улице, но вернулся — задыхается.

17 января

Вчера по сотовому меня разыскал В.П. Полеванов. Ждёт журнал, хочет его посмотреть до 29-го числа, перед своей поездкой куда-то. А сегодня дважды звонок Наташи Адриановой. Перед завтрашним обсуждением надписи на мемориальной доске сообщила новость — Цирульников, Кессель и другие против надписи «русский поэт». Требуют «российский». Наташа предупредила: «Мы остались вдвоём». Я спросил: «Какие аргументы против «русского поэта»?» «Утверждают, что теперь так не принято писать и говорить, такого словосочетания не используют».

Звонок Александра Пашкова — Владимир Жильцов ему сообщил, что сегодня они с Шамшуриным и Рябовым договорились, что Володя будет председателем нашего Союза писателей. В правление войдут Цирульников, Чуянов, они, Прилепин.

В дополнение всего пришли стихи от Шестинского, которые Алексей Маркович напрочь раскритиковал. Я вроде бы в чём-то с ним и согласился, а когда перечитал, то вновь душой на них откликнулся. Я понимаю состояние Олега Николаевича, что он хотел сказать. Он жаждет умиротворения, успокоения и обращается к вопросам вечным.

Днём в музей заходил Валентин Арсеньевич Николаев. По моей просьбе рассказал историю создания рассказа «Солнышко всем» — от отзывов Игоря Дедкова и Виктора Астафьева до публикации его в «Ленинской смене» Пашковым. Я попросил наконец-то показать рассказ мне (скоро тридцать лет, как о нём слышу, но ни в одном журнале, ни в одной книге он так и не был напечатан) — обещал.

18 января

В 15-00 встреча в Литературном музее комиссии по литературному наследию Ю.А. Адрианова: Наталья, я, Шамшурин, Цирульников, Рябов, Фигарев. Наташа настроена категорично. Предложенный ею текст принимается единодушно с маленькой редакционной правкой (убрали слова «выдающийся» и «писатель»). Цирульников робко попытался возразить против словосочетания «русский поэт», но это не прошло. Я вздохнул с облегчением. С заседания этого шёл, как с праздника. Теперь Юрию Андреевичу будет достойная мемориальная доска на доме, где он жил. (Ведь половину ночи перед этим не спал, терзался, а они побоялись вступить в спор, все разговоры «против» остались за кулисами). Но дрогн мы — и у них всё бы получилось.

В 16-00 в Союзе Правление. Повестка дня — предстоящее собрание. Шамшурин уходит. Вместо него предлагается Жильцов. Валерием был поднят вопрос и о моей кандидатуре. Я сразу отказался, да и все высказались против (в чём я и до этого был уверен).

— Но этот вопрос может быть поднят на собрании, — забеспокоился Шамшурин.

— Не будет, — успокоил его я.

20 января

В Союзе выборы. В общем-то прошло всё спокойно, хотя выступлений (и всяких — Валентин Николаев, обращаясь к Шамшурину, просто ругался) было много. Даже я не выдержал, сказал своё слово.

После застолья шли с Николаевичем. У нас с ним это давно вошло в традицию — мнением от увиденного и услышанного обменяться.

В перерыве заседания взял «Земляков», где есть и мои публикации. Может быть, зря я их туда дал — прощальное слово с Вячеславом Михайловичем Клыкковым (Шамшурин дал тексту своё название — «Завещание» и статья «Возможен ли бунт в современной России» (заголовок в альманахе «Не бессмысленный, но беспощадный»)?

22 января

В типографии получил «В-18». Опять есть брак — непропечатанные страницы. И фотографии слишком черны, плохо различимы. Позвонил Козину, Кононенко, Полеванову. Придётся везти в Москву журналы такими, какие есть.

24 января Москва

Приехал на утреннем поезде. В гостинице «Мотор Сич» устроился удачно, но и огорчился — Кононенко уехал. Журналы для него оставил у секретаря. С Полевановым повстречались в офисе Владимира Павловича. Журналом (фотографиями в нём) он остался доволен. Записали

на диктофон часовую беседу. Любопытную. Хотя до главного — Китая, золота, большой политики, природных катаклизмов — дойти не успели. Решили, что договорим потом. Эту запись надо будет расшифровать. Думаю, что и этот разговор породит новые вопросы.

В «Советский писатель» пошёл пешком. Понимал, что это не должно быть далеко. Но не ожидал, что офис так близко от Красной площади. По Пятницкой вышел к мосту через реку. Далее, обойдя Кремль, мимо библиотеки Ленина вышел на Новый Арбат. Вот и всё. Ларионов оказался у себя. Накормил обедом, выдал гонорар и журналы с публикацией «Искушения». Был грустен и малоразговорчив. Но все свои вопросы на будущее я с ним обговорил.

Теперь в «Форте-клуб». До юбилея Михаила Ивановича Ножкина, который устраивает Клуб Н.И. Рыжкова, пришлось с час бродить по Тверской. Благо, погода сухая (подморозило) и безветренная.

Сам юбилей оказался довольно домашним. Перед началом Ножкин подошёл ко мне. Мы обнялись. Я его поздравил и от писателей, и от геологов. Ещё раздал «В-18» некоторым. За столом сидел с директором НИИХИММАШ (предприятие, изготовившее все наши космические ракеты) А.А. Макаровым.

25.01. В Москве холодно, метель. Узнал у соседа по номеру, что Пётр Иванович будет только на следующей неделе. Надо уезжать. Хорошо, что билеты в кассах были. Купил без проблем. Потом поехал в Союз. Там никого (с Ганичевым виделись вчера на юбилее) — один Геннадий Иванов. Какой же мертвечиной там от всего веет. Оставил письмо нашего собрания (слёзное), касающееся особняка, и парочку «Земляков». Что же, план поездки полностью выполнил... кроме главного.

28 — 29 января

Был у меня Борис Лукин. Утром встретил его с поезда на вокзале. Вместе сходили на службу в собор Александра Невского. Поднялись к отреставрированному храму Сергия Радонежского. Убранство богато — роспись везде, позолота, мраморный пол. А уж потом отправились к Володе Заногге смотреть последние работы. Просидели в мастерской до вечера. С площади Минина домой шли пешком. Мороз стойко установился за минус десять градусов. По Волге плыли большие ледяные поля. Чёрная вода и белый, заснеженный лёд.

29.01. Борис весь день занимался подготовкой макета своей книжки в «Дятловых горах». Я у себя в «Волгагеологии» дорасшифровал с диктофона запись беседы с Полевановым. Потом опять вернулся в Союз. Метель. В городе сплошные пробки. Заседание Правления вёл Жильцов. Ясно, что в нашей работе надо что-то менять, но никто не знает, что и как. Меня и Захара Прилепина Володя предложил в замы. Борис с нами просидел на правлении — стойко!

9 февраля

Разнёс журнал по библиотекам. Побывал и у Н.И. Лещёвой в комитете по культуре.

Вечером в Областной библиотеке пятилетие издательства «Книги». Вёл Сергей Чуянов. Олег Рябов на сцене за столом. Поздравления чередовались с музыкальными и вокальными номерами. Всё любопытно и неутомительно. Потом ещё немного поговорили с Эдуардом Чапраком, подарил ему «В-18». Стол хорош, как и обычно на торжествах у Олега. Получилась местная творческая тусовка. После ужина захотелось пройтись пешком. Так через мост и прошёл до дома.

Испортил вечер немного Михаил Веселицкий, представивший опять своё театрално-сексуальное представление, как он уверил, по Сергею Довлатову. Чапрак по этому поводу высказал мне недоумение:

— Надо же понимать где, перед кем и что показывать...

Уже поздно вечером позвонил дедушка — умерла Валя (в Доскине). А я с ней несколько дней назад разговаривал по телефону, торговалась со мной насчёт продажи фарфоровой ванны. В обычную она не уместилась — слишком полная.

12 февраля

Звонил Кононенко — он на Украине; Шестинским — Олег Николаевич в больнице (чувствует себя неважно, капризничает); в Питер — оказывается, у Виталия сегодня 50-летие. Вот так всё вперемежку и всё не радостно.

14 — 15 февраля. Москва

На этот раз поездка получилась спокойной. Всё, что намечал, выполнил. Немного решил вопрос с Кононенко. Вечером в Индийском посольстве провели вечер русские поэты — Ананичев и ещё одна женщина. Читали хорошие стихи. Что-то исполнялось под музыку. У Ананичева хорошие тексты, но исполняет он их не по-бардовски, а по-эстардному. От этого поэзия отчасти теряется. В окончании вечера скромный фуршет с непонятными индийскими, очень специфическими закусками.

Перед тем, как идти в посольство, заехал к Лукину в «Литературную газету». Там встретился с Яковлевым. Саша прочитал мою заметку о его книге. Удивился, какие я нашёл параллели.

15.02. Получив необходимое от Кононенко, из гостиницы созвонился с Кодиным и поехал к нему в Университет, повёз журналы. При встрече Михаил Иванович напомнил, что нужно прислать мои материалы о Клубе для книги, посвящённой юбилею. До него осталось совсем немного — два полноценных заседания.

После обеда время до поезда ещё оставалось, заехал на улицу Поварскую к Ларионову. Хотел забрать только диск с фотографиями, но Арсений Васильевич меня ждал, усадил за стол. Встреча получилась душевной и откровенной. Ларионов сказал, что относится ко мне более чем дружески. «Читаю потихонечку вашу книгу. Вы по образованию инженер?» «Нет, экономист». «Ну, это всё равно. У вас мысль в произведениях выстраивается, конструируется». Думаю, это точная оценка, хотя сам я так ещё не думал. Но теперь склонен с таким выводом согласиться.

До Курского вокзала ехал на «Волге» Арсения Васильевича. Дороги забиты, но по Садовскому кольцу совсем близко — к поезду успел загодя.

16 февраля

День встреч. С Коломийцем договорились, что я начинаю подготовку его большой книги поэзии и прозы. Тут же связался с Геной Щегловым.

Борис Селезнёв пришёл забрать подборку стихов Владимира Корнилова из Братска, которую я вместе со своим вступлением подготовил для «Арины». Проговорили долго. Рассказал ему о своей идее сделать специальный всероссийский поэтический выпуск «Вертикали». Тогда же позвонили от Рагима, спросили о дне моего рождения. Потом и сам Рагим взял трубку. Журнал мой он читает. Приглашает с семьёй в гости в Дербент.

После обеда пришёл Евгений Иванович Галкин. В наших беседах он всё больше раскрывается. Так, на тему еврейства (став сразу серьёзным и категоричным) жёстко заявил — они умнее нас. (Я тут же подобные слова вспомнил, услышанные от Жильцова). В его воспоминаниях о встречах с Адриановым нет теплоты, сочувствия, но много цинизма. Потому он и не понимает сути произошедшего между ними разрыва. А ведь Юрий Андреевич чувствовал именно это. Потому и обида накапливалась, несмотря на огромное количество перепитой совместно водки и какие-то денежные подачки.

20 февраля

Ещё вчера неожиданно позвонил на сотовый Валерий Базунов. Мы с ним не общались с времён моего сотрудничества с «Горьковским рабочим». Последние годы, больше десяти лет, он возглавлял нижегородский выпуск «Из рук в руки». Попросил о встрече. Сегодня повидались. Базунов ушёл из рекламы и хочет нормального творческого общения. Думал об истории России, её пути. Что-то пишет. Мы повспоминали прошлое, обменялись взглядами по поводу сегодняшнего времени. Подарил ему «В-18» и пригласил к сотрудничеству. Посетовал, что такого как у него опыта в бизнес-издательском деле «Вертикали» не хватает, чтобы стабильно выходить.

Расстались оба воодушевлённые произошедшим разговором. Базунов попросил — если у меня будут встречаться писатели, то на это общение приглашать и его.

Следом пришёл Владимир Цветков с идеей создать ассоциацию независимых писателей. У меня по этому поводу серьёзные сомнения (хотя в целом я идею одобрил) — с кем создавать? Ведь нужны не болтуны, а деятели.

22 февраля

В Союзе писателей приехавший из Москвы Юрий Уваров вручил общественные ордена Киму Шихову и Валерию Шамшурину. Но главное — Вячеслав Широков представил свой концерт на стихи Владимира Миронова. Видно, что он влюблён в его поэзию. Но к исполнению (к тем акцентам, которые Широков расставил, исполняя стихи и песни на стихи Миронова) у меня есть претензии. Много натяжек, пафоса, театрального надрыва. Но то, что он создал композицию на стихи поэта — замечательно.

Вечером — застолье в кафе, в подвале у Союза. Камерное, доброжелательное. Нас человек десять. Богатый стол. Устроил всё Уваров.

После концертного выступления Широкова я переговорил с Олегом Рябовым о специальном выпуске поэтического номера «Вертикали». Он на это откликнулся горячо. Сказал, что деньги найдёт. Хотя, я думаю (уже дома, после застолья), что обманет.

23 февраля

Позвонил Валерий Александрович Базунов. Прочитал «Вертикаль». Оценки самые высокие. Хочет встретиться по поводу каких-то конкретных предложений. «Вы делаете великое дело». Неужели может появиться единомышленник-менеджер? Даже боюсь в это поверить.

26 февраля

Позвонил в Переделкино Шестинскому. Олег Николаевич бодр, больница пошла ему на пользу. Теперь гуляет по большой улице. Благо, погода стоит замечательная — солнечная, снежная и немного морозная.

Олег Николаевич продолжил традицию прогулок по этой улице после Андрея Вознесенского — своего соседа по переделкинским дачам. Раньше, изредка они встречались на этих прогулках, здоровались. Теперь Вознесенский на подобные прогулки не выходит.

Статья Олега Николаевича обо мне в «Патриоте» вышла. А вот в «Слове» моей публикации нет. Оттого я немного огорчился. Мой материал отложили, видимо, потому, что в номере много Шестинского — рассказы, рецензия. В больнице Олег Николаевич написал новую поэму. Возлагает на неё надежды, как на некое новое своё слово. Обещал прислать для прочтения.

27 февраля

В Центральной библиотеке Ленинского района десятилетие «Светёлки». Опять всё безалаберно, низко профессионально. Застолье в дешё-

вом кафе. Жаль загубленного дня. Сколько раз обещал себе прекратить всё это. Но поддался на уговоры.

1 марта

Позвонил Покровский. Деньги на сборник «Русское» городской комитет по культуре даёт. Хочет срочно встретиться. Договариваемся, что в «Перекрёстке». Выяснилась одна неприятная деталь — он против того, чтобы это выходило под «Вертикалью». Начинаются игры амбиций. Как противно. Но я всё-таки взялся довести это дело до ума. Подготовил письмо от Союза писателей в поддержку книги и отзыв о рукописи от Жильцова. Подписал у Владимира.

В 11-30 в Союзе журналистов Захар Прилепин рассказывал о встрече с В.В. Путиным молодых писателей. Общее моё впечатление — конечно, от этой власти ждать решений в социальной и культурной сферах нечего. Она цинична и жестока по отношению к людям.

В 18-00 закрытие театрального фестиваля имени народного артиста СССР Евгения Евстигнеева в Комедии. Мне показалось, что всё очень убого. Из-за отсутствия денег? Видимо, этот конкурс начинает затухать.

4 — 7 марта. Москва

В гостиницу «Измайловская» приехали вечером. На следующее утро с Алексеем Марковичем пришлось ехать в Союз за пригласительными билетами на Всемирный Русский Народный Собор. Оттуда пешком прошли до Храма Христа Спасителя.

Сразу скажу — во всех выступлениях на Соборе не хватало радикализма. Ситуация с бедностью в стране ужасающая. Потому необходимо власти в лицо бросить не упрёки, а самые жёсткие обвинения. Этого не было.

На Всемирном Русском Народном Соборе был только один министр — Соколов (культура). Вот тебе вся всемирность и народность! От законодателей — Слиска (заместитель Председателя Государственной Думы), Торшин (заместитель Председателя Совета Федерации). От крупного бизнеса — Якунин (ОАО «Российские железные дороги»).

Вступительное слово произнес Ганичев. Сказал своё слово Патриарх. Представитель Президента в Центральном федеральном округе Полтавченко зачитал приветствие от Путина.

О докладе митрополита Кирилла опять будут много шуметь, но мне кажется, это больше пиар, чем желание что-то решить, как-то облегчить участь людей. Хотя им и было констатировано — 20 процентов жителей России существуют на доходы ниже прожиточного минимума; крестьяне бросают земли, уезжают в города, чтобы как-то выжить; в России от 30 до 40 процентов всех ресурсов Земли, и в то же время разрыв в доходах между 10 процентами самых богатых и такого же количества самых бедных достигает (по официальной статистике) 15 раз; нет социальной защищённости, которая существовала в СССР.

После Премьер министр Украины Азаров зачитал приветствие от Януковича.

Соколов — По статистике, представленной ООН, во всём мире население всё более и более беднеет. У нас просто катастрофическое положение с оплатой труда в сфере культуры.

Архиепископ Берлинский и Германский Марк (Русская Зарубежная Церковь) — В мае этого года будет подписан акт об объединении Церквей...

Вечер этого дня с Шемшученко провели в «Мотор Сич». Я результативно встретился с Кононенко.

6.03. У метро «Краснопресненское» встретились с Володей. Пленум Союза в ЦДА. Мы пришли туда с опозданием. Немного поплутали в окрестностях зоопарка — Шемшученко решил провести более короткой дорогой.

Хорошую статью о языке зачитал с трибуны Личутин. Но слишком длинную. Не дали закончить, прервали. Надо будет её перечитать в «Литературке». В целом от уровня выступлений (а дискуссии вообще не было) впечатление удручающее. Хотя хорошо, что в перерыве со многими повстречался.

Вечером посидели в редакции «Литературной газеты», затем в баре около Красной площади попили пиво с Лукиным и Шемшученко. Владимир читал стихи Бориса и очень их ругал (об этом он говорил мне ещё утром). Вечером просто общались, никаких оценок не делали.

Вчера, при расставании Шемшученко сообщил мне новость о провозглашении на собрании (или каком-то форуме) в Воронеже Виталия Розе Царём. Говорит, что у него есть фотографии схождения благодати на Виталия во время этого. Очень хочется на эту тему поговорить с Розе.

7.03. Назад ехали в полной машине. Опять не удержался, поспорил с Алексеем Марковичем по поводу биографии Давида Самойлова. На душе гадкий осадок. Ну, право, как можно говорить, что в советское время его стихи не печатались. Да у Самойлова удачная литературная судьба, биография!

10 марта

Вечером в мастерской у Заного. Приехал с Серёжей Шестаком. Было ещё три человека — те, с которыми Владимир путешествовал на яхте по Волге. Заного показывал новую свою большую работу «Макарьевский монастырь», на мой взгляд удачную. Она встаёт в ряд его работ о Нижегородском Кремле. Внутренним, эмоциональным содержанием они схожи.

13 марта

Позвонил домой Виталию. Сказал ему, что и статью прочитал, и Владимир мне новость об Александре 4-м сообщил. Последовал долгий монолог Розе, в котором не всё я понял. Но главное уяснил — всё было ему открыто ещё десять лет назад. Теперь всё должно как-то развиваться. Но как? И всё-таки как трудно это событие принять не разумом, а сердцем, угнездить его в нём.

Коломиец на туристической базе «Волгагеологии» (в Киселихе, на берегу Линды) провёл Совет директоров Советского района. Позвал туда и меня. Сам представил «Вертикаль» и попытался «выпросить» на её издание денег. Но мне кажется, безуспешно. Слушали его равнодушно.

15 — 16 марта. Москва

В РГСУ Козин проводит Международный круглый стол под эгидой Собора славянских народов Украины, России, Белоруссии. Я приехал с опозданием почти на два часа. Но некоторые любопытные выступления застал. Особенно приведённая статистика по экономике, демографии... Как всегда спокойно и убедительно говорил Сергей Глазьев. Я, к сожалению, почти ничего не записывал. Писать в ближайшие номера «Вертикали», видимо, ничего не буду. Или дам о последних своих поездках какой-то обобщённый материал. Тем более, что в проблематике они перекликаются.

Закончилось всё студенческим концертом и обедом.

После некоторых передвижений по Москве поехали с Шемшученко в гостиницу. Для меня места не нашлось. Пришлось звонить Шестинским и «бегом» ехать в Переделкино. На последнюю электричку еле успел — вскочил в крайний вагон, и двери закрылись. Зато, подходя к дому, увидел, что свет горит везде — на первом и втором этажах, на балконе. Это чтобы случаем не заблудился, чтобы видел — ждут.

Встретили радушно. Оказывается, Олег Николаевич с Ларионовым ездили к Бондареву на день рождения (восемьдесят три года) — тоже живёт на даче. Рассказал коротко, что там снимало телевидение, потом застолье, за которым Юрий Васильевич лихо пил водку. На мой вопрос,

что Бондарев сейчас пишет, кроме «Мгновенный», Олег Николаевич ответил — похоже, затеял новый роман.

Улёгся я спать «на своём месте», успев ещё прочитать рукописи статьи и поэмы Шестинского.

16.03. За завтраком заговорили о рукописях. Олег Николаевич им придаёт очень большое значение (впрочем, как и всему им написанному в последнее время), я же каких-то значительных открытий, откровений в них не вижу. Всё написано под впечатлением от только что прочитанных воспоминаний о Корниловском «Ледяном походе» (он же Кубанский степной, во главе которого стоял генерал Л.Г. Корнилов, погибший во время этого похода). В общем, ещё буду писать о своих впечатлениях письмо Шестинскому. Там постараюсь как-то объективно разобраться в своих впечатлениях.

Погода чудесная. Сухо, солнце. Потому и в Москве, купив билет на Кировский поезд с Ярославского вокзала, решил прогуляться. Осмотрел памятник на Комсомольской площади первому министру (Российской империи) путей сообщения. Всё монументально — мрамор, гранит, чугунные решётки.

От Казанского вокзала пошёл в сторону Садового кольца. И тут вспомнил, что стоит съездить в Союз, попытаться забрать газеты «Российский писатель» с моей публикацией о книге Адрианова. Правда, в пятницу там никого не бывает, и всё-таки стоит попробовать. Вошёл в метро «Красные ворота».

В Союзе получилось всё удачно. Газеты взял. Встретился с Геннадием Ивановым, передал ему «В-18» с его публикацией. Обрадовался. Оказывается, отосланные по почте журналы до него не дошли. Сразу же предложил поехать с делегацией писателей в Белгород в мае.

В «Советский писатель» к Арсению Ларионову пошёл пешком по старому маршруту по Большой Афанасьевской. Перед этим зашёл в магазин «Софрино». Давно собирался, и вот выполнил задуманное. Огромное количество разнообразных икон, утвари, драгоценных наперсных крестов с панагиями. Два этажа, где и облачения, и хоругви — богато, красиво, тихо звучат песнопения из невидимых динамиков.

У Ларионова обедали с Владимиром Вельможиным (главным редактором подмосковной газеты «Щелковчанка») после встречи того со студентами. Наши с ним впечатления об их уровне подготовки и принципах дальнейшей работы совпали. Арсений Васильевич вспомнил о моей заметке, о том, что «её читал весь факультет». Кстати, передал мне копию своего текста о моей книге («Сопротивление нелюбви»), который будет опубликован в журнале «Слово», и тоже копии двух писем, которые мне отослал. Я понял, что последнее письмо к Ларионову от меня его задело. Что ж, я на это рассчитывал, надеялся втянуть его в полемику.

На вокзал пришлось добираться бегом. Вельможин вызвался подвезти, но машины на Новом Арбате не оказалось. Видимо, патруль эвакуировал.

18 марта

Сходил к Наташе Адриановой, отнёс газеты. Рассказала, как прошёл вечер памяти в Университете. Опять много обид. Но не хочется об этом. К вечеру она получила второй тираж (пятьсот экземпляров) «Обретённых тетрадей». А скоро выйдут книга последних стихов Юрия Андреевича. Я передал рукопись её. Она хранится в отдельной папке. Удивительное чувство испытал, будто вновь с ним повстречался. Ведь отдельные листы я держал в руках при его жизни.

22 марта

На заседании Правления (Жильцов, Чуянов, Рябов, я) Олег впервые сказал правду. Из этого дома Союз выгоняют. На месте нашего особняка будет строиться гостиница. Союзу предоставят другое помещение.

Как и ожидалось — всем правит не Шамшурин, а Рябов. Жильцов выступает чистой марионеткой. Только поддакивает и ждёт подачек, которые ему швыряют всё реже и реже. Вид у «председателя» жалкий.

Продолжается борьба за мемориальную доску Ю.А. Адрианову. Рябов заявил, что он «остановил ту дурь», имея в виду размещение доски на здании филологического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, где учился поэт. Вечером я звонил Наташе. Та заверила, что всё осталось в силе.

У меня складывается такое впечатление, что Олег Рябов «поподлее» и понетерпимее Шамшурина будет.

24 марта

Должен был состояться «марш несогласных», запрещённый властью. Впрочем, это ей, власти, не помешало перепугаться до смерти. Я специально пошёл на всё это посмотреть. Ничего подобного раньше в городе не происходило. Уже у нас на ярмарке группы милиционеров человек по пять, с противогазными сумками, патрулируют улицы. Те же группы на Канавинском мосту через Оку блокируют пешеходные дорожки. Весь центр города для движения транспорта перекрыт. Всюду ГАИ и всё те же милиционеры с противогазами. Ворота в Кремль со всех сторон держат спецвойска в шлемах, наколенниках, бронежилетах... На площади Минина стоят спецавтомобили с видеокамерами на крышах и микрофонами для прослушивания. На Большой Покровской милиция просто кишит. В новостях увидел, что у телецентра стоит бронетранспортёр с крупнокалиберным пулемётом. Насколько же наша власть труслива, боится за свою шкуру. Чувствует свою незаконность, неправедность. Ведь всю эту силушку нагнали, чтобы разогнать сотню-другую стариков и подростков, вооружённых флагами. Нет, эта власть рухнет, и очень скоро. С подлой трусливой душой долго не живут.

29 марта. Княгинино

Юрий Хромов сагитировал съездить в местный институт на вечер памяти Александра Ивановича Люкина. Принимал ректор. Студенты читали стихи Александра Ивановича (плохо), рассказывали о его жизни (наивно и поверхностно). Но ректор любит поэзию и пытается это же привить студентам, что похвально. Закончился вечер нашими выступлениями — Хромов, Карпенко, Фигарев, я, проректор Сельхозинститута (Нижегородского), тоже пишущий стихи, Ивенин. На обратной дороге много говорил с Карпенко. Он мне нравится своей рассудительностью, цельностью.

30 марта

Отдал Коломыйцу читать черновую вёрстку его книги. Приходила Мария Сухорукова. Принесла свои книги и рукопись воспоминаний о Фёдоре Сухове — своём муже. Друг о друге мы слышали, но встретились впервые. После её ухода сразу начал читать воспоминания. Не ахти какие откровения, но что-то в них есть. Надо публиковать.

В 17-00 в школе на Александровском шоссе собрание патриотов из общества «Отчизна». Выступает какой-то иеродьякон (автор книг) по поводу новых паспортов, ИНН, прихода антихриста и так далее. Говорит два часа с упоением (больше я не выдержал, ушёл). Народу собралось полный небольшой зал. Преимущественно старушки. Всё это жутко пахнет маргинальством. Сказать это прямо пригласившему меня Володе Цветкову не решился — обидел бы. Но бесконечный пафос оратора меня ни в чём не убедил. От элементарного логического построения его концепция неприятия новых паспортов просто рассыпается.

2 апреля

Начали работать с А.И. Юриным над макетом «В-19». В Союзе разговор с Чуяновым (Рябов не приехал) о возможном продвижении журна-

ла на финансирование через Комитет по культуре области. Сергей высказал ряд любопытных идей и предложений по содержанию журнала. Пока всё ограничилось этим.

3 апреля

Встретившись с Валерием Шамшуриным в «Дятловых горах» (принес договор на «Русское» подписать Игорю Преловскому — он так документ и не оформил), завёл разговор о журнале. Он вроде бы тоже идею более тесного контакта «Вертикали» с Союзом одобряет. Я предложил Валерию Анатольевичу войти в состав редсовета. Он без колебаний согласился. Обговорили (приблизительно) возможные темы сотрудничества.

Тут и Жильцов сообщил, что завтра правление. Что же, вот и подниму вопрос о журнале.

В музей ко мне позвонила, а потом и приехала Сухорукова со своей спутницей Ириной Высоцкой. Сидели в фойе на диване и говорили не менее часа. Очень хвалила мою книжку «Обретение России», даже подарила стихотворение, что мне посвятила по прочтению. Я прочитал воспоминания о Сухове с большим интересом... Не со всеми оценками истории Фёдора Григорьевича могу согласиться — но и отрицать, что это самостоятельный, выстраданный взгляд, никак не могу. Получил у Марии добро на публикацию. В свою очередь, подписал ей «Сопrotивление нелюбви». Книгу она купила у Преловского в издательстве. Вообще, она оставляет впечатление отзывчивого и искреннего человека. Наши оценки духовной жизни во многом схожи, потому и общение получается не тягостным, а радостным.

4 апреля

Долго разговаривали с Шестинским по телефону. Он написал новые статьи, рассказ, который посвятил Валентину Николаеву. Прочитал мне заметку для «Патриота», где отвечает «группе писателей» на призыв о примирении.

В Союзе правление. Текущие вопросы. В разном утвердили мою книгу на премию Нижнего Новгорода и обсудили вопрос по сотрудничеству «Вертикали» и Союза. Группа, координирующая работу — я, Чуянов, Рябов, Шамшурин.

7 — 8 апреля. Пасха

С Шестаком на Пасхальную службу пошли в Собор Александра Невского. Там все дороги, дворы, территории заставлены машинами. У паперти светят телевизионные камеры. Народ валом валит с Крестного хода. В сам собор не пройти — центральные двери закрыты. (Потом от Селезнёва узнал, что были открыты боковые). Я подумав, что и в храме политико-административная тусовка (решили отгородиться от народа) в раздражении ушёл в Староярмарочный собор. Там намного свободнее, хотя храм заполнен людьми. Много молодых парней. Крестятся истово, с верой. Как это радостно. Хотят быть причастными к истории и вере своей страны.

Выйдя из собора, ещё долго ходили с Сергеем около нашего дома и по бульвару. Ночь холодная, но праздник во всём. Люди радостные, горит свет в окнах домов. В этот раз много говорили о литературе.

9 апреля

Прежде чем продолжать этот дневник, несколько дней думал — стоит ли? Есть ли смысл в констатации каких-то фактов личной биографии без анализа, дополнительных размышлений по поводу их? И всё-таки решил продолжить. Пусть это будет деловой дневник, по которому, если в том возникнет нужда, я смогу восстановить в памяти даты, события и людей, принимавших в них участие.

Первые несколько записей внесу задним числом.

Потрасающий концерт оркестра Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева прослушал в нашей филармонии. Зал был набит битком. Исполнялись произведения: К.Дебюсси «Послеполуденный отдых фавна», которое буквально усыпило, укачало зал; И.Стравинский. Симфония. Н.Римский-Корсаков «Шехерезада» — сказка в музыке. Что-то неземное... В зале сидели с Чуяновым и Заногой. Встретились перед концертом случайно. Владимир во время музыки что-то рисовал, набрасывал на чистой стороне пригласительного билета.

Сегодня у меня были Климешов (Павел дважды перед этим звонил, пытаюсь организовать встречу) и Селезнёв. Хотят каких-то новых действий. Предложил им создать (пока формально) самостоятельную писательскую группу, пригласив дополнительно Владимира Цветкова. Разошлись все довольные, хотя я в действительность этой идеи почти не верю (с этими персонажами) — слышком мал творческий потенциал и потенциал убеждений, жертвенности.

11 апреля

С деньгами отчаянный напряг. Решился попросить помощи у Рагима Казиканова. Звонил ему в Дербент. Тот откликнулся с готовностью: «Я давно должен был тебе помогать». Обещал в ближайшие недели перезвонить. «Я тебя считаю своим близким другом» — от этих слов мне стало тепло на сердце. Рагим обещал приехать (обязательно) на моё пятидесятилетие.

Пришёл Шаров. Вчера он приносил свою книгу с моим предисловием. Сегодня накрыл стол. Просидели до 22-30. Я выпил бутылку коньяка. Говорили хорошо — собеседник он умный, интересный и терпеливый к чужому мнению.

Неприятности у Коломоййца. В Москве всё-таки готовят документы, чтобы его снять с должности. Вот тебе и прибыль в шесть миллионов рублей за прошлый год. Для кого старался? Эх, люди, вот так всё стараемся угодить больше чужому дядюшке, а копейку в помощь ближнему дать боимся (или жалеем?).

12 апреля

Нет никакого желания выпивать — но в галерее у Юркова собираемся, чтобы поздравить с шестидесятилетием Евгения Ивановича Галкина. Принёс ему в подарок книгу 1938 года — Академия наук, доклады учёных по пушкинской тематике (в своё время мне её подарил Геннадий Бедняев, когда я у него единственный раз был в гостях, в доме у гостиницы «Нижегородская»).

В галерее собрался наш обычный круг — Пашков, Жильцов, фотографии Анатолий Чепела и Георгий Ликин. Пришёл и Фигарев, затем Коля Симонов. Тут никаких «нюансов» — просто дружеская выпивка с продолжением в кафе кинотеатра «Рекорд». Я себя щадил, и как оказалось, не зря. Домой пошёл пешком и на Окском мосту, почти в центре его, на пешеходной дорожке на меня набросился пьяный, с уже разбитым лицом парень. Крепко он меня схватил, но я смог его оттолкнуть и ударом ноги сбить с ног. Он быстро вскочил и опять бросился на меня. Я опять ударил ногой, сбил его и, повернувшись, пошёл. Тот бросился за мной. Спину подставлять было нельзя. Пришлось опять пойти на него, но злости у меня к этому парню (что как-то странно) никакой не было. Тот грязно матерясь встал в стойку боксёра. Драться не хотелось. «Дурак ты парень» — сказал я ему, и отвернувшись дальше пошёл своим путём, не оглядываясь. Парень ещё какое-то время шёл за мной, орал, матерился, но близко, на расстояние удара подойти не решился.

А вечер был такой тёплый, хороший. Странно, что этот отвратительный случай почти не изменил моего настроения. Чаще всего, я завожусь «с пол оборота», а тут... Может быть, это из-за того, что я не пустил в сердце злобы лично к нему, этому парню, как к человеку?

13 апреля

В «Волгагеологии» собралась наша новоиспечённая группа в полном составе. Разговор об идеологии и задачах. Больше говорили я и Цветков. Потому и создалось впечатление — двум остальным сказать нечего. Они желают только прибиться к кому-либо, к делу, которое будут творить другие, и что-то от этого (хотя бы и только морально) получать.

Председателем нашей группы я предложил Цветкова.

Появился Павел Шаров. Застолье (короткое, я всех поторопил), после чего пошёл прогуляться, а Павел Павлович решил меня проводить. Так вместе и дошли до музея Добролюбова. Там Дмитрий Бирман (депутат Городской Думы) представлял свою книгу стихов. Мы опоздали. Бирман заканчивал выступать. Говорил, что «мы живём в православном государстве», и его деньги есть в тех колоколах, что будут повешены на звоннице храма (я не понял, какого — похоже, имелся в виду восстановленный храм у «Мильёшки»). Но когда он шёл избираться депутатом, то мама ему говорила — «в этом городе еврея никогда не выберут». А он пошёл и победил. Мне сразу захотелось спросить — в Израиле много депутатов русских? И вообще, кто-то за русского там бы проголосовал, да и возможно ли для русского стать гражданином Израиля?

На водку и бутерброды с Шаровым не остались, ушли.

Цветков подарил свою книгу, что напечатали в Самаре. Такое впечатление — издавали дикари, книгу ранее в руках не державшие. Вообще — это беда многих изданий патриотического толка. В чём тут дело — мне понять сложно. Но точно не в деньгах, а в какой-то расхлябанности, безвкусице, наплевательстве. От этого можно сделать проекцию на качество всего нашего патриотического движения. Из пяти книжек, подаренных Владимиром Георгиевичем — четыре изданы безобразно (при хорошем качестве текстов, содержании), одна посредственно.

16 апреля

Позвонил Розе. Виталий с предельной убеждённостью говорил о том, что это Господь привёл его на царство и теперь его устами говорит Бог. И я ему верю, хотя по-настоящему, глубоко это убеждение принять в себя не могу, не способен. В словах Виталия уловил — он ожидает всего, даже расправы над собой со стороны врагов, «синедриона». И ещё — «Это я вам должен помочь, а не вы мне. Я для того, чтобы спасти тех, кто верует».

Архиепископ Константин (Горянов) последней статьёй Розе возмущён. Пожаловался В.Н. Ганичеву, и тот вышел из состава редакционного совета журнала «Всерусский собор». Господи, дай Виталию сил выстоять. Защити его от всего злого. Надо ехать в Питер. Разговаривать. Ощущаю острую необходимость, потребность в этом.

Позвонил и Лукину. Тот в полном унынии. Видимо, что-то не клеится у него с работой в «Литературной газете». Да и как иначе — журналистской свободы теперь нет и в помине. Выполняй лишь то, что тебе скажут. А при этом ещё полное трудовое бесправие, незащищённость законом, нищенская зарплата.

17 апреля

Очередной разговор по поводу дальнейшей судьбы — творческого развития и материального сотрудничества с журналом. На этот раз с Леной Крюковой. Встретились в Союзе. Вроде бы всё-таки договорились о взаимодействии. У Елены много творчески наработанного и неопубликованного. Выяснили литературные и эстетические пристрастия друг друга. К тому же она высоко оценивает содержание «Вертикали». Главный итог разговора — необходимо создать презентационный буклет, с которым мы с Леной должны пойти к возможным спонсорам.

Сегодня же говорил о возможном Союзном выпуске с Жильцовым и Шамшуриным. Моё внутреннее впечатление — маловероятный проект.

20 апреля. Ново-Смолино

Поездка с редакцией «Нижегородской правды» на проведение круглого стола, посвящённого году русского языка в школе посёлка, куда собрались учителя русского языка и литературы из школ Володарского района. Получился любопытный разговор (само-собой получилось, что ведущим оказался я) людей, обеспокоенных возникшей проблемой. И главное — это благодаря таким преданным людям дети ещё что-то узнают о русской литературе. Думаю, подробный материал даст «Нижегородская правда». И о мизерных зарплатах учителей, и о сокращении часов преподавания...

Сам посёлок — военный городок, построенный финскими фирмами. Красивые удобные пятиэтажные дома. Такая же красивая, чистая, современная школа с двумя бассейнами. Учителя поездили по СССР и за границей — жёны военных. Принимали тепло, заинтересованно.

После поездки в кафе «Ковчег» (парк имени Кулибина) отметили семидесятипятителетие Шарова. Познакомился с конструктором (создателем) приёмника «Микрон». Вот так неожиданно пересекаются судьбы.

23 — 25 апреля. Москва

К этой поездке готовился, но всё равно многие вопросы пришлось решать в последние минуты. К сожалению, звонки в Москву не обнадёжили.

Поехали на машине с Алексеем Марковичем. Устроились в «Измайловской». Сразу отправился в «Литературную газету» к Лукину. Застал Александра Яковлева. С Борисом поехали на его московскую квартиру ночевать. По дороге он мне рассказал о своих редакционных страданиях. Хлеб у него нелёгкий, но главная проблема в том, что он мало и недостаточно хорошо пишет. Уже дома выпили по две рюмки виски и улеглись спать на полу. Как много мы в детстве спали на полу — это была норма, когда приезжали к кому-то в гости. Ведь квартиры 60-х годов XX века — маленькие, без лишних кроватей. Выспался отлично.

24.04. В офисе «Мотор Сич» разговор с Кононенко — разочаровавший. Вид у Петра Ивановича больной, утомлённый. Помочь в издании книги он не отказался, но окончательное решение перенёс на потом. Одарил меня пачкой книг (6 штук) о принесении десницы Иоанна Крестителя в Россию. Тяжелейшие фотоальбомы. Тащить их в пакете было утомительно. Потому в дороге мучился (даже выходил на станции метро «Динамо», сидел на лавочке, решал — ехать в Переделкино или в «Советский писатель»). Решил направиться к Ларионову — тащиться к Шестинскому с обузой очень не хотелось.

Ларионов как обычно приветлив, но я приехал не вовремя. У Арсения Васильевича свои хлопоты по Шолоховской премии, своему юбилею... Подарил мне «Слово» со своей заметкой о «Сопроотивлении нелюбви». Оказывается, Юрий Васильевич Бондарев тоже читал мою книгу. Очерк о Викторе Астафьеве его раздражил — он ему не может простить высказываний перестроечной поры относительно себя. На это Ларионов ему будто бы ответил в том роде, что «в мире живут и такие люди, которые думают иначе, чем мы».

Мы и раньше встречались с Облогом, редактирующим приложение «Дом Ростовых» для газеты «Патриот». Теперь познакомились. Человеком он оказался приятным в общении, но несколько порывистым.

При мне Ларионов звонил Шестинскому, затем и мне дал поговорить. Слава Богу, что я не поехал в Переделкино. С Олегом Николаевичем я бы не встретился (за ним Ларионов послал машину) и только бы зря промучился. А так дождался его в «Советском писателе», подарил фотоальбом и библиографию, вместе напомнили Ларионову (он, оказывается, забыл) об очерке «Яблоки русского сада» — «Это лучшее, что обо мне написано» — опять сказал Шестинский. Кстати, и о волжских очерках Ларионов сказал, что их будет печатать. Также со временем надо будет напомнить.

Прощаясь, все расцеловались.

Вечером впервые гулял вокруг измайловских гостиниц. Много вспоминалось — полёт на Кубу (отсюда), приезды в командировку (от торгового дома «Микрон» и фирмы «Купец»), вообще восьмидесятые доперестроечные года. Чувства одновременно сладостные и горькие от ощущения ушедшего времени. И вот теперь отмечаем награждение Коломыйца общественной наградой в дешёвом кафе — и всё это происходит уже в ином, невероятно изменившемся мире. К тому же, Лукин вчера сообщил, что умер бывший Президент РФ Б.Н. Ельцин. Никакого огорчения по этому поводу во мне, конечно же, нет. Наоборот. Это он украл у меня тот мир, о котором я сейчас невольно тоскую. Хотя молодость мою забрало время — только оно и больше никто.

25 апреля

Возвращаюсь домой без денег. Этот год начинается очень трудно, угнетающе. Ничего не издаётся, нет денег для жизни. Тупик!

Домой позвонил Лукин, сообщил, что приехал Шемшученко. Ну и что? Правда, он надеялся, что я ещё в Москве. Затем напомнил о себе Пашков. Саша упрекнул по привычке за моё нежелание ему звонить. Но поговорили по-доброму. И в заключение вечера В.В. Никитин рассказал, что готовит для школьников программу по рассказам Юрия Казакова. Вспоминал моего «Кольку» и натолкнул меня на мысль сделать запись на диске. Я пообещал позвонить Валерию Васильевичу в ближайшее время.

26 апреля

Побывал у Адриановой. Подарил ей «Библиографию», вышедшую к моему 50-летию и последний выпуск «Вертикали». Наташа ходит на выступления в библиотеки, встречается со школьниками. Так и дополнительный тираж «Обрётённых тетрадей» потихоньку расходуется. Не могли мы с ней не коснуться дел Союзных. Рассказал о своём разочаровании в попытке совместно с правлением выпустить поэтический номер журнала. Она о том, что отказалась встречаться с Рябовым, хотя тот на это напрашивался под предлогом передать давнишнюю грамоту, подписанную Ганичевым, и так и провалявшуюся в ящике стола у Шамшурина (с пятилетия «Вертикали» — я помню, что их тогда привозил Переяслов.) Работа над книгой стихов Юрия Андреевича подходит к концу. Макет почти готов. Пообещала передать мне свои воспоминания.

Случайно попал в выставочный зал на площади Минина — узнал в областном комитете культуры, что открывается выставка росписи по дереву. Зашёл бегом минут на пятнадцать. Хохлома почти вся знакома. Хороша. Есть образцы росписи 30-х — 50-х годов. Любопытны, но не трогают. Тематика, понятно, революционная, борьба за мир. Но краски скромнее.

В соседнем зале выставка «обнажённых натур» наших живописцев. Скукота! Один Пурихов блещет своими скульптурами (камень, дерево, гипс) обнажённых женщин.

Материал о круглом столе пока не вышел. Коломиец после проволочек приступил к работе над книгой избранного. Вернее — возобновил её. Мне хочется этот проект довести до конца. Пока нет журнала, пусть хоть это будет результатом.

27 апреля

Удивительный день!

Сначала побывал на чтениях, посвящённых проблемам ПВО в радиолaborатории. Тема мне несколько знакома — ведь я служил в радиотехнических войсках (9 радиотехническая бригада 16 корпуса Московского округа ПВО). Стало понятно, что никакой действительно надёжно защищающей страну ПВО у нас нет (да и не было по большому счёту

все эти «демократические годы» — старое разрушили, а нового ничего не создали). Значительная часть осуществлённых разработок создана ещё в Горьком. Сейчас для глобального контроля выход существует лишь один — подниматься в космос.

Здесь встретился с Цветковым. Он пригласил на встречу (уже частную, на квартире) с иеродьяконом Авелем (Семёновым), который показывал новый фильм. В видеозаписи старец рассуждал о духовном мире, о том, что сегодняшнее время, события предвиделись духовными людьми. Говорил не назидательно, но убеждённо и твёрдо, как власть имеющий. После просмотра, когда Авель уже собрался уходить, в дверях вдруг опять заговорил о новых паспортах, об ИНН. Всё правильно, в том числе и о цели нашей жизни, и о том, что все теперешние ценности мира ничтожны и временны, а нам уготована жизнь вечная, о ней надлежит думать и с этими мерками подходить к собственному существованию на земле. Но в его словах, искренних, уже звучало назидание. Он верил в то, что говорил — но это для него была теория, без духовного опыта.

Во время этого разговора одному из гостей позвонили на сотовый и сообщили, что умер Патриарх Алексей II. Включили телевизор. Об этом ни слова. Но в новостях сообщили, что умерли артисты Растропович и Кирилл Лавров. Только что каналы захлёбывались от восхваления Ельцина. Мне показалось, что демтусовка сама себя успокаивала, уговаривала. Что и говорить — мистически потеря Ельцина для них — это уход основы из-под ног. Теперь за все безобразия произошедшего развала страны, приватизацию и так далее придётся отвечать им. Больше вальт не на кого.

Идёт очищение духовного пространства страны. Во всяком случае, так хочется думать.

Хоронили (отпевали, провожали в последний путь на Новодевичьем кладбище) Ельцина три митрополита во главе с Кириллом (Смоленским и Калининградским). Было телевизионное обращение Алексея II с перечислением заслуг перед Церковью «первого президента России». И вот... Так ли это, жив он сам или уже нет — это всё скоро разъяснится.

У Преловского узнал — договор с городским комитетом по культуре подписан. Можно приступать к работе над книгой «Русское».

28 апреля

Позвонил Виталию. Пересказать его слова (а говорил только он) не сумею, хотя всё, о чём он говорил, понимаю и с этим соглашаюсь. Предрекает в скором времени глубокие общественные потрясения. Призывает (и меня в том числе) веру в помазанника Божия пустить не в разум, а в сердце, как когда-то это сделали апостолы Христа, «и тогда сила непоколебимая дана будет». Он уверен в скором падении демократического режима не только в России, но и во всём мире. И говорит это Розе не от себя — от Бога. Но как, как своё сердце открыть, чтобы загорелась в нём истина, преданная вера, не знающая страха. Виталий сказал (а звонил я ему домой), что кассеты с его речью уже ходят по стране. К нему приезжают люди из других городов, священники, миряне. Что телефоны его прослушиваются, но ведь терпят, ничего с ним не делают, не убивают.

Попросил его молиться о нас. Так хочется сокрушить грех уныния, вновь вселившийся в мою душу. И каждый раз это происходит, когда вижу переживания Ирины от недостатка денег. Но ведь от этого у меня самого работа только разваливается, всё идёт труднее, через преодоление ещё и собственного угнетённого состояния.

Относительно вчерашнего «сообщения» о смерти Патриарха, так это, как стало известно Володе Цветкову, имелась в виду клиническая смерть, из которой Алексей вышел.

2 мая

По телевидению в новостях Патриарх сказал, отвечая будто бы на вопрос корреспондента, что слухи о его кончине «распространяются теми, кто, видимо, этого очень хочет, но никак не может дождаться».

6 мая. Бор

С Климешовым поехали смотреть выставку работ художника о. Евгения Юшкова. Она разместилась на втором этаже краеведческого музея, в старинном купеческом особняке.

На Бор переправлялись на речном катере. Солнечно, но холодно — сильный пронизывающий ветер. Весенний город с реки великолепен. Работы о. Евгения в трёх залах и коридоре. В основном живопись. Немного акварелей и совсем мало графики. Ряд работ интересен. Они есть в книге, которую художник мне подарил. Оказывается, о. Евгений был настоятелем Карповской церкви. Пять его братьев тоже священники. Он рукополагался в 1980 году. Сейчас ему уже семьдесят. Мал ростом, сух, в очках, но подвижен. Говорит быстро и громко. Хочет, чтобы о выставке написали. Я думаю дать репродукции его работ на обложку, а Павел пусть пишет о выставке. Если попытаться одним словом оценить увиденное — пейзажи, жанровые картины (кстати, цвет в них чаще всего приглушён, немного размыт), рисунки и акварели — то это состояние внутренней погружённости, задумчивости. Буду читать книгу, записи из дневника. Может быть, она ещё что-то добавит к впечатлению.

7 мая

В Союзе отмечаем День победы. Людей пришло немного. Из ветеранов (трёх — И.К. Кузьмичёва, А.И. Плотникова, К.Д. Проймаина) один Константин Данилович. Он бодр, свободно выпивающий и свободно же говорящий своим назидательным «академическим» голосом с остановками, паузами, артистичностью. Перед началом встречи я сдал в производство «Русское» и подарил по предложению Шамшурина два выпуска «Вертикали» студентке, пишущей диплом по литературным журналам.

Само застолье в этот раз больше походило на домашнее. Жильцов затянул песни. Затем все разбрелись по залу кучками (из членов Союза всего-то было четырнадцать человек). Поговорили мы с Эрастовым. Женя уже не раздражается на «Вертикаль», не предвещает журналу скорую гибель. Сказал, что видит — мой журнал упоминается и цитируется в обзорах (в частности, в «Новом мире») наравне с другими толстыми журналами. Условились, что запишем с ним большую беседу, поговорим о литературном процессе, который вместе пережили.

Закончена подготовка текста для «Избранного» Коломийцем. Все материалы отдал Щеглову.

Стояли с Сергеем Чуяновым у окна (в зале Союза), пили кофе после водки, и он спросил — что у вас произошло с Чугуновым. Сергей спрашивал об этом и у отца Владимира, но тот ничего не ответил. (А вернее всего, ничего не смог объяснить, так же, как и я.) Чуянов убеждён, что мы что-то скрываем. А на самом деле — просто всё заканчивается в этом мире. И дружба, к сожалению, тоже.

15 — 19 мая. Москва — Белгород — Москва

В первый день только заехал в Союз. Правда, и там повидался наконец-то с Виктором Потаниным (обнялись, расцеловались), Семичевым и Кан, Поздняевым. (Он говорил, что обеспокоен судьбой библиотеки отца — Константина Ивановича Поздняева. Хочет подарить её в районную библиотеку города Семёнов, раз отец так много писал о поэте Борисе Корнилове). Весь же остаток дня провёл в «Литературной газете». Там у них своя работа. Чтобы не мешать, я даже на час выходил погулять по окрестностям Костинского переулка. Набрёл на площадь, где когда-то стояла Сухарева башня. Давно хотел там побывать. То, что

передают старые фотографии, сейчас неузнаваемо. Большая площадь плохо ухожена. Сквер, где стоит памятный знак, неопрятен.

Саши Яковлева я так и не дождался (хотел показать рассказы для газеты), но зато пришёл писатель Михаил Попов (московский, а есть ещё архангельский) — чрезвычайно симпатичный и добродушный человек, несмотря на свою знаменитость. Принёс водки, закуски — пили, и я подарил ему два номера «Вертикали».

В поезде попали в одно купе с кинорежиссёром (фамилии не помню) и руководителем писательской организации из Вологды. Приходил Владимир Личутин. Хотя и слегка пьян, но говорил хорошо об истории, русской культуре, языку.

16.05. В Белгороде жара. Сразу у гостиницы «Южная» осмотр памятника князю Владимиру. Поездка по городу. Впечатление — мал городок, но опрятен и чист. И очень умеренно на улицах рекламы.

Открытие памятника русскому слову. Думается, художником (скульптором) возможное решение найдено. Хотя всё условно, с некоторой натяжкой. Выступил Лановой. Специально прилетел.

В университете открытие Дней российской литературы. Потом концерт. Пела Татьяна Петрова (замечательно — голос сильный, чистый), Василий Лановой читал стихи А.С. Пушкина и В.В. Маяковского, Михаил Ножкин пел свои известные песни и много ещё чего было хорошего.

Закончился день губернаторским приёмом — щедрым застольем, которое сам Евгений Степанович Савченко и открывал.

17.05. Три главных события. Посмотрели спорткомплекс Светланы Хоркиной. Замечательное новейшее сооружение с всевозможными залами, бассейном и прочим. Долгая и содержательная конференция русистов в университете. В кинотеатре просмотр немого фильма Довженко «Земля». Антикулацкий, богоборческий (от этого жутковато), но талантливый. Сцены — умирание старика, голая невеста «беснуется» от горя о погибшем женихе, похороны...

Перед фильмом и после долго разговаривали с Виктором Фёдоровичем Потаниным о Викторе Петровиче Астафьеве (у В.Ф. сотни писем от него — они дружили долгие годы), Валентине Григорьевиче Распутине (они и сейчас дружны, большая переписка), Юрие Казакове (тоже были близки), о его писательской судьбе. Конечно, всё в памяти не удержу, а записать беседу полностью не получится. Вот лишь эпизод. На Байкале Потанин стряхивает ручку за бортик, чтобы чернила вновь писались. Распутин её вышибает.

— Ты что делаешь. Для Байкала и капли чернил много. Под озером есть ещё Байкал и там живут люди. — И замолчал. Продолжать говорить на эту тему Распутин не стал.

Потанин обеспокоен, сможет ли Валентин Григорьевич вынести смерть дочери, погибшей в страшной катастрофе в Иркутске. («От неё ничего не осталось. Похоронили горстку пепла и расплавленный крестик»).

Очень дружны Распутин и Владимир Николаевич Крупин. «Бывает, что неделями каждый день видятся». Ну, и далее много чего любопытно-го и познавательного.

18.05. Выступать в учебное заведение потребкооперации не поехал. Отправился гулять по центру города. Поразила чистота, ухоженности. Парк вдоль речки. Центральная площадь. Сквер и Вечный огонь. Вокруг здания областной администрации и Преображенского кафедрального собора, в котором в первый день мы приложились к деснице (к самой — стекло было поднято, десница обнажена от покрова) св. Иоасафа. Русский город — спокойный, достойный. Потому что власть русская, православная. Простят ли это всё губернатору наши враги?

За эти дни близко познакомился (жили в одной комнате) с Андреем Николаевичем Печерским, редактором газеты «Русь Державная». Он мне казался (да так и есть) человеком молчаливым, не очень располагающим

к общению. Но при ближайшем знакомстве он немного раскрылся, потеплел. Может, и будем дружить. Подарил ему «Обретение России» (он прочитал, и книга ему понравилась) и «Сопrotивление нелюбви».

Закончились дни русского языка на Прохоровском поле. Жара несколько измотала, утомила.

21 мая

Выставка Заногы в зале областной библиотеки. На светлых стенах и картины заиграли, засветились жизнерадостностью. Удивительно. Всё это я у Владимира Ивановича видел ранее. Но всё равно хорошо. С любовью написано.

Повидался с профессором Кутырёвым (подарил новую книгу), Валерием Никитиным, Виктором Тырдановым, Геннадием Красниковым...

22 мая

Вечером, в 17-30 в офис позвонил М.И. Козин. Интересовался — куда я пропал и почему ему не звоню, когда приезжаю в Москву. Рассказал о предстоящих заседаниях Клуба и поездках. Предложил подготовить и издать книгу к 15-летию, куда войдут уже написанные мной материалы и будущие. Это к декабрю.

Конечно, я не звонил и не заезжал сознательно. Слишком «бросово», как мне показалось, Михаил Иванович начал относиться и к моей работе, и ко мне самому. В то же время помощь изданию прекратилась совсем. А видеть во мне «обслужу» я не позволю. «Вертикаль» — это моё детище, мною выстраданное издание. Когда же слишком много в журнале материалов о деятельности «Московского интеллектуально-делового клуба» (да ещё в одном номере), то это портит качество журнала. Хотя, если вновь восстановятся добрые отношения, то я буду и дальше сотрудничать с Клубом Н.И. Рыжкова.

23 мая. Кунавино

Первый раз в этом году доехал до деревенского дома. Слава Богу, всё в целости. На машине «Волгагеологии» отвёз Наташино кресло, книги и всякие пожитки.

По телефону разговаривал с Ириной Дмитриевной Мухиной. Мои книги до неё дошли. Договорились, что к предстоящему моему юбилею сделаем для «Нижегородской правды» интервью.

24 мая

День потрачен на выяснение решения проблемы с соцстрахом. Спасибо Шарову, подключился вплотную.

На Славянские дни в Литературный музей заскочил буквально на минуту — отдал книги «Русское», которые перед этим забрал в «Дятловых горах». Сам даже не посмотрел, не открыл ни одной пачки.

25 — 28 мая. Кунавино

С Ирой. Открыли дом. И работа, работа... Жара несусветная, плюс тридцать два градуса. Спасла баня.

29 мая

Жара продолжается. Тяжело и шевелиться, и думать. Писать ничего не получается. Звонил Шестинскому. Он высоко оценил «Кольку», но вот что предложить на конкурс в Московскую железнодорожную газету? Советует «Отца», но без оптимизма. От «Советского писателя» украли бронзовый памятник В.И. Ленину (на низком постаменте) работы скульптора Комова. Вот времена! Сколько десятилетий скульптура простояла, но перед рынком кто устоит?.. Наверняка распилят на металлолом.

Сергей Шестак помог получить «Русское» в типографии. Намучились, подъезжая к департаменту культуры. Улица Варварская у площади Ми-

нина перекрыта. На улице Минава горит ночной клуб-казино «Рокко». Пришлось ехать к улице Воробьёва (объезжая улицу Ильинскую — там меняют трамвайные пути) и уже с неё через площадь Горького и площадь Свободы пробираться к Нижегородскому универсаму. Целое путешествие. Но гора с плеч, дело завершено. Спасибо, что Сергей безотказный.

1 — 3 июня. Кунавино

Посадили с Ириной четыре штуки сосен и кусты ежевики. Куст шиповника у ванны.

Записал статью для «Земли Нижегородской», посвящённую году русского языка.

Должен был ехать в Болдино на Пушкинский праздник, но не поехал.

6 июня

Начал работу над вёрсткой книги к 15-летию Клуба Н.И. Рыжкова. Мои тексты пока уместились в ста сорока страницах.

10 — 12 июня. Кунавино

По дороге в лесу выкопали две ёлочки и шиповник. Ирина нашла и дубок. Оставили на потом. Всё посадили у себя на участке. Наконец-то занялся дверью в бане. С таким-то опозданием.

Ещё в прошлый раз увидел на Черёмухе напротив моего окна большое гнездо. Подумал, что оно брошенное. Но на следующий день по приезду в этот раз увидел, что из гнезда выбрались четыре птенца сороки — большие, пушистые. Двое улетели совсем уже после обеда. Два других ночевали на наших деревьях. Мы всё наблюдали за ними, переживали — не погибли бы. Но вроде бы обошлось.

13 — 16 июня. Москва

На этот раз до Москвы доехал с Алексеем Марковичем. Сразу на метро и до Сокола. С гостиницей вышло удачно. Успел ещё и до Союза доехать, с Геннадием Ивановым, Николаем Переясловым, В.Н. Ганичевым встретиться. Подарил «Сопrotивление нелюбви» и выслушал всякие хорошие слова от Валерия Николаевича о «моей творческой форме»...

Утомление всего дня сказывалось. С Лукиным решил не встречаться, но он сам приехал на Сокол, и мы в парке ходили по округе и всё говорили, говорили. Сообщил Борис и приятное для меня — рассказ «Говорящее дерево» идёт в «Литературной газете» в конце месяца. Статья о русском языке в школе тоже принята очень доброжелательно.

14.06. Утром обзваниваю Ларионова, Полеванова, Кодина — он в Китае, но вёрстку попросил оставить. У Полеванова встреча просто отрадная — «Всегда рад вас видеть». Интервью прочитал и подписал, с журналом обещал помочь, показал на компьютере отрывки фильма о Вьетнаме, который сам делает.

Пешком прошёл до Ларионова. Памятник Ленину работы Комова у издательства забрали. (Думаю, за какие-то долги.) Ещё один скандал. Арсений Васильевич их просто порождает. Встретился у них с Михаилом Поповым — главным редактором журнала «Двина» из Архангельска. Тот ехал получать какую-то премию в Ульяновске. По-моему, доброжелательный дядька. Мы вместе ушли от Арсения Васильевича, немного поблуждали в метро. Обязательно пошлю ему свои журналы. Но ведь не ответит — как обычно.

В гостинице читал книгу о велосипедисте — путешественнике с Камчатки. Полеванов дал с возвратом. Захватывает.

15.06. С Лукиным едем в Переделкино. Шестинский даёт интервью для «Литературки». Много говорит о Ларионове — утомительно и для меня (по мне) уже надоедливо.

Днём почти три часа ходил по кладбищу и по улицам. Свежая могила Михаила Алексеева. В этом же ряду лежит Юрий Щикочихин, Юрий Давы-

дов. Ниже могилы Татьяны Глушковой, Роберта Рождественского, Вадима Кожевникова. Поднимаюсь к Корнею Чуковскому и Борису Пастернаку.

Ночевал у Шестинских. Спал плохо, тяжело.

16.06. Перед отъездом домой ходил по улицам внутри садового кольца у Курского вокзала. Пустынно в Москве в выходные дни. От этого и на душе как-то пусто.

22 июня

В областной библиотеке Бринские презентуют книгу отца. Собрались бывшие партизаны — старые, с ключечками. Настоящие воины. Многие выступали. Вёл встречу Цирульников.

Удивительные подробности рассказала дочь прославленного нашего партизана (из Москвы.) Когда Антон Петрович отправлял отряды на задание, то всех обнимал и после этого некоторых оставлял — чувствовал неладное. Или во время войны какая-то сила буквально заставила его выйти из блиндажа, и тот после этого взорвался. Рассказывала и другие подобные случаи из жизни отца.

А вообще, войну мы стали забывать. Далеко ушли... и от многих книг про неё отказались. А зря!

23 — 24 июня. Кунавино

Посадили ещё одну ёлочку. В окно смотрел на опустевшее гнездо сойки, и отчего-то было грустно. Будто приезжали в дом гости, порадовали хозяев — и уехали. И вот теперь в окружающем мире, в моей жизни чего-то не хватает.

27 июня

Вчера разговаривал с Шестинским. Был у него Олег Пономарёв (из Тулы). Как я понимаю, конфликт между ними исчерпан. Вспоминали меня. С юбилеем Ларионова полная неясность. В «Литературной газете» напечатана очередная уничтожающая его статья. Такой подарок к 70-летию от «михалковцев».

Вечером собрались у меня в редакции Климешов, Селезнёв, Цветков, Евгений Супрун. Говорили о продолжении сборника. Но если делать его с ними, то надо жертвовать качеством и идеей.

Пешком дошли до моего дома с Цветковым. Попили у меня чай, говорили о сборнике. Я предложил название «Русское слово». Есть преемственность от первого сборника в названии и легко обыгрывается — «слово» пишется более мелким шрифтом. В авторы пригласить известных русских писателей — Шестинского, Крупина, других.

Сегодня с Владимиром были в мастерской у Виктора Ивановича Пурихова, смотрели макет нового памятника. Я многие работы разглядел будто впервые. Заодно зашли в соседнюю мастерскую, посмотрели модель памятника Войно-Ясенецкому (установят у медицинского института на проспекте Гагарина) и барельеф Юрия Адрианова. Всё впечатлило.

28 июня

Ещё два дня назад приходил ко мне художник Альберт Данилин. Принёс статью об авангардном искусстве. Ранее она печаталась в «Нижнем Новгороде». Прочитал. Очень многословно. В перепечатке у себя отказал. Посоветовал написать новую — художник и земля, как национальная основа творчества (он сейчас живёт в Сеченове), позабыв о своей старой статье. А сегодня он позвонил вновь. Пригласил встретиться у художницы Арбековой, посмотреть её гобелены. (Покойная искусствовед Екатерина Пухова написала мне статью о ней, которую пока я так и не опубликовал). Пешком пошёл в Кузнечиху. Встреча оказалась тёплой. Работы изумительные, а труд, чтобы создать их — каторжный. На картоне рисуется эскиз. Затем по нему набиваются цветные нити. В разговоре за ужином выяснили — абсолютное совпадение взглядов по «рус-

скому вопросу». Подарил им журналы и «Русское». Себе на память взяла фотографию большого gobелена — десять сюжетов из жизни Христа от Благовещения до Вознесения. Прекрасное произведение... Свои работы художник не продаёт. Жалеет. Их немного, а продай — на выставках показывать нечего будет. Да ведь это ещё и как дети — сколько жизненных сил, времени им отдано!

30 июня — 1 июля. Кунавино

Пасмурно. На второй день моросило. Птицы склевали всю клубнику у Ирины. Она даже видела рано утром, как они это делают — садятся на землю и аккуратно обходят все кусты, выискивая спелые ягоды. В разбое замечены дрозд и четверо наших сорочат.

2 июля

Письмо из Хабаровска. Журнал «Дальний Восток» готовит публикацию из «Кольки». Просят биографические данные.

Сообщение на телефон от Прохорова из Нижнего Ингаша. Журналы с моими публикациями выслал в пятницу. А я в пятницу как раз купил «Литературную газету» с «Говорящим деревом». Этой публикации ждал.

По телефону говорил с Кодиным. Он весело-приветлив. Я пообещал заехать к нему в среду.

7 — 8 июля. Кунавино

Начали с Ириной благоустраивать дальний участок. Я косил. Она вырезала малину.

11 июля

Позвонил Олегу Николаевичу. Он тоже получил «Истоки». Мою работу «Яблоки...» опять оценил очень высоко и наговорил в мой адрес много тёплых слов. Сам же журнал охарактеризовал, как «самодеятельный». Это верно — но пусть выходит хотя бы такой, чем никакой. Жаль только, что по всем признакам у Прохорова начинается «головокружение от успеха». Надо бы дело делать поспокойнее и повдумчивее. Ну да и так ладно, лишь бы всё впрок. А Олег Николаевич хандрит, тоскует, как сам замечает, «от одиночества и предательства». Как хочется помочь — но чем? А может быть, это мои заметки так на него подействовали.

27 — 29 июля. Кунавино

Закончились юбилейные дни. За всё это время за дневник не брался — не было никакого желания. Отметили моё 50-летие достойно, так, как я и не ожидал. Было достаточно много прессы — везде, где это ещё возможно (говорить о культуре в нижегородских газетах) были статьи, интервью. Поздравила и «Литературка». Ларионов прислал телеграмму, Шестинский написал замечательно-тёплое поздравление. Всё это тоже будет напечатано.

Сам день рождения отмечали в ресторане «Чёрная пантера». Перед этим с Цветковым сходили на кладбище к могиле отца. За столом кроме наших — Заноги, Коломийцы, Лукины, Пафнутьев, Цветков, Марахтанов. Несколько раз звонил Рагим. От него привезли подарок — золотые наручные часы. Вечер прошёл замечательно. К нему напечатали №19 «Вертикали». Всем его подарил.

Через неделю в кафе поздравляли Лену. Там случился разговор с Еленой Шаховой по её инициативе. Её шеф заинтересовался журналом. Продолжение разговора через неделю. Уже более подробно Елена расспрашивала, как издаётся журнал, что делать им с газетой. Уговаривает на сотрудничество. Вообще-то я не против, но только в том случае, если у нас произойдёт общение с её хозяином и мы найдём точки соприкосновения взаимных интересов. Передал Елене для него комплект журналов и свои книги.

Все прошедшие выходные в деревню не ездили. И вот опять здесь с Ириной. Сжёг весь мусор на дальнем участке. Как сразу стало хорошо. В этот раз натопил баню. Перед поездкой в Москву на следующей неделе — это укрепление сил.

Наконец-то начал отсылать свои издания в книжную палату. Нужно использовать возможность для благого дела.

30 июля

Позвонил Печерскому, чтобы договориться о встрече в Москве, а узнал, что он в Дивееве и не может найти меня. В «Руси Державной» вышла моя статья (может быть, интервью?). Он был готов заехать ко мне, но в итоге договорились, что встретимся в Москве. Жаль, могли бы хорошо пообщаться, а затем вместе и в столицу отправиться.

Отец Евгений Юшков за журналами прислал сына Николая — реставратора. Времени на разговоры почти не было, но взаимные интересы относительно журнала обнаружились сразу. Даст Бог — получится хорошее продолжение нашему намечающемуся сотрудничеству.

31 июля — 4 августа. Москва

С вокзала проехал к Полеванову. Отдал ему журналы с его интервью. Короткий разговор, кофе. Владимир Павлович подарил новые фотографии с Байкала. Новый (настоящий) исток реки Лены они всё-таки нашли.

В Союзе писателей угодил на Секретариат. Валерий Николаевич поздравил с юбилеем и вручил Почётную грамоту. Я в ответ подарил свежие номера «Вертикали», к тому же там есть материалы о празднике в Белгороде.

Геннадий Иванов пригласил в следующую поездку — уже в Оренбург в более тесной компании. Ночевать устроился в гостинице «Мотор Сич».

01.08. Разочарования продолжаются. Кононенко в помощи журналу отказал. Огромные деньги он потратил на акции фонда Андрея Первозванного.

Купив на Курском вокзале билеты обратно, пошёл новым маршрутом в «Советский писатель». Вышел на набережную и уже оттуда, мимо Кремля зашагал на Поварскую. У Ларионова застолье — привезли из типографии его новую книгу «Из-под самого сердца: книга русской жизни...» — статьи из журнала «Слово». Мой очерк о Шестинском ему не очень нравится. Видимо, публиковать не будет. («Потом как-нибудь» — я воспринимаю как отказ.) О реках вроде бы идёт, но тоже до конца не определено.

К Шестинским в Переделкино приехал вечером. Обижены. Ждали меня к обеду. Ночь, такое впечатление, что провёл без сна.

02.08. Дождь. На сердце тоска. Долго стоял под навесом торгового центра напротив Киевском вокзале, соображая, что делать дальше. Встреча с Андреем Печерским назначена только на вечер.

Попытался на Курском обменять билеты, чтобы уехать домой (так муторно было на душе) — безуспешно. Пешком дошёл до «Литературной газеты». Саша Яковлев понял моё состояние, отпаивал чаем. Дозвонился до Печерского. Он медленно едет по трассе. Машина с неполадкой — почти нет тормозов.

Лукин даёт ключи от квартиры на Речном вокзале. Отправляюсь туда. В пустых комнатах слышно завывание ветра за окном, стук дождя о подоконник. Но странно — потихоньку успокаиваюсь. Тоска уходит.

03.08. Утром еду в Троицкое с платформы от метро «Войковская». Погода немного разгулялась. Станция небольшая, в лесу. Андрей встретил на платформе с овчаркой.

Ездили в Новый Иерусалим. Ожидаемого впечатления монастырь не произвёл, хотя Истра в этом месте действительно похожа на Иордан (как я его видел на фотографиях). Скит Никона в лесах, место уединённое, вдали от монастырских крепостных стен.

Внутри побывать довелось только в подземном храме. Там и свечи поставили.

В самом Троицком два храма. Один деревянный, старинный. В нём служат лишь дважды в году. Каменный никогда не закрывался. Служба велась почти непрерывно.

Вообще же место благодатное, красивое, спокойное. У Андрея большой участок земли со своим леском (грибы растут — видел белый, подберёзовик, лисички, валуи, сыроежки), дом переделан из бывшего сельского медпункта. Находились, нагулялись под дождём, наговорились вволю. Хозяин приготовил вкуснейшие стейки из сёмги.

04.08. Утром сына Андрея — замечательного паренька — отвезли в Шереметьево-2. Он улетает с группой православной молодёжи в Сербию. В московской квартире (метро «Водный стадион») узнаю историю их семьи. Оказывается, жену Андрей увёз без родительского разрешения.

Договорились о сотрудничестве. Во что это выльется, загадывать сложно.

Дождь не перестаёт, но, уже подъезжая к Владимиру, заметил в окно — тепло и солнечно. Непогода осталась позади. И как же хорошо возвращаться домой!

10 — 12 августа. Кунавино

В деревне дважды топил баню. Обрезали смородину.

Опять через пробки. Назад, почти в 11 часов вечера встал у Рекшино. Почти четыре часа добирались до дома. Машину истерзал.

13 августа

В Союзе писателей отметили день памяти Юрия Адрианова. Два года, как его не стало. Организовано плохо — никто не пришёл, кроме меня, Цирульников, Чуянова, Фигарева. Был Жильцов. Наташа заглянула и тут же ушла. Уже когда мы с Чуяновым пошли за водкой, то увидели её и вернули. Потом ещё кто-то заходил. Наталья не выдержала, высказала Жильцову всё, да и так по Союзу прошлась. Правильно, пусть знают, что им следует её бояться, а не наоборот.

17 августа

Правление. Пришла представитель застройщика. (Им принадлежит гостиница «Россия» на Верхне-Волжской набережной и весь этот квадрат земли между набережной и улицей Минина.) Показала проект реконструкции и расширения гостиницы. Нашего особняка там нет. Он уже года два как принадлежит застройщику — какой-то иностранной фирме. (Интересно, кто от нашего Союза подписывал эти документы, согласования?) В виде компенсации предлагают в аренду другой офис. Рябов в восторге, как и все (Шамшурин, Цирульников, Чуянов). Я понимаю, кому всё это нужно и для чего — получать деньги с аренды. Она же пришла для разговора, чтобы не нагнетать обстановку. Вернее, её послали из нашего правительства. Там чувствуют, что в обществе бродит искра, готовая вспыхнуть гневом. Но ведь этого и не избежать. Мы всё-таки народ пишущий. Уже несколько газет по этой щекотливой теме дали информацию.

20 августа

Ира в больнице. Все переживаем. Начало не совсем удачное. Звонил Розе, просил молиться. Виталий заверил, что всё будет благополучно — он знает, Ирина во время операции будет под покровом Богородицы. В журнале мы с ним рядом, хотя я ещё и не знаю, что за материал они поместили, который из принесённых мною выбрали для «Всерусского собора».

Начал вплотную заниматься книжкой Анатолия Пафнутьева. Трудов тут немного. Делаю её больше по необходимости — вернуть свои моральные долги перед ним.

По телефону короткий разговор о здоровье с Шестинским. С Семёном Ивановичем Шуртаковым подольше. Опять недоволен публикацией в «Вертикали». Упрекал, что не перепечатаваю рассказы из его книжки.

23 августа

Книга «Русское слово» уже выстраивается в макет. Сегодня и своё «Душа осталась...» в нём привёл в порядок, и материал о Льве Николаевиче Толстом Володи Цветкова поместил. Объём — 160 страниц. Если ещё воспоминания Шарова, то всё.

Позвонил Кожину. Разговор спокойный, деловой. Книгу к 15-летию Клуба делать будут. Высказал свои замечания и предложения по версии. «В сентябре надо будет съездить в Белгород».

Раз так всё определилось, то нужно вплотную заниматься книгой, писать недостающие материалы, подготовить вопросы для членов Клуба к юбилейной анкете, подобрать фотографии.

26 августа

В 6-00 с Ириной на службе в Староярмарочном соборе. Ира исповедовалась и причастилась. Я отстоял службу без устали. Правда, довольно рассеян был.

Вчера подготовил два материала для книги о Клубе Н.И. Рыжкова. Сегодня вопросы для Кожина и дополнение к «Русскому апостолу».

27 августа

Ирина легла в больницу. Операцию назначили на среду.

Передал по факсу вопросы Кожину. Сказал ему о подготовленных статьях. Но стоит ли залезать мне в это дело с головой, пока ещё окончательно не решён вопрос с финансированием издания? Переговоры по телефону могут закончиться ничем, и что тогда делать с написанными материалами?

28 августа

Ещё один удар — у Ириного врача, которая готовила её к операции, внезапно умер муж. Сорок пять лет — сердце. Теперь должен делать другой врач. И всё как-то не так, не спокойно. Конечно, Ирина нервничает, я тоже. Сидели у приёмного покоя и как могли друг друга успокаивали. В это время позвонил Жильцов. Прошло заседание комитета по премиям Нижнего Новгорода. Он меня поздравил.

29 августа

Получил у А.И. Юрина первую часть книжек Пафнутьева.

С Таней у Ирины. Она ещё не отошла от наркоза — стонет, её тошнит, губы сухие, белые. И так мне её жалко стало, что чуть сдержал слёзы. Шёл из больницы пешком, и всё думал — как много обид по пустякам мы причиняем друг другу. Но испытания показывают всю их мелочность и пустоту. Но ведь уже ничего не вернуть, не исправить.

30 августа

Слава Богу — Ирина чувствует себя лучше. Хотя, конечно, ещё боли мучают. Но состояние — со вчерашним не сравнить.

С Цветковым сначала вместе дошли от «Волгагеологии» до больницы. Затем от больницы до дома. О многом за дорогу, а потом и у меня, переговорили. Я уже готов писать об академике Д.С. Львове, даже набросал первую страницу.

31 августа

В Литературном музее вечер Ирины Дементьевой. Ей, как и мне, в июле исполнилось пятьдесят лет. Собрался целый зал. Подарил «В-19»

с подготовленной ею публикацией Лигии Лопуховой. Раздал около десятка газет «Руси Державной» с моим интервью.

По телефону у Ирины голос бодрый, уже ходит. Дело идёт на поправку.

3 сентября

Пришло письмо от Владимира Крупина с добрыми словами о «Сопро­тивлении нелюбви». Обрадовался ему очень. Как важна такая поддерж­ка сейчас, в такое непростое время. По телефону у Шемшученко узнал, что «Всерусский собор» вышел с моим очерком о Шестинском «Яблоки русского сада». (Владимир всё-таки хочет пробиться на юбилей «Мотор Сич», я же совершенно к этому равнодушен). Перезвонил Олегу Николаевичу, сообщил новость. Знаю, ему хотелось, чтобы у питерцев этот материал появился.

В телецентре Цирульников отметил своё семидесятилетие. В одной из комнат на первом этаже накрыли стол, и как принято у крупных начальников, ожидающих многих гостей — люди заходят, поздравляют, выпивают и уходят. Экономно, удобно, ненавязчиво. Мы тоже не задержались. (Я, Проимин, Половинкин, Жильцов, Рябов, Дементьева.)

4 сентября

На здании филфака университета открыли мемориальную доску Юрию Адрианову. Много речей. Наташа не умолчала о трудностях, сопровождавших подготовку доски к открытию. Это прозвучало несколько не к месту. Олег Рябов, потерпевший поражение «в битве за дом» (и правильно — не возносись в гордыне), не пришёл.

Назад по ремонтирующейся Большой Покровской шли с Валерием Никитиным. Опять — надо встретиться, давай созвонимся. На этом и разошлись.

Из неприятного — прочитал полумесячной давности интервью с Покровским о «Русском» в «Нижегородской правде» и вечерний спор с Шаровым, закончившийся тем, что я его (да и остальных, бывших за столом) практически выгнал из своего кабинета. Тема спора — русский вопрос и предающая национальные интересы наша интеллигенция, бес­конечно кающаяся перед вконец обнаглевшими инородцами.

5 сентября

Вручение премий Нижнего Новгорода. Сказал мэру Вадиму Булавинову, что у меня есть к нему предложение относительно выпуска журнала. Он: «Давайте после Дня города».

Привёл с собой Наташу. За столом — с Жильцовым, Проиминим, Чуяновым. Владимир просит посодествовать в получении премии «Хру­стальная роза Виктора Розова».

Прошёл к Ирине в состоянии несколько хмельном. Бутылку коньяка с Жильцовым на двоих мы всё-таки выпили. Ирину завтра выписывают. Чувствует себя хорошо. Слава Богу, всё обошлось.

6 сентября

Неожиданно ко мне в «Волгагеологию» приехал Шуртаков. И пять часов непрерывного монолога. Говорит Семён Иванович хорошо, складно, со знанием дела, но уж очень назидательно и не слушая собеседника. Настаивал на своих публикациях в «Вертикали», что не ново. Все наши предыдущие встречи были посвящены этому же вопросу. То же, что я его публиковал — всё не так, ему не нравится. А уж благодарности, естественно, никакой.

Подарил Семёну Ивановичу «Сопро­тивление нелюбви». После его замечания-упрёка предложил ему войти в редакционный совет. А почему бы и нет. Приходили во время нашего общения Шаров, Коломиец, Цветков.

Ирина выписалась из больницы.

7 сентября

У Игоря Преловского распечатали первоначальный вариант «Русское-2». Выходит за двести страниц. Содержанием я доволен. Кажется, книга будет с интересом читаться.

Из Нижнего Ингаша позвонил Прохоров. Думал, что я приехал в Решёты. Так ему сказали: «Приехал с мамой». Объяснил Сергею Тимофеевичу, что это, должно быть, брат.

В Художественном музее на Верхне-Волжской набережной выставка Сергея Радионова. Я впервые за долгие годы в этих помещениях — зал с картиной Маковского «Воззвание Минина...». Выставка Сергея почти не впечатлила. Всё это «местное», провинциальный уровень. Хотя цветы и этюды есть хорошие, но портреты и жанровые картины заметно проигрывают. Повидался с Эрстовым, Заногой (загорелый, на яхте прошёл по Каме и Волге), раздал №7 «Руси державной».

12 сентября. Работки

С Коломыйцем поехали к нему в сад собирать сливы. Перед этим заехали в Работки. Сколько раз за свою жизнь я проезжал мимо этого посёлка — не счесть. Оказалось, это старое волжское купеческое село с большим храмом, церковной площадью, с домами каменными двухэтажными дореволюционной постройки. Всё это имеет свой неповторимый исторический аромат. Конечно, сходил на берег Волги. Широка, живая, как в моём детстве — движение воды, хлупание волны, песчаный берег.

Причальная стена и речной вокзал, построенные ещё тогда, в советское время при возведении Чебоксарской плотины, заброшены и разбиты. Такой контраст — жизнь и смерть (уныние, запустение).

А слив набрали много. Урожай богатый. Алексей Маркович говорит, что и всегда так. Предложил взять саженцы. Вот бы и правда выкопать да перевезти к себе, в Кунавино.

13 сентября

Дозвонился до Парпары. Анатолий Анатольевич дома, давление. Говорит трудно. Объяснил, что хочу выслать ему свою книгу «Сопrotивление нелюбви» и потому уточняю адрес.

— Да, Валерий, я вас хорошо знаю, как публициста. Присылайте, мы её отрецензируем в «Исторической газете».

Отослал и книгу, и последний выпуск «Вертикали».

20 — 21 сентября. Кунавино

Больше месяца не были. Под дождём выкопал лук, морковь, свёклу, редьку. Всего понемногу, но и это бросать было жалко. В доме натопил, тепло.

Следующий день сухой, солнечный. Обрезали яблони, смородину. Натаскал большую кучу веток. Хорошо, что хоть прежние раньше сжёт. А то пол-участка было бы хламом завалено.

Машину в гараж ставил в полной темноте. Закрывал на ощупь.

24 сентября

Лена Крюкова устроила представление трёх своих новых романов в областной библиотеке. Говорила хорошо — не так азартно и довольно связно. Хорошая мысль — «Я сейчас стала спокойна и терпелива». Мне бы последовать этому примеру. Именно — сосредоточиться, ни от кого ничего не ждать и не обижаться, а больше работать, писать, готовить книги.

Отдал ей свою «Сопrotивление нелюбви», «Библиографию», интервью в «Руси Державной». Лена хочет написать статью обо мне и моей книге.

В вёрстке книги о Клубе Н.И. Рыжкова добавил статьи. Теперь в ней двести страниц. И это ещё не всё.

25 сентября

В Доме актёра журнал «Русская жизнь» устроил что-то в виде презентации. А вообще только фуршет (довольно обильный). От Нижнего в этом проекте как-то завязан Захар Прилепин. Он мне показал сообщение на телефоне от Бориса Лукина. Тот в больнице. Весь вечер проговорили с Женей Эрастовым. Хорошо, что со мной пошла Ирина. Немного развеялась. Я выпил бокала три вина. Прошлись пешком через Кремль до Скобы. Вечер тёплый, тихий. И на душе светло оттого, что идём вместе, говорим о наших делах, как в молодости...

27 сентября. Хабаровское

На машине с Шаровым и Цветковым поехали к источникам. Сначала в село Козловку, затем в Хабаровское на Оке. Оба места удивительные и по красоте, и по обустроенности. К первому ведёт хорошая бетонная лестница. Построена новая часовня из красного кирпича, с газовым отоплением. Купальня (в ней можно только окатываться из ведра, стоя в деревянной колоде — впрочем, всё предусмотрено и удобно) увешана иконами. Всё это восстановление (ранее здесь всё это было, да в богорборческие времена уничтожено) совершил один благочестивый муж в память о почившей (в 31 год) супруге. В Хабаровском с высокого берега открываются удивительные виды на Оку, город Дзержинск, леса. Здесь два источника. К одному ведёт наезженная по склону горы дорога. К другому — узкая тропинка-лестница, сколоченная из досок. Деревянная купальня удобная, с бассейнами и лесенками. Везде набрали воды, фотографировались, делали видеосъёмку.

Сколько замечательных, святых мест вокруг нас, совсем близко — а мы их не знаем. А ведь как это важно и нужно — там бывать.

1 октября

На Автозаводе у Эдуарда Кузнецова по его настойчивому приглашению. Замечательная коллекция литературы о шаржах, пародиях, эпиграммах (дореволюционные издания, зарубежные, наши советские и российские), картотека. Издано им четыре книги на эти темы, но написано и подготовлено намного больше. Статьи печатал в «Нижнем Новгороде», в «Вопросах литературы». Просто кладёшь информации. Сам доброжелательно-общителен, по профессии химик. С таким автором надо сотрудничать. Рассказал случай. У него стоит довольно большая, долгоживая кукла Никулина. Как-то ночью она ни с того ни с сего грохнулась, хотя упасть никак не должна была. На следующее утро за завтраком по радио услышал, что умер Юрий Никулин.

Пришло письмо от Ларионова. Это ответ на моё о его последней книге. Благодарит за отзыв и сообщает, что в этом году все мои очерки в «Слове» опубликует.

Собирались у меня в музее троицей (я, Цветков, Шаров) и Шестак. Шаров готов частично профинансировать сборник — у его фирмачки есть возможность.

2 — 3 октября. Кунавино

Наступила пора закрытия «деревенского» сезона — быстро-то как! Стоит золотая осень. Тепло. Грибная пора. Закрыв окна в доме, вылил воду из вёдер. Грустно.

4 октября

Звонил Кодицу. Договорились с Михаилом Ивановичем о встрече в Москве в понедельник или во вторник по поводу книги. Попросил написать биографическую справку для Академии проблем безопасности и правопорядка. Вроде бы хочет готовить документы для представления на орден. Лучше бы, конечно, помогли финансово журналу.

Опять «заседали» втроём по поводу сборника. Шаров упирается, отстаивает свой вариант текста. Нам с Цветковым пришлось понервничать, но в итоге всё закончилось мирно. Назад Владимир дошёл со мной до Стрелки. Какие чудные тёплые вечера. Долго ли ещё продержится тепло и золотая листва на деревьях? Хороший день, на сердце полегчало.

7 октября

С Ириной и Цветковым на Новосормовском кладбище у могилы старца Ивана Шорохова. Тёплый солнечный день. На крышу часовенки шурша падают листья. Крепкий деревянный крест на могиле. На душе мирно. Попросил батюшку помочь в московских делах.

8 — 9 октября. Москва

Уезжал в столицу с надеждой и ожиданием в сердце. Дальше отступать некуда.

С Кодиным (я приехал к нему в Университет прямо с вокзала) состоялся разговор недолгий, но конкретный. Выяснили бюджет книги, её структуру, сроки выпуска. Подарил он мне и свою новую книгу «Поверженная держава. Записки очевидца». Все мною написанные куски в ней опубликованы — а это большой объём. Значит, не зря трудился и деньги свои отработал.

Позвонил Шемшученко и сообщил новость — Кононенко продаёт редакционный офис в Питере.

В Союзе писателей у Переясллова взял номера «Всерусского собора» и «Балтики» (Таллин). Записался на поездку в Хантымансийск.

У Полеванова долго разговаривали, пили армянский коньяк. Владимир Павлович оказал помощь журналу «в разумных пределах» (его слова).

Пока ехал к Шестинскому, в электричке неожиданно обнаружил в «Балтике» своего «Съёмщика». Эту рукопись я им высылал давно, думал, что отвергли, раз ничего не ответили.

В Переделкино сыровато, пахнет грибами. Шёл медленно, в какие это века всё решил в один день, без отсрочек. Успел бы и сегодня уехать назад, но билет куплен на завтра. С Олегом Николаевичем пьём чай и уходим наверх в его кабинет. С компьютера он читает мне свой новый большой рассказ — о житии (праведном) своей бабушки, у которой вера не была показной, но составляла основу, сущность её жизненных поступков, её мировоззрения. Хороший рассказ, но, как мне показалось, затянута. Мы долго о рассказе говорили. Я высказал свои замечания и вроде бы не обидел Олега Николаевича.

Утром в Москве прошёл над рекой по новому пешеходному мосту. Замечательное сооружение из старого железнодорожного моста. Покрыто стеклом, но можно пройти и вне стеклянного купола, через который открываются замечательные виды на Университет на Воробьёвых горах, на город.

Пешком дошёл до Союза (дополнительно взял журналов), в редакцию «Руси Державной», где меня в общем-то не ждали. Условия для работы отличные. Сам фонд «Андреевский флаг» занимает большие площади. И это в центре Москвы. Откуда деньги?

До Курского вокзала от Павелецкого прошёл пешком. Это мой новый маршрут. В районе Садового кольца всё относительно недалеко.

11 октября

На биофаке пединститута, в библиотеке (Большой зал, балкон которого со столбами выходит на площадь Минина) прошло представление книги В.Д. Смирновой (год назад умершей) об отце. Народу собралось много, хотя само действие прошло формально и скучно. Я пробыл ровно час и ушёл.

Прошёлся по зданию (включая подвал). Низкие сводчатые потолки, толстенные стены и такие же колонны у главной лестницы. Несколько

тягостное от всего впечатление (я тут был впервые), усиленное жуткой захламлённостью, общарпанностью, неопрятностью. Какая же в таких стенах может воспитаться интеллигенция.

12 октября

Приезжала Лена Крюкова. Подарила свою новую книгу. Говорили, готовили новое интервью. Она многое записала.

Кажется, закончил заметку о книге В.К. Трошина «Мои годы — россыпь самоцветов».

15 — 18 октября. Москва

Столица встретила первым снегом. Им были слегка припорошены трава, крыши гаражей. У Кодина в Университете говорили о книге. Впрочем, урывками и мало. Посмотрел фотографии. Интересного крайне мало. Но набрал пачку — что-то пойдёт в книгу. Решили её делать разделами (четыре) и в конце три тетрадки цветных фотографий.

Вечером, пока шёл от дома Кодина до гостиницы на Соколе — вымок. Снег с дождём.

16.10 Кроме хождения по Москве успел вечером посмотреть концерт (по пригласительному билету) Кубанского казачьего хора в зале имени П.И. Чайковского на площади Маяковского. Принимали хор и танцоров восторженно.

В другие дни ещё одна короткая встреча с Кодиным и запись с ним интервью. Говорил Михаил Иванович плохо, шаблонно. Но это было уже перед отъездом. Что-то исправлять времени не было.

19 октября

В «Волгагеологии» меня дожидались журналы от Андрея Реброва (с моей публикацией «Скреп русской державности» в новом литературном журнале С-Петербурга «Родная Ладога») и телеграмма от Ларионова за подписью Бондарева с приглашением приехать на писательскую встречу.

22 октября

Валентину Арсеньевичу Николаеву семьдесят лет. Собрал в Союзе писателей. Стол устроили в кабинете Жильцова. Народу набилось битком. Приехал о. Владимир Чугунов с Галиной. Всех одарил своей книгой «Русские мальчики». Спросил у меня — возьму ли? Отчего же не взять. Издано хорошо, со вкусом, шестьсот страниц. Узнал, что и книжку Николаева «Тоска по мастеру» он издаёт. А Валентин молчал. Это на него похоже. Но меня по сердцу царапнуло. Я проявлял участие, советовал издать, печатал её в «Вертикали», а как где-то что-то замаячило — молчок, затаился, как мышь в норе с зёрнышком.

С Юрием Марахтановым после застолья прощались в Кремле. Пройтись в журнал с рассказами (как и Климешов), обещает профинансировать.

24 октября

Всё, вёрстка книжки «Собирая Россию» (для корректора) готов. Получилось двести шестьдесят страниц текста. С фотографиями сложнее. Нужно согласовывать с Кодиным. Отослал ему и подготовленное интервью. Вроде бы получилось хорошо — информация самая непосредственная о Клубе.

Позвонил Фигарев. Умер Донской Михаил Иванович сегодня днём. А я уезжаю в Москву. Разговаривали по телефону с Борисом Селезнёвым. Он был у Донского несколько дней назад. Хоть и ожидал, а всё равно неожиданно. И горько, что не позвонил ему, как хотел, в эти дни.

25 — 26 октября Москва

Еду ночным поездом. За последние годы отвык от подобных условий. Поезд пришёл на Казанский вокзал. От того, чтобы меня встречала машина, я отказался заранее. Спокойно прошёл на Ярославский вокзал и купил билет назад. Затем пешком по бульварам прошёл в «Советский писатель». У здания омовцы. Я был удивлён. Оказывается, это для охраны нашей встречи.

В Шолоховском зале заседаем четыре часа без перерыва. Юрий Васильевич Бондарев зачитал своё выступление. Следом выступили представители Чувашии, Татарстана, Санкт-Петербурга, Шестинский, Облог, Юван Шесталов, Валерий Хатюшин.

Перед этим Арсений Ларионов рассказал о скорбных делах МСПС — юридической регистрации нет и даже более того, в успехе этого он сомневается. Из 42 членов исполкома, избранных пятым съездом МСПС: умерли 4 человека; ушли к Сергею Михалкову (но официально из МСПС Бондарева не вышли) — 18 человек (среди них Ганичев, Есин, Тургай...), их членство приостановлено; избрано 14 новых членов исполкома, в том числе и я (совершенно неожиданно); избрано 7 рабочих секретарей (и опять я) — заместителей Бондарева.

Юрист МСПС: Против Ларионова возбуждено — 3 уголовных дела. Главные задачи — регистрация документов и судебные иски о чести и достоинстве к «Литературной газете», «Литературной России», «Московскому литератору», «Губернии».

Оказывается, в канун 70-летия Ларионова (по словам Арсения Васильевича) в Архангельск пришло письмо от Валерия Ганичева и Феликса Кузнецова с предупреждением, чтобы не проводили каких-то торжеств в честь 70-летия Ларионова.

После всего прошедшего я сфотографировался с Ю.В. Бондаревым (фотограф Павел Кривцов). За столом хорошо, на перспективу, поговорили с Аршаком Тер-Маркарян. Он приехал только что из Бостона (читал там лекции о нашей литературе) и через две недели хочет ехать опять туда же. Предложил издать свои книги в «Вертикали». Деньги, как говорит, спонсор найдёт. С восторгом принял предложение стать представителем журнала в Москве.

Ночевать нас определили в гостиницу «Белград» у МИДа. В номере с Евгением Раевским из Питера. Деятелен, говорит, что он контр-адмирал (не очень верится), возобновил «Академию русской словесности и изящных искусств Г.Р. Державина».

26.10. Поезд только в 18-20. День впереди пуст. Еду к Козину. Оставляю в кабинете подборку фотографий для книги. Что дальше? Пешком иду до ВДНХ и далее по всему проспекту Мира до Садового, к Чистым прудам и трём вокзалам. Маршрут в основном новый, но скучный! Походил по новой громаде Казанского вокзала и даже посидел в полупустых залах ожидания на верхних (новых) этажах над железнодорожными путями.

28 октября

Неожиданно приехала Женя Полянина. Я её даже не сразу узнал. Постарела. Теперь у неё не осталось никого кроме племянника. Брат, мать, муж, сын — все умерли или погибли. Она увидела статью к моему пятидесятилетию Саши Высоцкого в «Красном сормовиче». В разговоре узнал, что, оказывается, фотография моих прадедов, которую я помню ещё по Утке, хранится у неё. Обещала передать мне. На ней прадедушка и прабабушка.

10 — 11 ноября. Москва

На этот раз еду на церемонию вручения «Хрустальной розы...» и познакомиться с Лукиным. Борис после операции вышел из больницы.

От метро «Речной вокзал» дошёл пешком. В квартире увидел Бориса — вроде бы не изменился, только немного постарел, что ли. Оказывается, похудел на восемнадцать килограммов.

В китайском ресторане «Дженка» (в здании МХАТа им. М. Горького) у нас оказался удачный столик — самый дальний. Так что церемония нам не мешала, и даже не могу сказать, кого там у входа награждали. Кроме меня и Лукиных, за столом оказались Шемшученко, Алла Большакова (филолог) и А.А. Макаров (директор НИИХИММАШ — двигатели для ракет) с семьёй. Ещё Святослав Гуляев (художник) с матерью. О журнале поговорил с Богородицкой. В конце вечера с Ножкиным. Весь вечер ели, пили. Ночевать отправился к Лукиным. А на утро Галина мне рассказала, что у Бориса операция вроде бы прошла успешно.

На Курском вокзале в ожидании поезда читаю книгу Олега Куваева «Два цвета земли между двух океанов» и поглядываю на табло. Но посадку не объявляют, и я забеспокоился. Несколько раз смотрел на табло, в билет. И тут только заметил, что поезд уходит с Казанского вокзала. Сердце оборвалось — опоздал! Но сам себе скомандовал — «Быстро!!!». До отправления осталось пятнадцать минут. Бросился в метро. Бегом по переходам под площадью трёх вокзалов. Успел!

12 ноября

Случайно встретился с Климешовым в Союзе (я заходил в издательство «Дятловы горы»). Пошли ко мне, захватив картину из кабинета Жильцова, давно им мне отданную. Работа Дмитрия Дмитриевича Арсенина. Затем и к Павлу проехали. Посмотреть его работы и других художников. Натюрморты Беззубова из Муромы — замечательны. Картины Владимира Дубова интересны, но есть в них что-то примитивное. Хотя, конечно, художник. Впрочем, как в квартире можно смотреть живопись. Потом шли вдоль проспекта Гагарина, хорошо говорили. Всё-таки великий, хотя и нелёгкий дар творчества выпал нам по жизни. О величине этого дара — разговор другой.

13 ноября

Пришло письмо с правкой статьи от С.И. Шуртакова. Статья моя о нём и правку он сделал по моей просьбе. Впрочем, очень щадящую и точную. В письме попросил ему позвонить, что я и сделал с удовольствием. Обсудили предстоящее юбилейное торжество Семёна Ивановича. Планируется в Сергаче и Нижнем Новгороде). Попросил его добавить в статью о Распутине и прошлых семинарах.

Звонил Олегу Николаевичу. Он всё беспокоится о премии им. Андрея Платонова. Советует мне переговорить с Крупиным. Может, и правда позвонить Владимиру Николаевичу? Сам Шестинский чувствует себя плохо, болеет, слабнет. От этого на сердце у меня тревожно. Не дай Бог, не дай Бог...

Вроде бы что-то тронулось в городском департаменте культуры относительно моей книги. Звонили оттуда. Хотя сумма-то ничтожна. Но пусть хоть эта.

15 ноября

Позвонил Козину по оплате книги. Вроде бы всё решили. Михаил Иванович предложил приехать в Москву на заседание Клуба Н.И. Рыжкова, а перед этим всё «утрясти» с фотографиями для «Собирая Россию».

В издательстве долго мудрили с обложкой. Хорошими советами помог Валерий Шамшурин. После подарил свою книжку воспоминаний. Я дал понять, что на сердце у меня беспокойно от того, что написал о нём в воспоминаниях об Адрианове. В ответе Валерия Анатольевича догадался, что его это тоже тяготит. Моё признание всё-таки прозвучало хоть и скрытым, но извинением перед ним. Собственно, в этой же

«теме» и публикации Валерия в «Вертикали», и введение его в редакционный совет.

20 — 22 ноября Москва

Кодин забраковал почти все отобранные мною для книги фотографии. Всё придётся переделывать заново. На этот раз отбирали вместе — встречались два раза. Попросил убрать моё авторство с обложки и титула. Я согласился. Но в выходных данных своё авторство оставил. А обложка — это непринципиально.

Вечером встретились с Борисом на Тверской у памятника Пушкину. Холодно, промозгло — время для прогулки малоподходящее. Потому зашли в знакомое кафе у театра Маяковского, выпили по сто граммов водки. Уже оттуда прошли до музея Пушкина на Пречистенке, где проходил вечер к 75-летию Василия Белова. Замечательный, удобный зал (внутренний дворик) покрыт стеклянной крышей. Вологжане постарались — сделали хорошую музыкально-поэтическо-литературную композицию. Показали видеофильм-интервью о Белове. Василий Иванович стар и (да простит он мне эти слова) где-то даже жалок. Но зато я впервые увидел Тимонику, его дом, восстановленную им церковь.

Хорошо, что вечер был избавлен (почти) от официальных поздравлений. Подарили всем гостям новую книгу (со старыми рассказами) Василия Ивановича, угощали вином и шампанским (без всякой закуски). Произошла тусовка, во время которой многих повидал, а с Шуртаковым ещё и договорились назавтра встретиться.

21.11. Утром (раньше Кодина) приехал в университет. Опять фотографии. После у Ларионова. Взял журналы со своей публикацией и фотографии с заседания исполкома. За обедом вспомнили Белова. Добрых слов у Ларионова не нашлось и для него. Называл его Арсений «деревенским хитрецом». Позвонил я Шестинскому. Пообещал завтра заехать. В Союзе на Комсомольском проспекте встретились с Шуртаковым. Вообще-то разговаривать с Семёном Ивановичем тягостно из-за его полного погружения в собственное «я». Более для него нет ничего важнее и значимее. Читал мне письмо Распутина — отклик на статью Шуртакова о книге бесед Валентина Григорьевича с Кожемяко. Подарил книгу детских рассказов. Здесь я ему сказал (с трудом вставив в разговор, но получилось к месту), что мой детский рассказ напечатан в газете «Московский железнодорожник» на конкурсе им. Платонова. Шуртаков на это сообщение прореагировал вяло. Но, во всяком случае, я это сказал.

В гостинице «Даниловская» Клуб. Выступает журналист и ведущий программы «Постскриптум» Алексей Пушкин. Дал интересный расклад российско-американским и российско-европейским отношениям. Хотя вроде бы ничего нового — все хотят нас ограбить, при этом, конечно же, не считаясь ни с какими нашими интересами. Все многочисленные уступки (военные, экономические, политические), совершённые Россией в одностороннем порядке, остались безответными и неоплаченными. Теперь вроде бы Путин начинает противостояние.

Записи этой беседы я не вёл (хотя жалею, что не взял диктофона), ибо теперь в «Вертикали» буду давать материалы о Клубе Н.И. Рыжкова дозировано, скупно. Нужно серьёзно пересматривать концепцию издания. Кстати — подарил «В-19» Михаилу Леонидовичу Титаренко. Интересно, как он отреагирует.

22. 11. Встал в 6-30. Оперативно собрался и отправился на Киевский вокзал. На два часа успел съездить в Переделкино к Шестинскому. Там как-то морознее, свежее. Солнце, небо синее, дышится хорошо. Говорил с Олегом Николаевичем о премии (по его инициативе и обеспокоенности) и его творчестве. Подготовлено у него две новые книги — стихов и прозы. Думает о предстоящем 80-летию. Кстати, обронил Олег Николаевич и такую фразу: «Эта премия под эгидой Союза писателей России»

(Это к тому, что Ларионов меня подставил, без моего согласия выдвинул и избрав в ничего не значащий и не решающий исполком. А вот Союз на Комсомольском это разозлит.) С Шолоховской проще, там всё решают Бондарев и Ларионов, там всё в порядке. Сказано было вскользь, что значит, какой-то разговор был. Впрочем, Ларионов так часто не выдерживает своих обещаний.

Вообще — я не пекусь о премиях (хотя, для престижа «Вертикали» они, наверное, нужны), просто так получилось, что в эту поездку о них были разговоры.

Ну что же, на этот раз план работы в столице я выполнил. Даже с Аршаком на вечере Белова переговорил (правда, безрезультатно). Он оказался, пусть и добрым малым, но в своих словах необязательным. Потому уезжал в настроении радостном, приподнятом.

23 ноября

Окончательно вывели и я подписал вёрстку книги «Собирая Россию». Корректурa в 73-х страницах. Но теперь уже все сроки упущены безвозвратно. Трудный разговор с Игорем. Я готов уже был совсем отказаться от публикации книги — столь невыгодные условия он выдвинул. Пришлось потрепать нервы. Думаю, это наше последнее сотрудничество. «Жадность фраера сгубила».

24 ноября

Макетирование блока фотографий. Опять всё делаю сам — расставляю фотографии, обрезаю и так далее. Ушло на это нервных полдня — плачу деньги и сам же работаю. И он ещё хотел меня ободрать, как липку. Хотя и так получается недёшево.

С Шестаком и Цветковым идём ко мне в кабинет. Приходит Шаров. Всё как всегда — разговоры, споры. Я снимаю напряжение прошедшей недели. Сергей рассказал, как смотрел по поисковику в интернете информацию о «Вертикали». По названию журнала — ничего нет. «Набрал «Валерий Сдобняков. Вертикаль. XXI век» — высветилось миллион ссылок».

26 ноября

Внесена последняя корректурa. Ушёл в производство текстовый блок книги к юбилею «Московского интеллектуально-делового клуба (Клуб Н.И. Рыжкова)».

29 ноября

Подписал для печати блок цветных фотографий. Времени для публикации книги — в обрез. На сердце от этого беспокойно. Успеют ли? Будет ли должное качество? А ведь ещё тираж нужно будет успеть отвезти в Москву. Насчёт поездки предварительно переговорил с Шестаком. Пока не отказался, но и твёрдо не пообещал.

Позвонил о. Владимир Чугунов. Я его сразу и не узнал. Разговаривали больше часа. Он опять начал писать. Хочет уйти за штат по здоровью. В епархии творится что-то невероятное. К владыке не пробиться — все вопросы решаются его окружением (а оно жестоко и сребролюбиво). Епархиальное управление превратилось в машину по выколачиванию из приходов денег. Священников без объяснений снимают с приходов и закидывают в глухие сёла, а то и в «запрет». До духовных ли тут вопросов. Всё это слушать и горько, и жутко. Купола крыты золотом, в храмах всё блестит, полы мраморные, а служить уже некому. В городские церкви приезжают служить сельские священники. Иначе, хоть двери закрывай. В семинарии недобор. Такая обстановка.

Отнёс в городскую библиотеку два номера журнала «Слово» № 5 (2007 год) с моими очерками о «Волге» и «Ветлуге», а Ларионову отослал рассказы «На острове» и «Съёмщик».

6 декабря

С таким трудом начал писать очерк о Заноге и Пурихове (никак не удавалось нащупать начало, найти первую ноту), но пришёл Валентин Николаев, затем Шаров, и всё оборвалось. Николаев считал, что журнал «загнулся», пришёл забрать рукописи — «Чтобы не потерялись». Отдал их сразу и с облегчением. Сам это давно хотел сделать. Но к подобным (предательским) фокусам Арсеньевича никак не могу привыкнуть! Знаю его тридцать лет. За эти годы он ни разу никому не помог. Завистлив к чужому успеху. Но вот свела нас судьба, и как быть!..

Домой звонил Чугунов. Голос уже бодрее, увереннее, не в пример первому звонку. Спрашивал, как зарегистрировать свой альманах. «Вертикаль», видно, покоя не даёт. Предложил ему для продажи свои книги и журналы. Всё-таки расширение читающей аудитории.

9 декабря

Пусть сегодня и воскресенье, но собрались у меня в кабинете по поводу книги совместно с Цветковым и Шаровым. Кажется, вопрос финансирования тронулся с места. Нужно заканчивать с вёрсткой. Настроение у всех троих мирное. За время совместной работы всё-таки притёрлись.

По факсу отослал свой рассказ Виктору Карпенко для сборника Литфонда. Вроде бы не очень мне это всё и важно. Но раз предлагают...

11 декабря

Вчера узнал, что Коломиец в Москву не едет, и значит, книги для Клуба я должен доставить в столицу сам. Ладно, что Шестак не отказался. Вчера же новость от Шарова — администрация Советского района забрала в подготовленной книге тексты Цветкова. Я тут же сказал, что в таком случае тоже отказываюсь от публикации. «А они и ваши забраковали» — радостно сообщил Шаров. Будут печатать (проплачивать) только воспоминания Павла Павловича.

Ирина в это время была у меня в кабинете (заехала попить чаю), и была поражена этим предательством Шарова общего дела. Мне тоже от этого противно. В очередной раз удостоверяюсь — как обыватель продаёт любое благое дело «за понюшку табака».

Мою кандидатуру, выдвинутую на премию Платонова, комиссия не поддержала. Я это предчувствовал, но всё равно неприятно. Деталей не знаю. Новость сообщила Нина Николаевна. Олег Николаевич после поездки в Москву, «расстроенный лёг спать». Книгу о Клубе вроде бы уже собирают и к сроку должны успеть. Хотя блок с фотографиями печатали на принтере только вчера. Сама типография на станке качество запоролла.

12 декабря

Шестинский рассказал, как проходило голосование по моей кандидатуре на премию Андрея Платонова. Он подготовил серьёзную речь, всё обосновал. Но, как оказалось, по его словам, «Метал бисер перед свиньями». Явно, кандидатура уже была выбрана другая. (Кем? Ганичевым?) и Владимир Крупин её назвал, а Семён Шуртаков и Владимир Костров молча проголосовали.

Олег Николаевич разнервничался, переживает случившееся. Я, как мог, успокаивал.

В кинотеатре «Рекорд» вечер памяти схимонахини Марии (матушки Макарии). Проводит Мария Сухорукова (она же подарила мне свою толстенную книгу стихов и кассету со стихами) и Ирина Высоцкая. Всё — сухо, формально и малодушевно.

Вечером звонок о. Владимира Чугунова. Книги и журналы он забрал, но вот в пачках пока всё на месте. Оказывается, одна его машина, занимающаяся реализацией книг, доезжает аж до Читы! Опять почти часовой разговор обо всём — литературе, его планах...

13 декабря

Забрал книги в типографии. Листы с фотографиями в них покорёжены. И что мне говорит заказчику? А времени исправлять уже нет. Звонил в Питер. В бывшем помещении редакции «Всерусского собора» уже сидят другие люди. С Кодиным договорились встретиться завтра утром у П.И. Кононенко.

14 — 16 декабря Москва

Около часа ночи выезжаем с Сергеем в Москву. Дорога трудная, видимость плохая, но путь преодолеваем по графику и без происшествий. В десятом часу в гостиницу «Мотор Сич» приезжает Кодинов. Все вопросы по тиражу решаются положительно. Вздыхаю с облегчением. Михаил Иванович жутко раздражён, ругает Володую Шемшученко, Юрия Голубицкого (премию Александра Невского получил, вместо того, чтобы её дать Кодинову), просит меня передать Владимиру, что выходит из редсовета «Всерусского собора», а сотрудничать будет только с «Вертикаль». И ещё много подобного было сказано, чему я не очень-то придавал значение. Всё пройдёт, забудется. К тому же Шемшученко найдёт способ помириться (что и произошло на следующий день во время юбилейного вечера). Остаток дня после бессонной ночи с Сергеем бродили по Московским бульварам.

Еду на ужин. Здание Президиума академии наук просто потрясает своими масштабами. У входа повстречался с академиком Абалкиным и уже вместе с ним поднялся на третий этаж в ресторан «Летний сад».

Отдыхать в Клубе не умеют. Весь вечер нудно и долго награждали общественными орденами. Так что самое яркое впечатление — это от интерьера зала. Внутренний дворик в пять этажей в высоту закрыт мощным стеклянным куполом. Внутри зелень, пальмы. Удобно, вокруг сцены расположены столики.

Моя книга «Собирая Россию» выставлена на столе перед рестораном. Взял для себя две штуки. Подумал — всё равно останутся экземпляры, заберу после ресторана сколько нужно. Но когда вышли после торжества — ни одного экземпляра не осталось. Всё разобрали — подчистую.

С Кодиным только поздоровался. Ушёл не прощаясь.

17 декабря

С утра готовлю к отправке по почте книги. Приехавший ко мне в музей Саша Пашков сообщил, что умер Проимин. Я с Константином Даниловичем виделся в последний раз 12 декабря в киноцентре «Рекорд». После вечера распрощались на перекрёстке. Я пошёл по Алексеевской в сторону площади Минина, он в сторону Варварки. Оказалось, что распрощались навсегда. Завтра похороны.

Закончил с Игорем все расчёты по этому году. В себе ощущаю некоторое опустошение. К сожалению, за 2007 год не написал ни одной большой вещи, да и вообще творчески поработал слишком мало.

18 декабря

Похоронили Константина Даниловича. Всем руководила военная команда. Великое облегчение родственникам. Кладбище — бывшее поле ближе к Кстову. Уже полностью занято. Жутко даже.

Все говорили хорошо и искренне. Покойный того заслужил. Узнал, как пришла к нему смерть. В воскресенье принял душ, оделся во всё чистое и сел в кресло к телевизору. Пришли внучки и подумали, что он спит. И только приглядевшись поняли — не дышит.

Больно было смотреть на Половинкина. Смерть Проиминой, ближайшего друга (да и по возрасту они близки) его потрясла. Видно было, как всё произошедшее Владимира Васильевича чисто по-человечески напугало. Иван Кириллович Кузьмичёв, напротив, был духовно крепок. Ещё

ко мне подошёл, поблагодарил за журнал и посочувствовал — не последний ли выпуск?

22 декабря

В мастерской у Заноги смотрели новые этюды, сделанные во время походов на яхтах по Волге и Каме. Видеофильм о перегоне яхты-катамарана из Набережных Челнов в Нижний Новгород. Записали для меня диск с репродукциями его картин и много о чём переговорили. Я сделал некоторые записи для себя, чтобы написать о Владимире статью. Вот уже не первый год пытаюсь это сделать — но как заклинало. Топчусь на месте.

25 декабря

В Литературном музее А.М. Горького расширенный учёный совет. Поначалу Т.А. Рыжова немного рассказала о прошедшем году (они из федеральной собственности ушли в областную, и это для музея хорошо), затем небольшая экскурсия и концерт квартета камерного оркестра «Солисты Нижнего Новгорода». Думаю, все пришедшие исполнением музыки остались довольны. За фуршетом чувствовалось настроение приподнятое, говорливое. Вообще, этому музею удалось сохранить в своих стенах ощущение камерности, не суетливости. Подобных мест в городе мало.

29 декабря

Спонтанно собрались у меня в музее. С Анатолием Пафнутьевым только договаривались заранее. Виктор Пурихов и Владимир Цветков пришли поздравить сами. Ещё и дожидались меня в фойе около часа. Затем и Павел Шаров прибежал — будто ничего и не было, никакого предательства. А Коломиец всех нас пригласил к себе. Но Пафнутьев с Виктором отказались, немного погодя ушли. Мы же вчетвером хорошо посидели. Мне полегчало на сердце, что смягчил я своё отношение к Павлу Павловичу. Вроде бы как простил его... Только не совсем, не до конца... Но это уже моё, он этого не знает. Пусть в Новый год идёт с лёгкой душой...

31 декабря

Впервые в новогоднюю ночь вдвоём с Ириной. Мне хорошо и покойно. Давно так не чувствовал себя в этот праздник. Накрыли маленький столик с закусками — икра, форель, мясо, овощи, фрукты. Пили шампанское. Хорошо!

УЖЕ И СЕКИРА ПРИ КОРНЕ ДЕРЕВА...

2008 год

3 января

Долгие праздники, утомительные. Чтобы их как-то разбить ещё во время новогодних звонков-поздравлений договорился с Пафнутьевым и Цветковым о сегодняшней встрече у меня в музее. Сначала пришёл Анатолий. Приступили с ним к подготовке книги «Литературная мозаика». После Владимир. Это была встреча родственных душ.

6 — 7 января

Ближе к полуночи пришёл в собор Александра Невского. Мороз. В храме поначалу свободно, но к началу службы уже плотно. Вся центральная часть огорожена и закрыта. Видимо, работают над иконостасом и росписью стен.

Душевно был сосредоточен. Помолился и многих в своей молитве помянул.

Днём в Союзе застолье. Играл скрипач. Юрий Хромов раздавал членские удостоверения Литфонда. Валерий Киселёв сказал мне добрые и искренние слова о «Вертикали». Был и Захар Прилепин. Я ещё не читал его «Грех». Да мне кажется, никто из присутствующих тоже. И это плохо — нет интереса к труду ближнего. Селезнёв выпускает свой новый сборник стихов. Хочет мне завезти.

Домой звонил Цветков. Статью для нашей книги он подготовил. Завтра приедет ко мне домой, покажет.

9 января

Ещё одна смерть — поэта Александра Тюкаева. Внезапная и страшная. Позвонили Селезнёв с Климешовым. Уже поминают. Как-то немного жутковато от всех этих скоростижных уходов из жизни.

18 января

Владимир Цветков свою книжку («Куклу Троцкого») сдал в типографию. Встретился с благотворителем и договорился о финансировании нашей общей книги. Всё вроде бы складывается благополучно. Ведём разговор о возможной реализации. Это важно не столько с финансовой точки зрения, сколько с популяризаторской. Это даёт возможность более широко разойтись книге. У меня в ней свои воспоминания о писателях. Нужны ли они кому-то кроме автора — я не знаю. И это меня постоянно «напрягает» вплоть до того, что хочется снять свою публикацию. С другой стороны, это наше сотрудничество сможет придать какой-то новый жизненный импульс и изданию «Вертикали». В свою очередь, эти заботы как-то соприкасаются и с разговорами с Чугуновым о возможном сотрудничестве по журналу. Вчера он мне вечером звонил, проговорили больше часа. Я понимаю, у себя в деревне он томится без литературного общения. Особенно сейчас, когда вновь принялся писать прозу. Может быть, потому он и мечтает о своём новом журнале или альманахе. Видимо, какие-то планы в этом отношении он строит и насчёт меня. Но ведь я готов к сотрудничеству, если только это будет происходить в рамках «Вертикали». Пусть и на паритетных началах.

С Цветковым пошли в Художественный музей на открытие юбилейной выставки Кима Шихова (75 лет). Много приятных встреч. Живопись хорошая (особенно портреты). Пейзажи тоже интересны сами по себе, но несколько утомляют своей однотонностью, словно «штампованной» манерой письма. Довольно значительная часть работ совсем новые. В таком возрасте это радует.

Два момента во время выставки. Долгий разговор с Липой Грузманом по поводу его иерусалимской книжки. Я довольно резко её покритиковал, но о заслуженном сказал и добрые слова. Перед выставкой Липа подарил третий том своих «Еврейских тетрадей». Опять просил прочитать. Согласился, но без особого энтузиазма. Кстати, Наташа Адрианова принесла новую книгу стихов Юрия. Хорошо издана. В цветном оформлении из этюдов Адрианова. Какой всё-таки ему «памятник» выстраивает своими трудами Наташа — публикуя и распространяя, популяризируя творческое наследие Адрианова, вынимая «из закров» неизданное. Это редкое счастье для писателя.

Отвёл меня в сторону Шамшурин. Владыка хочет встретиться с писателями. Валерий предлагает пригласить Евгения Павловича Титкова, Алексея Марковича Коломийца, меня, Володю Жильцова. Конечно, чтобы состоялся серьёзный разговор, нужно поменьше людей, но думающих.

22 января

Неприятное письмо получил по электронной почте от Николая Переслова. Передаёт возмущение Ганичева по поводу моего избрания в исполком Юрия Бондарева.

Приезжал в редакцию Чугунов. Смотрел место под будущий магазин в холле «Волгагеологии». Я обещал помощь, но теперь, наверно, откажусь от этой затеи.

24 января

Завершена вёрстка большой книги Коломийца. Гену Щеглова эта работа измотала, так мне кажется. Но он уже приступил к следующей — над нашей с Цветковым книгой.

Сегодня сороковой день смерти Проймина. Собрались в кафе «Гусарская баллада» в Кремле. Пришли наши. Говорили хорошо и помянули достойно, по-доброму. Всё так происходит вокруг памяти Константина Даниловича, как он сам поступал и жил — размеренно, достойно, без резкости. Задумчив был Иван Кириллович Кузьмичёв. Словно в некоем предчувствии. Говорили: В.В. Половинкин, Н.М. Фортунатов, Е. Эрастов, Л. Калинина, А.М. Цирульников.

С Цветковым прошли в выставочный зал на открытие выставки нижегородского художника (фамилию не запомнил). Хорошая, правильная, классическая школа живописи. Автору исполнилось 75 лет. Говорили с Кимом Шиховым о его выставке. Я хвалил, и делал это искренне.

Вспомнил фамилию юбиляра — Юрий Иванович Кузякин.

25 января

Позвонил Виталию. Радостно друг с другом поговорили. Розе всё больше о том, что должно свершиться. На душе у меня после разговора с Виталием светло. Это от него исходит такая радость.

29 января — 1 февраля. Москва

Едем с Алексеем Марковичем на его машине. Устраиваемся в «Измайловской» на двадцать втором этаже с комфортом, с оплаченными завтраками.

30.01. Еду в «Совесткий писатель». Ларионов одаривает книгами и сразу же усаживает за стол, разливает водку в серебряные рюмки. Приходится выпить. После чая звоню Кожину и застаю его на месте. Еду в РГСУ. Немного решаю с ним по финансам, но главное — он звонит обо мне Кононенко. Там вроде бы тоже всё положительно, но моя поездка на «Сокол» оказалась лишней. Пётр Иванович уже уехал из офиса.

Вернулся в «Советский писатель». Увы, Ларионов, похоже, пил весь день. Но удостоверение моё члена МСПС приготовил. Я его забрал, как и пакет с подаренными журналами и книгами. В течение этого дня звонил мне на сотовый Семён Иванович Шуртаков. Мне показалось, несколько настороженно. Мой очерк о нём он во второй раз прочитал, и что-то там поправил. Хочет встретиться и поговорить во время его юбилейного приезда в Нижний. Я согласился.

31.01. С Алексеем Марковичем у Шестинского. Там же был и Лукин с Галиной, но они сразу откланялись. Поздравили Олега Николаевича с днём рождения. Передал ему присланные мне для копирования письма болгарина Павла Матева (оригиналы). Фотографировались на телефон Алексея Марковича. Олег Николаевич положил свою ладонь мне на руку, и я почувствовал сквозь рубашку, как она холодна — словно ледяная.

Вернувшись в Москву, пообедали в ресторанчике у Клыкковского центра Славянской письменности и культуры — старинная русская усадьба. Неожиданно у входа в Центр столкнулся с Алексеем Алексеевичем Сениным. Мы-то приехали сюда с Коломийцем на вечер Бориса Лукина. Он представлял свою новую книжку стихов. Но так получилось, что его отодвинули на второе отделение, после чествования редактора журнала «Вдохновение». Ведущая всего этого действия поэтесса Нина Карташова извинялась, но ситуацию уже не исправить. Многие, конечно, не дождалась и ушли.

Что касается стихов, прочитанных Лукиным, то на слух они совсем не воспринимаются. Когда читаешь их сам, с листа (да не один раз), то

авторский смысл доходит. Его стих и интимен, и многословен. Но залу это передать, мне кажется, не удалось. Впрочем, Борис был рад, что всё благополучно закончилось. Расстались мы в добром настроении.

Следующим утром, после хорошего завтрака, отправились домой. Всю дорогу читал книгу Н.Н.Третьякова «Образ в искусстве». Замечательный труд, на многое открывающий глаза. Особенно мне сейчас, когда пишу очерк о Владимире Заноге и Викторе Пурихове.

5 февраля

Книга «Прошлое с нами» сдана в типографию. К концу месяца должна выйти. Когда забирал вёрстку у Щеглова, в кабинете председателя повидался с Половинкиным. После смерти Пройма он стал другим — похудее, бледнее, лицо как-то оплыло... помертвело. Именно лицо не дряхлое, а бледно-мёртвое, незнакомое.

7 февраля

Заседание Правления в Союзе. Кроме прочего, Шамшуринов возмутился последним выпуском «Земляков» под редакцией Рябова. Тому уж очень захотелось почувствовать себя хозяином. Жильцов быстро перевёл разговор на утверждение нового состава редколлегии сборника, куда в очередной раз включил и меня. Возражать не стал. Второй вопрос — Болдинская премия. Присуждается впервые. Не обошлось без доброжелательной дискуссии. Утвердили «Болдинскую» книгу Цирульниковца, ещё не изданную книгу стихов Рябова (к 60-летию). Вопрос о постановке на учёт в нашей организации Бориса Лукина решился легко. Выбрали две комиссии по литературному наследию Константина Пройма и Александра Тюкаева. В первой я председатель.

Во время заседания позвонил мне Ларионов. Кажется, пьяный. Приглашает в Москву 14 февраля. Ехать ли?

9 февраля

Отмечаем девяностолетие Шуртакова. Торжества были в Сергаче. Оттуда привезли Ганичева с супругой, Котькало, Дорошенко, Парпару. Со всеми добрые, с Парпарой и Котькало даже душевные отношения. Анатолий Анатольевич привёз свои «Исторические газеты», где в одном номере ещё за декабрь напечатана добрая рецензия на «Сопrotивление нелюбви».

О моих контактах с Ларионовым никто и не заикался. Правда, в моём кабинете Ганичев на них намекнул. Указывая на грамоту Союза писателей России с его подписью сказал: «Наверно, надо лишать её». «Почему же?» «Ну как, вы теперь у них...» Последняя фраза произнесена неопределённо. Я объяснил, что это «у них» произошло без согласования со мной. «Но с Олегом Николаевичем мы как были друзьями, так и останемся» — спокойно подвёл я итог этому разговору.

Шуртаков привёз свою правку на мой очерк о нём. Стилистические замечания верные. Но печатать очерк «Фотография на память» в ближайшее время я не буду.

Кстати, в «Российском писателе» прочитал, что премию Андрея Платонова получил Сергей Шуртаков. Это заслуженно. Просто нам не повезло, что сошлись в один год. Впрочем...

После обеда встреча в областной детской библиотеке всей делегацией. Библиотекари подготовились хорошо, всё прошло не скучно. Даже мне было интересно. Переехали в Литературный музей. Опять всё достойно. Поздравляли больше двух часов, и всё искренне, без официоза. Хотя вечная наша проблема — затянули несколько.

С окончанием всех застольных перепетий провожали москвичей на Московском вокзале с объятьями и поцелуями. В том силе и с Ганичевым. Конечно, искренности в этом ни на грош. Но всё-таки показатель, что всё завершилось благополучно.

11 февраля

У меня в музее встреча с Виктором Карпенко. Попытался «втянуть» его в выпуск «Вертикали». Кажется, что-то удалось. Во всяком случае, он готов включиться в реализацию журнала по районам области, через свои отработанные многочисленные связи. Правда, при некоторых, вполне выполнимых с моей стороны условиях. Они касаются его повести об Афганистане — «Узники крепости Бадабера».

15 февраля

Газете «Православное слово» — 15 лет. Отмечаем в Союзе. Пришлось и мне выступить. Уже потом за столом фраза Алексея Николаевича Сахарова: «Православие нельзя отождествлять с русскостью». Сослался на Евангелие: «Нет ни элина, ни иудея». Ну что же, Сахаров и есть Сахаров. Им русское поперёк горла. Я же подумал: «А ведь действительно, не прими Россия православие (конечно, по промыслу), и что бы с этой религией было? Осталась бы маленькая секта на Ближнем востоке? Только в таком сравнении проникаешься всей не случайностью происходящего и всем величием Божиего промысла и в нашей судьбе, и в судьбе мира, его истории».

17 февраля

Литературный музей. 60-летие Пашкова. Холодно. И у меня на сердце холодно. Зря пошёл. Хотя, если бы не пошёл — наверно, стало бы ещё хуже. Пальч бы окончательно обиделся.

Провёл он этот вечер оригинально. Прочитал четыре больших очерка о четырёх своих друзьях (Демурове, Жильцове, Терханове — композиторе, Краеве — художнике).

Домой шёл пешком. Мороз и ветер. Я в дублёнке, шапке — это спасает. Зашёл в Кремль посмотреть памятник Пурихова. И расстроился. Очень неудачно поставлен. Непонятно, с какой стороны на него смотреть.

18 — 21 февраля. Москва

Едем с Алексеем Марковичем. Но останавливаемся в «Измайловской» не в «Альфе», а в «Гамме».

19.02. День в беготне. Удалось получить гонорар в редакции «Литературной газеты» и переговорить в «Мотор Сич» с Кононенко. Толкотня в Союзе. Отношения с Переясловым становятся всё более напряжёнными. Конечно, обменялись мнениями по поводу Ларионова.

20.02. Собор, Кремль. Оказывается, наши билеты на балконе и на самом последнем ряду. Рядом и делегация «Нашего современника» — сын Станислава Куняева Сергей, Гусев, Казинцев.

На этот раз обошлись без президиума. Прослушал только выступление Ганичева, Патриарха, митрополитов Кирилла и Лавра (зарубежная церковь). Когда начались выступления молодёжных коллективов — пение, пляски — ушёл. Прогулялся по Кремлю к царям — колоколу, пушке. Обошёл храмовую площадь. Но холодно. Ветер пронизывающий, гонит позёмку.

Ещё во дворце позвонил Кожину и напросился на встречу в Клуб (узнал у Шемшученко). Хотелось получить фильм с юбилея. Перед этим решил съездить в гостиницу, отдохнуть. Но время ещё есть, чтобы зайти в «Советский писателю», узнать последние новости, да и получить что-то из книжных новинок. Ларионов усадил за стол, и до шести мы прображничали, выпив почти две бутылки водки.

На Клубе оказался банкет в честь 23 февраля — и только (Котельническая набережная, 17). Неприятно поразил меня Шемшученко, опубликовав в журнале (который всем раздавал) моё интервью с Кожиним без указания моего авторства. Непорядочно. Нечестная конкурентная возня.

Взял при расставании у Михаила Ивановича диск с фильмом о торжестве в ресторане Академии наук в честь 15-летия Московского интел-

лектуально-делового клуба (Клуб Н.И. Рыжкова)». Попрощался с Кодиным холодно.

Назад шёл пешком через Красную площадь. Думалось о неприятном. Всё-таки, видимо, дело во мне самом. Гибче надо быть. А с Кодиным всё-таки надо рвать. Это решение я принял окончательно.

21.02. Перед Пленумом Союза писателей в ЦДЛ прошёлся по утреннему Арбату. Решил посмотреть мемориальную доску, открытую в честь Юрия Казакова. Оказывается, большую часть жизни он прожил в этом арбатском доме. Около часа просидел на заседании, прослушал стихи студентов Литинститута (не впечатлило). В фойе вышел с Лукиным. Он всё-таки болен, но планы на будущее большие. Много ездит, пишет стихи. Подошёл и Переяслов. Коломиец всех угощал сухим вином. Жаль только, мельком повидал Андрея Реброва. Он мне звонил вечером, когда мы уже подбегали к Вязникам.

И всё-таки грустно, гнетёт что-то душу, и как от этого чувства освободиться — не знаю.

Повидался за эти дни с Парпарой (на Соборе), с Печерским (в ЦДЛ).

24 февраля

Пришли из милиции. Традиционная проверка охотничьего оружия перед приездом на ярмарку высокого гостя. На этот раз Дмитрия Медведева. Он по приемственности должен получить от В.В. Путина пост Президента РФ. Забрали моё ружьё — просрочена лицензия. Мало у меня проблем — сотворил себе ещё одну. Но страх властей даже перед охотничьим ружьём («А вдруг вы с балкона начнёте стрелять», — так ответил один из милиционеров на мой вопрос о проверке.), а значит, что перед простым народом — показателен. «Чует кошка, чьё мясо съела».

25 февраля

В областном доме пионеров имени В.П. Чкалова 1 канал (ОРТ) провёл отбор молодых талантов (от 9 до 15 лет) для какого-то нового проекта. Я был среди четырёх членов жюри. Самое интересное — посмотреть на наших детей одновременно и в таком количестве (около двухсот человек). Галерея портретов. И почти без исключения — какие они замечательные, чистые, волнительные. Даже в душе у меня потеплело. Хотя интеллектуальная подготовка оставляет желать лучшего. Но это произошло от того, что местные службы министерства образования не сработали должным образом. Дети не всегда понимали, для чего они пришли. Что надо не просто свои таланты показать (танцы, пение, стихи...), а эрудицию. Но всё равно за всех них я порадовался.

27 февраля

Сначала всех собрали в большом зале в губернаторском Доме правительства, а уже оттуда на автобусах повезли на Нижегородскую ярмарку, в Гербовый зал.

Медведев устроил что-то наподобие пресс-конференции. Правда, вопросы все были подготовлены заранее. Задавались заученно, скучно. А ведь люди (150 человек) приехали со всей России — от Камчатки и Сахалина до Питера и Калининграда. (Сколько же бюджетных деньжищ на это потрачено! И всё только для того, чтобы изображая массовку эти люди полтора часа посидели в зале). Но более всего было скучно от слов самого претендента на пост Президента. Говорил всё правильно, но «без души», равнодушно. При этом всё кивал на развитые страны, Европу. Будто у нас не было своего тысячелетнего пути. Европа же всегда только использовала нас в своих целях и обманывала. Видно, у этих ребят разработаны какие-то схемы. Но все без глубокого национального осознания, национальной направленности. Потому предвижу — ждут нас впереди новые потрясения, разочарования. А ой как их не хочется.

Звонил вчера Шестинскому в Переделкино. Его только что привезли из больницы. Впервые Олег Николаевич так трудно, через силу говорил. Я обеспокоен, нет ли тут чего худого...

Вечером (вчера же) Чугунов в телефонном разговоре сообщил, что в Сибири все мои книги и журналы продали. Машина ездила больше месяца. Это обнадеживает на дальнейшее сотрудничество по реализации «Вертикали».

И ещё — оказывается, после юбилея «Православного слова» Валентин Николаев шёл домой, упал и сломал ногу. Это худо.

28 февраля

На Автозаводе (посёлок Северный) библиотеке присвоили имя Юрия Адрианова. Ехать далеко, но делать нечего — пообещал Наталье быть.

Библиотекари постарались, устроили хорошую выставку из книг, документов, фотографий, этюдов. Хотя обидно — они совсем ничего не знают о творчестве Юрия Андреевича. Да и о нём самом... Странно. Об Адрианове, как я понимаю, говорили самые близкие его друзья: Цирульников, Кессель, Гринес, Галай, Рябов. Как это у них всегда получается — быть среди первых, на виду. Я от выступления отказался.

Хитрый Фигарев так всё устроил, что пришлось с ним ехать в гостиницу к Ковшовой. Люба жутко постарела — прямо старушка маленькая. Кстати, от неё узнал, что первого марта будет годовое собрание в Союзе.

1 марта

Ирина в квартире меняет окна. Работяги шумят, громко разговаривают. Я при ней целый день провалялся в закрытой от пыли комнате на кровати. Читал и терзал своё сердце последними известными новостями. С трудом подавлял в себе гнев, обиду. Почему в местной «писательской» среде всё делается так плохо.

Уже вечером выбрался на улицу. Ходил по своим ближним маршрутам, пока не вышел к Староярмарочному Собору. Решил пойти на службу. Народу немного, хор пел замечательно. Служил Архиепископ Георгий. Сказал он проповедь перед Великим постом, из которой я мало что расслышал. Но обличение того, что в сердце своём мы держим зло, гордыню, уяснил. (Владыка приводил слова святых — «Мы там, где наше сердце»). И от этого и своё сердце я потихоньку успокоил. Будто прозрел. По окончании службы Владыка многих благословил (выстроившихся вдоль ковровой дорожки). Крестил и пальцами дотрагивался до головы. Я стоял в отдалении, но он и до меня, улыбнувшись узнавая, специально дотронулся. Было в этом что-то неслучайное...

3 марта

Кашляю нехорошо, но на улице стоит плюсовая температура. С крыш течёт. Поехал скидывать с крыши гаража остатки снега. Надо бы это было сделать несколькими днями раньше. Но и теперь, как оказалось, не поздно.

Вчера, в воскресенье, ездил к себе в кабинет, писал о нашей поездке и собирал материалы для «В-20»: сегодня после гаража заехал в типографию (новую для меня — завод ГЗАС), договорился и оставил часть материалов. Попробуем там сделать максимум. Позвонил Жильцов. Я думал, что больше не буду с ним разговаривать, но наговорить ему резкостей не сумел. Тот как лиса — со всеми хочет быть в ладу. Он же сообщил — в Арзамасе умер С.Г. Кондаков (55 лет).

24 марта

Закончил сегодня очерк «И просто — жить». Первая большая вещь за два года. Испытываю облегчение. Сомнения относительно того — получилось что-то или нет, вчера развеял Цветков. Дал ему прочитать черновой вариант, и он оценил текст высоко. Думаю, говорил искренне.

Вчера же с Владимиром ездили в мастерскую Заноги. Сегодня вечером позвонил Шестинскому. Книгу нашу он получил, но ещё ничего не читал. Очень слаб и продолжает находиться в подавленном состоянии. Так «сломало» его в больнице.

27 марта

Карпенко привёз макет «В-20». Качеству (безвкусице) я ужаснулся. Всё надо приводить в порядок. Но прежде успокоиться. Ох уж эта укоренённая провинциальная халтура. Всё делается кое-как — без любви, без вкуса, без ответственности перед читателями.

28 марта

На площади Горького маленький митинг. Собрали нас немногих, чтобы возложили цветы к памятнику писателя. Стоял с Кузьмичёвым и Демуровым. Иван Кириллович как-то весело, без грусти, как о хорошо завершённом, выполненном деле говорил о том, что пришло время умирать, что подошёл итог его жизни. «Нет впереди большой цели, нет азарта, нет большой задачи, которую хотелось бы выполнить». Сказал запросто, без сожаления и даже довольно улыбаясь. Вот с таким бы настроением подойти к завершению собственного земного срока.

Наталья по электронной почте «перегнала» большую часть вёрстки «Русской доблести» Цветкова. Править почти нечего.

1 апреля

С Владимиром поехали на кладбище в 7-й микрорайон помолиться на могиле старца Иоанна и благословиться мне на дорогу в Москву. Уж слишком скучно у меня на душе перед этой поездкой. К тому же позвонил накануне П.И. Кононенко — и оказалось, он болен. Не работает. Похоже, что еду зря. Вот Цветков и «потачил» меня к старцу — чтобы укрепить.

2 — 3 апреля. Москва

Первый знак от старца! Встретившись в метро на Соколе со знакомым Владимира и передав ему наши книги, я всё-таки отправился в офис «Мотор Сич», и там совсем неожиданно застал Кононенко.

— Вы уже выздоровели?

— Да нет. Пришёл подписать документы и вот никак не могу уехать.

Получается, меня дожидался. Поговорили хорошо и вопрос мой решили положительно.

Вечер провели с Лукиным в ЦДЛ (там был вечер какого-то поэта) и у него дома. Получил много нужной информации.

Следующий день — у Ларионова. Оставил Арсению очерк для передачи Шестинскому. Олегу Николаевичу позвонил, сообщил, что в Москве, но заехать в Переделкино времени нет.

— Мне о многом с тобой надо поговорить. Приезжай.

Но по времени я никак не мог этого сделать. Пришлось вновь отправиться к Кононенко, забрать обещанное. И вновь чуть успел. Правда, зато до Нового Арбата доехал на машине с Петром Ивановичем.

До поезда проужинали с Ларионовым. Он настаивает, чтобы я срочно предоставил ему произведения для книги прозы. А потом ещё и оказал журналу посильную финансовую помощь. Вот только Арсений Васильевич ложится в больницу на две операции. Боюсь я всех этих хирургических вмешательств в эти годы. Хотя — что его беспокоит, мне неизвестно.

4 апреля

Володя Цветков фонтанирует добрыми новостями. И всё за эти два дня. Решилось и дело со спонсором — тот заказал ему новую большую работу.

Не откладывая, после обеда поехали на могилку к старцу — благодарить за чудеса, что оказались совершёнными по его молитвам. Когда стояли у креста, я смотрел на фотографию отца Иоанна, как на лицо живого человека. Мудрый, добрый и живой взгляд меня просто взволновал, если не сказать больше. Что это?

7 апреля

На радио прямой эфир. Разговор об Адрианове, о последней книге его стихов. Наталья, актёр нашего академического театра драмы Александр Васильевич Мюрисеп, я. Было много звонков, но в эфир дали два-три, неинтересных. Да и наш разговор получился мало содержательным. Хорошо, хоть Мюрисеп прочитал стихи Юрия Андреевича. Стихи хороши. А ведь шестидесятых годов.

Звонила Валентина Ерёмина. Предлагает на телевидении со мной записать две передачи «Свете тихий» — одна о «Вертикали», другая — общие вопросы духовной жизни православного человека. Дал согласие.

Цветков устроил у себя дома обед в честь Благовещения. Пили домашнее вино и ели рыбные блюда у стеллажей с книгами, которые занимают всю стену в комнате.

8 апреля

Разговаривал по телефону с Шестинским. Он прочитал «И просто — жить...» Говорит, что без репродукции эта работа не достигает своего эффекта. Читатель не может представить той живописи, о которой я пишу (о которой рассказываю в очерке).

Позвонил Ларионов. Уже через сутки после двух операций он убежал из больницы к себе на работу. У меня Арсений Владимирович спрашивал — получил ли телеграмму с поздравлением журнала с выходом двадцатого номера? Надо сказать, что поздравление странное, путанное и в исторических ассоциациях противоречивое.

9 апреля

Готов макет книги «Литературная мозаика» Анатолия Пафнутьева.

10 апреля

Готов макет «Русской доблести». Наталья позвонила, когда у меня в кабинете отмечали публикацию рассказов Сергея Шестака в журнале «Дальний Восток». Пришёл Валентин Николаев, после больницы сильно постаревший, похудевший.

На улице повстречал Шамшурина. Валерий Анатольевич взял меня под руку, шёл рядом и попросил, чтобы я вошёл в комиссию по подготовке к его семидесятилетнему юбилею. Он решает вопрос по изданию своего собрания сочинений в 4-х томах. Думаю — решит.

11 апреля

В Литературном музее представление книги Юрия Адрианова, изданной Натальей. Ведёт Чуянов. Зал полон. По моей просьбе дали слово Цветкову, чтобы он показал и наше «Прошлое с нами». Но Владимир переволновался и выступил плохо. Книгу для музея пришлось дарить мне.

13 апреля

Занюга у себя в мастерской устроил празднование 20 000 дня своей жизни. Кроме стола — хозяин много пел и показывал этюды с волжских путешествий на яхте. Замечательно.

Подарил ему распечатку «И просто — жить...» Виктор Пурихов листал её заинтересованно. Видно, искал текст про себя. Я показал и обещал ему тоже подарить этот текст, когда соберёмся в его мастерской по поводу установленного в Кремле памятника.

18 апреля

Телевидение. Записываем сразу две передачи «Свете тихий». Первая — смертная казнь, смертные грехи, Воскресение Христово. Вторая — «Вертикаль». Разговор получился несколько сумбурным и видимо, с моей стороны, мало доказательным. К удивлению ведущих (о. Гофмана и Ерёминой) я высказался за смертную казнь (оговорившись — в исключительных, особых случаях). В конце второй передачи — призвал власти обратиться к проблемам культуры. Что останется в итоге — не знаю. Теперь «Свете тихий» выходит на канале «Культура». Аудитории значительно поубавилось.

После записи я критически отозвался о деятельности епархии в вопросах культуры, и Гофман меня с жаром поддержал. Видно, наболело. Им захотелось этот разговор обязательно продолжить в эфире. Если так, то мне будет что сказать.

Никак не могу уехать в деревню. Теперь холодно и дождливо. А тянет туда, надеюсь хорошо поработать, закончить давний рассказ.

21 апреля

Сорвалось! Больше часа простоял на Московском шоссе, но автобуса в деревню так и не дождался. Вернулся домой. Нервы взвинчены. Злюсь неизвестно на кого.

Пока стоял у дороги, позвонил Андрей Ребров, сказал хорошие слова о «И просто — жить...» Будет печатать этот очерк в ближайших номерах «Родной Ладogi». Только поинтересовался — не отдавал ли я эту работу ещё кому-нибудь в Питере? И только потом до меня дошло — он опасался, что очерк может появиться во «Всерусском соборе». Уверил его, что вообще рукопись никому не давал. Сибирские «Истоки» не в счёт.

Ещё а пятницу Карпенко завёз и оставил для меня пачку «В-20». Худшие мои опасения не подтвердились. В целом книжкой я остался доволен. В пятом формате журнал смотрится неплохо. Вёрстку они тоже значительно поправили по моим замечаниям. Но всё-таки недочётов нашёл ещё много. Главное же — стало ясно, что и в таком формате можно выходить.

23 апреля

Книжка Пафнутьева «Литературная мозаика» готова. Забрал в типографии два десятка, прочитал и остался доволен. Нравится мне его ход мысли — свободный, самостоятельный. И предисловие моё «О поэтах и поэзии», написанное ещё год назад, авансом оказалось напрямую относящимся к делу (к содержанию книги).

Хорошее предложение Цветкову от спонсора — совершить паломническую поездку в Киев, в Лавру. Владимир ехать не может. У него старый советский паспорт. Но я предложил ему совершить паломнические поездки на моей машине здесь по Нижегородчине и по Центральной России. Мне кажется это удачной мыслью. Владимир тоже загорелся. Только надо продумать маршруты и узнать о тех монастырях, куда соберёмся. Мне бы хотелось на север — в Ивановскую и Костромскую епархии. Там же бы заняться и распространением наших книг, журнала.

Вышел номер «Православного слова» с моим отзывом «И Пасхи нет без тайны Рождества...» о книге Лукина «Долгота времени».

24 апреля

Побывал на могиле отца на кладбище «Марьино роща». Всё как-то всколыхнулось в душе. Как долго его уже нет с нами! Девятнадцать лет минуло.

Затем с Цветковым прошли по парку «Швейцария». И какому идиоту пришло в голову так переименовать «Парк Ленинского Комсомола»? А виды с высокого берега Оки замечательные.

26 апреля. Пасха

Вчера вместе с Ириной посмотрели передачу по ТВ с моим участием. Говорил я в целом внятно и логически выстроено (о смертной казни), да доводов в её пользу можно было бы и добавить.

В Староярмарочный собор пошёл один. Народу перед ним — демонстрация. Обошёл Собор, но вовнутрь попасть не удалось. Ушёл к дому и походил по улице Совнаркомовской. Вернулся. Вошёл в Собор, протиснулся к правому приделу. Там и простоял. Слава Богу — праздник встретил в храме.

28 апреля. Остров (Борский район)

Поехали с Шестаком. До карьеров Вадим с сыном Толиком ехал на мотоцикле, а мы следом за ними на машине. На остров приплыли на трёх ботниках. Мой оказался с течью и начал тонуть. Пришлось пересаживаться к Вадиму, причалив к топкому, ненадёжному островку.

Затопленный лес мёртв. Зрелище жутковатое. Вокруг берёзовые стволы без единой веточки и без верхушек. На самом острове тоже гибель. Те берёзы, которые ближе к воде, мертвы и частью попадали. Тот лес в воде, что написал в своих картинах Заного, сейчас неузнаваем. Вокруг тлен.

Рыба в карьерах полностью исчезла. Вадим уверен — погибла из-за гниения травы и затопленной древесины. Он вынимал рыболовные снасти из воды — от рук невыносимо тухлый, удушливый запах.

Но было солнечно. Хозяева без устали трудились — ремонтировали шалаши, разбирали чучелья, готовили ужин. Мы блаженствовали у костра. И так до самого вечера, до заката. Уплыли с острова в сумерках с грустным чувством. А я ещё и с уверенностью — года через два остров, как лесной оазис, перестанет существовать. Можно сказать, что я с ним попрощался навсегда.

29 апреля

В Союзе Лена Крюкова устроила свой вечер. Читала новые стихи. По моему — замечательно! Но о своих издательских делах говорила много и скучно.

30 апреля

Мои пешие хождения за сегодняшний день: От дома до Комсомольской площади. Чёрный пруд — «Волгагеология». Печёры (у Цветкова) — через овраг до Советского рынка — оттуда до дома.

У Владимира что-то налаживается с представительством федерального округа. Есть надежды. А меня мучает «Пожма». Рассказ двинулся вперёд на две рукописные страницы — и опять застрял. Измучил он меня. Уже хочется просто довести его до конца без всяких особых претензий на качество письма.

Борис Лукин сообщил, что вышла моя рецензия на его книгу в приложении «Литературной газеты». (Я туда дал под другим названием — «Но вправлена вся жизнь моя в строку...») А вечером Чугунов долго рассказывал о своём писании романа «Невеста» и обо всём том, что вокруг романа происходит.

7 мая

Позвонил и поздравил Виталика Розе. Поговорил с ним на этот раз немного, но как солнцем напитался. На душе радостно. Удивительный он всё-таки человек. Призывает готовиться к неизбежным скорым переменам. И я ему верю.

Чугунов окончательно загорелся изданием журнала. Очерк мой прочитал и сделал несколько точных замечаний: нет единой задачи, в нём решаемой. Две части (Заного, Пурихов) так и остались разорванными, каждая сама по себе. Да и образов главных героев нет. Всё правильно.

8 мая

В Союзе отмечаем День Победы. Владимир Васильевич Половинкин высказал свои обиды по поводу моего интервью «Времена Микеланджело и Рублёва не прошли» в «Рекламном вестнике» (оказывается, оно опубликовано). Его задела моя оценка творчества Михаила Шестерикова и Нила Бирюкова. Упрекал, что я просто не знаю их поэзии. Отчасти он прав. Но всё-таки моё впечатление от прочтения сборника Шестерикова было самым невесёлым, удручённым. А Нил Бирюков написал восемь либретто, которые использовались при постановке опер в Большом театре. Всё это хорошо, но его поэзию теперь, действительно, не читают.

10 — 11 мая. Кунавино

Первая поездка в этом сезоне. Машина Танина, был и Андрей. Воздух напоён запахом цветущей черёмухи. Пение птиц слышал даже ночью сквозь сон. Всё-таки удивительное состояние испытываешь в деревне. Наполняешься жизненной энергией.

12 мая

Из «Советского писателя» пришёл конверт. Открытка с поздравлением и книга Ю. Бондарева (роман «Без милосердия»), подписанная мне. Приятное внимание. День победы вообще в этом году (хоть и не юбилейный) отмечается с размахом. В Москве прошёл грандиозный военный парад. Традиция, в своё время прерванная Ельциным. Как же — СССР милитаристическая страна, «империя зла». За это время НАТО развязало несколько войн, подошло к самым нашим границам. Скоро Грузия и Украина вступят в ряды этого блока.

По «допраздничной просьбе» Шестинского «позвонить ему в будни» сегодня и позвонил. Олег Николаевич в хорошем настроении. Но жизнь, как он сам сказал, заканчивается. Силы покидают. После своего творческого вечера в Покрове (Владимирская область), он ещё сутки отлёживался в больнице этого городка. То же самое после выступления в музее Чуковского в Переделкине — сутки находился дома в тяжелейшем состоянии. Но это я Шестинского вывел на этот разговор. Он же просил позвонить, чтобы открытым намёком сообщить о предстоящем присуждении мне Международной премии имени М.А. Шолохова. Ларионов всячески запретил ему это делать, но... Я думаю, что правильно. Всё ещё может измениться и передуматься.

15 мая

Областная библиотека. Мария Сухорукова представляла свою книгу о старце Михаиле Хабарском. Организована встреча достойно. Из Москвы приехала поэтесса Нина Карташова. Мария читала много стихов. Вернее, кричала их, жестикулируя и изображая содержание, как на плохом школьном утреннике. От крика этого я эмоционально устал. Но сам сценарий проведения вечера — неплох.

С Крюковой после долго говорили о прозе Захара Прилепина (оказывается, Лена печатается в его «Новой газете»). Крюкова удивляется: «Неужели он ни во что не верит?»

Мне кажется (так я ощущаю) — у этого поколения нет почвы под ногами, нет страны с её ценностями, историей, культурой. В 80-е и 90-е их этого лишили. Оттого так и пишут — жестоко, цинично. Но талантливо. Думаю, может быть, и переболеют. Хотя есть пример — Максим Горький. Так и прожил без ощущения страны. Для этого писателя существовала определённая территория, на которой следовало бы построить социально-справедливое общество. А закончилось всё тем, что великий гуманист поддержал ГУЛАГ.

16 мая

Литературный музей Горького отметил своё восьмидесятилетие. Всё обошлось без особой торжественности, по-домашнему. Подарил мне Рябов свой сборник избранных стихов, да я его позабыл в каминном зале, когда немного закусывали.

18 мая. Иваново

Началось всё с неудачи. Вчера я так и не смог завести свою машину. Но Цветков договорился со своим знакомым Георгием, и в итоге сегодня утром мы отправились в дорогу. Всё время за рулём предстояло провести мне.

Дорога, начиная с Заволжья, совершенно свободна. Идёт через леса. Несколько раз останавливало ГАИ, но удостоверение Цветкова неизменно выручало.

Сам город производит неплохое впечатление. Конференция тоже была интересной. Но всё-таки, главная её цель — это общение единомышленников, а не научное обсуждение назревших проблем (историко-социальных), стоящих перед сегодняшним русским обществом. Подробнее об этом напишу в статье для «Православного слова».

Назад пришлось гнать на большой скорости, но Бог миловал, всё обошлось.

19 мая

Позвонил Ларионов. Поздравил с премией и пригласил в Москву на вручение. В голосе много тревоги и усталости — затерзали Арсения Васильевича с этими «домростовскими делами». Следовательно не успокаивается, «бьёт копытом», и Ларионов буквально ожидает ареста. Сохрани его Бог от этой напасти.

В Союзе собралось Правление. К моему изумлению, Жильцов уже знает о премии. Поздравил. Из прочих вопросов — решили готовить четыре книги к 75-летию Союза. Я — составитель четвёртой книги — критика и публицистика писателей и о писателях.

20 мая

Щеглов отдал для вычитки подготовленную вёрстку книги «О духовном». Это уже вторая книга, которая до времени ляжет в архив, про запас. Авторы — я и Цветков.

23 мая

Приехал Борис Лукин. В Союзе провёл свой творческий вечер. Лена Крюкова подготовила художественную выставку работ студийцев Володи Фуфачёва. Поэзию и живопись совместили и получилось всё очень гармонично, интересно. Борис много и неплохо читал свои стихи. Приняли его очень тепло. Похоже, что и все привезённые им книги раскупили и разобрали. Пришлось и мне сказать о нём несколько слов. По моему, удачно, хотя Лукину, как я понял, не хватило похвалы.

24 мая. Городец

Зарядили дожди. Серо и холодно. Но об этой поездке договаривались заранее. Организует Сергей Чуянов. Ирина Дружаева проводит свой творческий вечер.

Городец преобразился — чистенький, с прянично выкрашенными домами. Видно, что всю старую часть города хотят сохранить для туристической привлекательности. Правильно.

Встреча происходит в старом купеческом особняке над Волгой, рядом с памятником Александру Невскому. Устроена выставка лубочных глиняных картинок Ирины. В простоте своей и красочности они занимательны. В зале пел хор «а ля рус». Затем долгий вечер в зале на втором

этаже. Ирина читала стихи — детские, лирику, сказки. Читала прозу. Педали песни на её стихи. Мило, и всё-таки очень близко к самостоятельности.

Я выступил как-то очень свободно, без похвальбы. Назад ехали в «Газели», и Альбина Петровна Гладышева так и добилась, чтобы записать с нами троими (Я, Жильцов, Шамшуринов) короткие интервью о Пушкине для «Земли нижегородской». Даже стихи его заставила прочитать. Я вспомнил мною любимое начало из «Евгения Онегина».

25 мая

Дождь. Едем с Цветковым на могилу к старцу Иоанну благословиться перед дорогой. На обратном пути на кладбище свернули с обычного маршрута, прошли через центр. Там могилы бандитов. Надгробья, памятники, скульптуры, на стелах выгравированы «портреты» их автомобилей. Жуткая пошлость и безвкусица. Память о 90-х годах ушедшего века.

С Лукиными поехали к Крюковой. Зря. Пришлось снова пить. Борис чувствует себя уже живым классиком. Судит поэзию других жёстко, высокомерно... Ахматову назвал лживой и бездарной. В ответ я обозвал его «дураком». Конечно, сгоряча. Нельзя было этого говорить. Но «слово не воробей...» К тому же с Борисом была Галина. За столом Лукин как-то всё попытался «замазать», но противный след в моей душе остался. Не начало ли это разрыва? Что не говори, а поступок я совершил гадкий.

26 — 28 мая Москва

С вокзала — к Полеванову. Журнал ему понравился. Попросил прислать ещё. Тут же условились завтра записать интервью по Китаю.

В Московском управлении железной дороги — хлопоты по получению гонорара оказались пустыми. Какая-то несогласованность кассы и редакции «Московского железнодорожника».

В «Московском доме национальностей» у метро «Красные ворота» представление книги словенских поэтов в русских переводах. Любопытно. Но всё это переводы уже слышанного. Всё, что они называют национальной культурой — по нашим меркам фольклор и этнография. Нет вершин духа, художественных открытий.

27.05. Полеванов, видимо, загружен работой. Интервью записали, но говорил Владимир Павлович скованно, напряжённо, одновременно думая о чём-то ещё. Впрочем, ещё предстоит расшифровать диктофонную запись. Может быть, это моё впечатление и ошибочно. У Ларионова всё в ожидании торжеств. Все съехались. Вёл награждение премией Шолохова Юрий Бондарев. Говорил он много, энергично и вообще выглядел хорошо. Для меня тоже не пожалел добрых слов. Надо бы написать об этом статью для «Православного слова». Есть и что рассказать, и над чем поразмышлять.

Ночевать увезли меня к себе Шестинские. Ещё посидели, отметили моё награждение. В Переделкино хорошо, птицы поют. Олег Николаевич сказал, чтобы я после его ухода забрал себе его архив, разобрал, что-то опубликовал. Чтоб обязательно проводил его и потом приезжал.

Сквозь сон, через стену (наши комнаты на втором этаже рядом), я слышал, как он ночью стонал.

28.05. Утром, перед моим уходом болтали с Ниной Николаевной. Она рассказывала, как перед родами сына в Доме творчества «Комарово» много бегала на лыжах. Ей кто-то сказал, что это помогает, и роды проходят после таких тренировок удачно. Так в итоге и случилось. Но Анна Андреевна Ахматова, с которой они обедали за одним столом, очень её за эти спортивные упражнения ругала и настаивала, чтобы Нина Николаевна их прекратила.

Ну и ещё всякие случаи из писательской жизни, каких она знает множество.

Перед вокзалом зашёл в «Литературку», набрал журналов и книг. Попросил Сашу Яковлева отметить на странице 20-й номер. Но, думаю, этого не получится.

30 мая

Спасибо Шестаку. Реанимировали машину. Заменяли стартер в авто-сервисе. По настоянию Жильцова пришлось написать рекомендацию на премию Нижнего Новгорода Валентину Николаеву за книгу «Тоска по мастеру». Сделал это без особого желания. Слишком разочаровал меня Валентин Арсеньевич в последнее время. Как человек эгоистичен и мелочен.

1 июня

У Эрастова 45 лет. Собрал немногих в Союзе. Подарил книгу избранных стихов. Во время застолья один тип всё выводил меня на экономическо-патриотические темы. И я отвечал, но хорошо, что не горячился. И доводы-то, кажется, против сегодняшнего времени приводил убедительные (разве что слепой их не видит), да разве эту нацию чем-то проймёшь. Цинизм её по отношению к той стране, в которой они сейчас живут, просто запределен. Категории справедливости, совести для них просто не существует. Не знаю, как рассудить — но Цирульников и Эрастов в возникшем споре были на моей стороне. Искренне?

3 — 5 июня. Кунавино

Так долго я собирался в эту поездку! В деревню везу накопившиеся за зиму книги. А их опять много.

В доме холодно. Намного холоднее, чем на улице. Но дрова у меня есть. Натопил печь. В 16 часов приехал Чугунов. Привёз ещё книг. Поговорили до девяти вечера.

04.06. Целый день косил траву вокруг дома, да жёг прошлогодние обрезанные ветки. Несколько раз звонил Борис Лукин. Хочет поставить мой рассказ в «Литературной газете». Срочно нужна моя цветная фотография. Без неё материал в печать не пойдёт. А как я её отошлю из деревни? Пришлось и этим заниматься, звонить, согласовывать. В итоге, как всегда, выручил Сергей Шестаков.

Дочитал «Русских мальчиков» Чугунова. Конечно, это не роман. Но и не художественная биография. Это биография духовного пробуждения и стремительного «восхождения», экспериментально прожитой жизни. Куски о деревне, пастушестве великолепны. О Москве и Питере скучны, серы и малоинтересны. Портрет матушки Макарии замечательно хорош. Но сюжет как таковой (прав Курчаткин) в книге отсутствует. Из-за этого чувствуется определённая хаотичность в повествовании. В целом с оценкой этой книги самим Чугуновым (как нечто совсем новое, неведомое доселе в литературе) я не согласен. В книге слишком много неровного. Я знаю, что о Владимире продолжает над ней работать, так что ещё многое может измениться.

05.06. Проснулся в четыре утра. На улице пасмурно, ветрено. Послывшись по дому, поднялся на второй этаж, начал разбирать коробки с привезёнными книгами. Необходимо сколачивать новые стеллажи, имеющих уже не хватает.

В окно увидел на востоке пробившееся сквозь тучи солнце. На душе повеселело. Вернулся в комнату и опять лёг спать. Разбудил звонок. Жильцов что-то всё хотел мне сказать, да у меня разрядился телефон. Потом в течение дня и он и другие дозванивались, но переговорить ни с кем не смог. Пришлось вовсе отключить мобильный.

Убрал скошенную вдоль забора траву, дожёг ветки, набрал для дома воды из нашего родника в овражке, у речушки. Жаль — совсем не поработал над рукописью. Даже статью для «Православного слова» не написал. Видимо, потому и решил после 14 часов ехать в город. В пятницу

много всего нужно сделать. И главное — вёрстка «В-21». Щеглов вновь тянет, душу мотает.

7 — 8 июня. Большое Болдино

Впервые еду на этот пушкинский праздник — по приглашению нашего областного комитета по культуре. (Приглашали они и в прошлом году, да из-за Ирины не поехал, повёз её в деревню). И всё, что было на нём хорошего, так это двухдневное постоянное общение с Парпарой и Лукиным. Мы держались обособленно от толпы (впрочем, не специально — так получилось само), вместе обедали, гуляли, выпивали. Рад, что возникшее моё раздражение в отношении Бориса растаяло полностью. Это чувство меня тяготило.

Познакомились с Ренатом Харисом (Казань). Надо будет отослать ему журналы.

Организация праздника со стороны нашего Союза выглядела жалкой и недостойной. Стихи уровня самодеятельных авторов. Пьяный актёр, отвратительно прочитавший пушкинскую «Осень». От всего этого я демонстративно отстранился и ни в одном «мероприятии» участия не принимал.

12 — 15 июня. Кунавино

Кроме обычной возни на участке — поправили с Женей Елисейкиным (соседом) с помощью лебёдки столбы под верандой. Написал статью для «Православного слова» о премии М.А. Шолохова и дописал вступительную заметку к «В-21», что касается книг Чугунова.

Назад выехали рано, ещё шести часов не было. Солнышко встало, было радостно на душе. В деревню прислал сообщение Борис о том, что мой рассказ в «Литературной газете» вышел. Это для меня важно. Хорошо бы всё-таки притащить Лукина в Кунавино. Правда, он человек «изысканного питания» и «бытовых условий». А тут комары, туалет на улице...

19 июня

Готова вёрстка «В-21». Всеми просмотренная. Коломийцем, как корректором, прочитанная. Завтра отдам в типографию. Тираж 1000 экземпляров.

22 — 23 июня. Москва

Едем с о. Владимиром Чугуновым на его машине. Во время дороги много разговоров о литературе. Часто друг с другом соглашаемся, особенно, что касается Достоевского.

В Москве первым делом заезжаем к художнику Евгению Анатольевичу Расторгуеву. Дом построен для художников с мастерскими на верхнем и нижнем этажах. Старый, сталинский. На стене мемориальные доски. Прочитал только одну — Кибрику.

Квартира на восьмом этаже. Просторная. Хозяин стар, но не дряхл. Хотя ему уже 89-й год. Бодро выпивает водочку со мной, угощает пирогами. Много и интересно рассказывает о прошлой жизни и о том, чем занят сейчас, что читает (а читает постоянно и много), какие выставки посещает. После обеда поднимаемся в мастерскую (один лестничный пролёт вверх), просто заваленную картинами, уставленную по стеллажам керамикой, разрисованными бутылками. Такого я ещё не встречал. В центре довольно большого помещения малюсенький клочок не заставленного картинами пола, где едва умещаются два человека. Конечно, подавляющее число работ — это модерн. Хозяин показывает много новых, написанных на газетных полосах и наклеенных на листы ватмана. Я смотрю и молчу, чем явно смущаю автора. Он даже начинает мне объяснять, что является хорошим художником. Я с этим и не спорю. Умом и сам понимаю, но душа на эти поиски фор-

мы и цветовой решений не отключается живым чувством. Всё-таки русскому человеку близка традиция, а не авангард. В конце у выхода вижу серию небольших автопортретов (картаны формата писчей бумаги), и прошу показать. Они мне чем-то неуловимым, приближённым к оригиналу нравятся, и автор нам дарит с Чугуновым по одному на память.

Вновь спускаемся в квартиру. Дарим друг другу книги. Расторгуев мне — альбом, календарь, сборники стихов, книгу размышлений и воспоминаний «Записки из зазеркалья», с нежностью вспоминал свою супругу, художника Тамару Гусеву. Всё издано серьёзно, со вкусом и знанием дела, достойными издательствами. Спрашиваю Евгения Анатольевича про иконы, висящие на стене (комната сплошь увешана картинами и иконами). Да, привезли с севера и затем «раскрыли». Всё это ещё с супругой, уже ушедшей. Но здесь не всё. Что-то убрали и раздали после того, как в лихие девяностые их ограбили бандитским налётом. Страшное время. И ведь грабили по наводке кого-то из знакомых.

Расставаясь, Расторгуев приглашал меня приезжать к нему уже и самому без Чугунова. Да вряд ли соберусь, постесняюсь, конечно. Закончился день долгим разговором за столом у Шукиных. (Посмотрел у хозяйина — Владимира — его комнату-кабинет, заставленную и заваленную книгами, которые — по словам Чугунова — он не читает, но покупает много, без всякой меры). Спать ушёл около четырёх часов. А в восемь утра уже проснулся.

Съездил к Козину. Не застал. Оставил «Прошлое с нами». Затем к Полеванову. Владимир Павлович подписал интервью. Пешком пришёл к Ларионову. Слава Богу — мой протест по поводу «диплома премии», кажется, нами пережит без последствий. Познакомил Арсения Васильевича с Чугуновым. Думаю, что его повесть «Деревенька» в «Слове» напечатает.

25 июня

Цветков привёл для разговора любопытного человека. Спортсмен-марафонец. Уже за семьдесят, но загорелый, худощавый, одет в спортивный костюм. Окончил наше художественное училище, пишет этюды и иконы. Он рассказал о своём удивительном селе в Починковском районе. О храме, у которого были до революции луковки и кресты над храмом из хрусталя, о чудесах (смерти тех, кто осквернял храм — разбивший «луковки» умер почти сразу, рубивший иконостас — сгорел), о чудесном источнике Серафима Саровского, бьющем на вершине холма. Сестра его своими стараниями поставила возле этого источника четырёхметровый дубовый крест, а он написал икону Троицы (с Рублёвской) для храма размерами больше метра.

Я загорелся желанием съездить в это место и написать очерк.

4 июля

Долгий и какой-то сумбурный день. Главное — хотели сегодня уехать с Ириной в деревню. Но перед этим она должна была съездить в поликлинику, а я отвезти Пашковых в Балахнинский район. И началось: в гараже за машиной (а она едет с трудом, захлёбывается, не тянет — это ещё с последней моей поездки в деревню), потом по очереди за ними и в их деревню. Пока возвращался — позвонили из типографии. Журнал напечатали. Оставив машину у подъезда, отправился на площадь Свободы. Журнал понравился — такой толстенький, красивенький. И содержание я подобрал удачно.

Позвонил Пафнутьев. Затем приехал на площадь Ленина. Отдал Анатолию Ивановичу свежий номер, и вновь говорили о предстоящей публикации его книги «О русской литературе». Отругал его за «поэму» «Как я помню годы войны». Как биографический документ она имеет право

на существование. Но поэтические достоинства её ничтожны. Анатолий же продолжает утверждать, что это «поэтическое событие». Удивительная глухота к поэтической форме и слову.

Звонок Щеглова — распечатал вёрстку следующего выпуска «Вертикали». Опять в путь. В материале оказалось много напутанного, но ничего, вычитывать его можно и таким.

А дожди продолжают. Короткие, но ливневые. Попробовали уехать в деревню. Пробка уже гигантская, начинается от Мещерского озера. Вернулись. Ближе к полуночи попробовал один (перед тем, как поставить машину на ночь у ярмарки) — результат тот же.

Пришёл домой. Оказалось, звонил Цветков. Набрал его. Владимир подготовил для публикации свои статьи, которые согласовал с благотворителем. Финансирование обещано точно. Подготовленный макет книги из-за этого придётся переделывать. Ладно, нам не впервой!

5 июля. Кунавино

Выехали рано утром. В деревне натопил печь. Весь день что-то делали. Трава высоченная, густая от тепла и дождей. Впервые все яблони в яблоках — даже на дальнем участке. Цветы цветут буйно — красота.

Приезжал после службы Чугунов. Пили чай, обсуждали журнал. Отец Владимир забрал пачку, что я ему доставил. Кажется, доволен. Но к нему приехал Владимир Данчук, так что всё может в его настроении перемениться. Всё будет зависеть от оценки последнего.

На следующий день хотел выехать пораньше. Ирина не согласилась. Тогда как проснёмся — ответил я.

Проснулись в четыре утра от криков соседки Нины. Напротив нас (наискосок) у других соседей начинала гореть баня. Ничего, заметили вовремя, ветра не было — отстояли. Но уж, конечно, не до сна. В шестом часу выехали. Получилось — сутки пробыли в «имении». Поездки в выходные через мост становятся просто невыносимыми.

9 июля

Вчера и сегодня — вывоз тираж «В-21» из типографии. Чугунов приехал и забрал свою (большую) часть. Пригласил нас на день ангела.

Крепко поспорили с Коломийцем о тексте воспоминаний монахини Валерии. Меня самого в них не всё устраивает (потому убрал из публикации изрядные «диссидентские» куски), но его категоричность, «перевёртывание смысла» прочитанного, прямое оскорбление автора — меня возмутили, и я не сдержался. Особенно если учесть, что подобные оскорбления он допускает относительно тех, кому сам, по творчеству годится в ученики. А уж так судить (Крюкову, Шиненкова, Реброва, Чугунова...) просто недопустимо.

Позвонил Ларионов по поводу подготовки к съезду. Нужны делегаты. Договорились, что от нас будут участвовать (от АНО ЛХЖ «Вертикаль. XXI век»). Нужны какие-то документы, заверенные нотариусом. По этому поводу мне позвонит дополнительно его юрист.

И последнее — отнёс Щеглову остатки корректуры «В-22». Хорошо бы всё закончить на этой неделе.

14 июля

Собрал в Союзе некоторых знакомых по случаю своего 51-летия. Собрал и тут же пожалел. Все говорят много и попусту. Выпито сверх меры. Но ведь не для этого я задумал встречу. Коломиец бесконечно себя цитировал. Жильцов уже пришёл изрядно пьяным. Андрей Стариченков кричал и спорил. Только Шамшуринов поздравил, кажется, искренне. Закончили в кафе, в Кремлёвской башне. Я уехал раньше. И пить не хотелось, и дома давно ждали. Уже ночью с приехавшим Лукиным сходили на вокзал, купили билеты до Дербента.

15 — 17 июля. Николо-Погост (Городец, Семёнов...)

После вчерашних гуляний чувствую себя несколько тяжело. Но ближе к обеду позвонил Чугунову. Он прислал машину. За рулём его сын Илья.

В Погосте я не был с 2002 года. Много воды утекло, и теперь это уже совсем другой дом — спокойный, чистый, с четырьмя большими комнатами — тоже ухоженными. У отца Владимира отличный (настоящий, с креслами, книжными шкафами вдоль стен, большим старинным письменным столом и столом с компьютером) просторный кабинет.

Встретили нас с Борисом Лукиным (так было на протяжении всех дней) очень приветливо и хлебосольно. Первым делом после обеда поехали на источник Николая Чудотворца, что за Городцом на Ковернинской трассе. Я о нём раньше ничего и не слышал. А оказалось — это очень обустроенное место с купальнями, колодцем, стоком воды. Я, как и все, трижды окунулся в ледяную воду (один раз с головой). Правда, отважился не сразу, молился и набирался духу. Но зато потом какая свежесть, лёгкость в теле.

От источника поехали в Городец. Долго ходили по старинным, по-деревенски тихим (да и дома-то маленькие, деревенские) улочкам, подходили к староверческому храму, к православному. Прощаись и по знаменитому Городецкому валу. Я и здесь побывал впервые. Его высота и глубина рва впечатляют. Так же, как и старинные, с невероятно закрученными толстыми сучьями сосны. Ничего подобного этим деревьям я раньше не видел и чувств таких при их созерцании не испытывал.

Закончили день баней, ужином с виски.

16.07. Хоть и с опозданием, но приехали в бывший кладбищенский храм, где служит отец Владимир. Это в самом центре Городца, напротив здания районной администрации. После целования креста вышли с Лукиным посмотреть оставшиеся (и теперь родственниками восстановленные) могилы, комплекс памяти павшим воинам на Великой Отечественной войне. Бесконечные списки русских фамилий. Тут же стела в память репрессированных. Видно, что сделана наспех, по казённому. Что поделаешь — нынче такое поветрие. Потому что сотворено не из-за потребности, не по зову души, а как всё в теперешнее время — в угоду «политическому моменту». И это оскорбляет память безвинно замученных.

После обеда едем на Светлояр. До этого пришлось мне побывать на озере лишь однажды, когда открывали мемориальную доску на доме писателя Сергея Васильевича Афоньшина. Была осень. У озера пустынно, ветрено и дождливо. Людмила Калинина нас тогда сфотографировала с Жильцовым на берегу. Потом подарила мне фотографию с такой надписью на обороте: «В день Покрова на Светлояре/ Что ещё нужно этой паре?».

На этот раз — сплошная зона отдыха. Стоит жара и люди загорают, купаются. Мы тоже решили искупаться. Выбрали место поотдаленнее, под деревьями и за кустами. Плавали долго и с наслаждением.

Перед купанием позвонил из Москвы Ларионов, уточнял — не изменилось ли у меня что-либо относительно приезда на съезд МСПС. Заверил, что обязательно буду.

После купания я предложил, как и положено у паломников, обойти озеро вокруг. Для этого и тропинка специально проложена — сухая, выстлана обструганными досками. Обошли. Поднялись к деревянной церквушке, заглянули вовнутрь. На обратной дороге попросил заехать в Семёнов. Я ведь в этом городке по-настоящему и не был-то ни разу. Попетляли по окраинам, ходили по центру. Наконец увидел памятник Борису Корнилову. Добротный, вытесанный из гранита, без искусственной значимости и величия. Такой «заземлённый», местный и оттого приятный для души и созерцания. А городок совсем не потревоженный

временем. Деревянный, низкорослый, уютный. И резьбы по фасадам, наличникам — много. Хотя в этом с Городцом он сравниться, конечно, не может. Там этого изобилие, аж душу в восторг приводит.

Случилась тут и неожиданная встреча — узнал меня и подошёл поздороваться Андрей Гроза. Вот уж негаданно — мы со Светлояра (я ещё говорил о нём своим спутникам), а он нас в Семёнове встретил.

Вечером пошли купаться на озеро в самом Николо-Погосте. Вдоль оврага в самом конце села спустились к источнику, бывшему из склона струей холодной воды. Но в самом озере она была ласкающе тепла. Плавали долго, с удовольствием.

Вернулись в село и вдоль склона прошли его всё — а это расстояние немалое. Любовались открывающимися просторами, говорили (вернее, представляли), как здесь раньше кипела жизнь. Богатые, полукаменные двухэтажные дома дореволюционной постройки говорили о достатке, многосемейности. Вот только в таких местах и можно прочувствовать прежнюю, сейчас до неузнаваемости изменившуюся Россию.

17.07. Ночью грохотала гроза. Как сказал отец Владимир: «Думал, что дом расколется». А я спал и ничего не слышал. Только утром увидел, что идёт дождь. Из-за этого пришлось отложить намеченную прогулку по заливным лугам до Волги.

Чугунов вернулся со службы и, отдохнув, повёз нас в Макарьевский монастырь через Бор по левобережью Волги. Я этой дорогой ехал впервые. Дождя как и не бывало. А может, и правда, здесь он своей воли не показал, прошёл стороной. Ведь расстояние не близкое, под 150 км. Прогуливаясь, обошли монастырь вдоль крепостных стен. Вошли вовнутрь. Розы, газоны, яблоны, вишни. Помолились на могилке матушки Макарии (в схиме Марии). До службы ещё долго. Прогуливались по двору меж церковью и соборов. Служба началась в пять в «трапезном» храме. На ней мы были одни.

Келейница матушки повела нас сначала в храм с приделом в честь Макария Желтоводского и Унженского (обустроен храм с любовью) и открыла ковчег с главой преподобного, к которой мы приложились. Я это сделал три раза и ещё приложил к мощам свой нательный крест. Монахиня открыла и Троицкий собор, где происходит чудо обновления фресок. Собор расписан от потолка до пола. По словам служившего в нём ранее отца Владимира, стены были черны, словно от копоти. Но после передачи его РПЦ фрески сами собой начали очищаться, и теперь осталось всего лишь несколько фрагментов с чернотой. Причём чернота эта располагается не хаотичными пятнами, а чётко по линии изображения ликов, тел святых, их одеяний. Есть места на фресках, где чернота сошла, но остался как бы негатив. Краски пока не проступили. Но они обязательно проступят. Будто их заново кто-то пишет. А сейчас — эти незакрашенные фрагменты, как прописи.

Интересная деталь. Росписи начали проявляться после того, когда реставраторы, не сумев отмыть стены от черноты, приступили к удалению штукатурки (и сейчас стены собора от пола до полутора метров в высоту оголены до красного кирпича). Заметив творящееся чудо, работы прекратили.

Я даже высказал такую мысль, что чернота, сокрывшая фрески, могла быть тоже нечеловеческими руками нанесена, а сокрыта чудесным образом от возможных вандалов. Тем самым роспись была спасена от надругательства, осквернения и уничтожения. Во всяком случае, многое говорит именно об этом. Только бы не поспешили с реставрацией. Я почему-то уверен — роспись вновь обратится в новую. Надо только подождать, дать свершиться промыслительному чуду.

На обратной дороге я вышел на Бору. Отплыть на катере до Речного вокзала не удалось. Переправа уже не работала. Доехал на попутке с полным комфортом. Бориса Илья должен отвезти (по его просьбе) ко мне в деревню.

18 июля

Щеглов продолжает меня терзать. Макет не доделан. И теперь всё откладывается, как я думаю, до середины августа. Я раздражён и расстроен. Так много потеряно времени непродуктивно, впустую. Коли так всё сложилось, то добавлю ещё материалов в этот номер. Адриановой уже позвонил.

Одна отрада — вывоз из Союза (здание которого вот-вот отнимут) подаренную мне на день рождения большую акварель Володи Фуфачёва.

Борис Лукин сообщил эсемеской, что только приехал ко мне в дом. До этого оставался у Чугуновых.

19 — 20 июля. Кунавино

До гаража пришлось идти пешком. Рано, даже трамваи не ходят. Но дошёл легко, и как мне показалось, быстро. Мост переехал без пробки.

В деревне подня праздно бездельничали. К вечеру отправились с Лукиным на рыбалку и наловили ведёрко ротанов и около десятка карасей. Я одного вытащил очень приличного. Карасей Борис затушил в молоке. Получилось славненько. К тому же под молдавский коньячок.

Следующее утро отъездное. После вчерашнего купания в нашем озере чувствовал себя свежо, бодро. И даже машина бежала домой ходко.

23 июля

Правление в Союзе. Всё по тому же вопросу о здании. Напечатанные статьи в газетах возымели своё действие. Оказывается, общественное мнение всё-таки отслеживается. Пришла зам. министра имущественных отношений. Заинтересованно побеседовали. Я предложил — новое помещение должно выделить правительво области. Отремонтировать его — инвесторы, строящие отель и в ведение которых переходит наш особняк. («Ненавистная» советская власть нам его подарила, «народно избранная демократическая» нас из него вышвыривает). Вроде бы на этом и порешили.

В Областной библиотеке очередная презентация «Записок краеведов». Раздал кое-кому последний выпуск «Вертикали».

26 — 27 июля. Кунавино

Набегом. Сделали какие-то мелочи на участке. Не читал и не писал. Одна радость — в пятницу Володя Цветков всё решил по оплате издания нашей книги. Поэтому сегодня встретились у меня в «Волгагеологии». Я перечитал всю вёрстку заново. Работы ещё много, а надо уезжать.

31 июля — 20 августа. Москва — Дербент — Махачкала — Астрахань

31.07. Поезд «Ярмарка». Съезд Международного Сообщества Писательских Союзов под управлением Ю.В. Бондарева. Ночую у Лукина. Дождь — я у храма венчания Пушкина, на скамейке возле памятника Алексею Толстому дожидаюсь Бориса.

01.08. С Лукиным в «Литературной газете». Отдал интервью с Полевановым в отдел политики.

Пешком до Союза писателей на Комсомольском проспекте. Отдал журналы Ганичеву, Котьяло. Оставил Геннадия Иванову.

Фрунзенская набережная, д. 18, кв. 60. Редакция «Завтра». И здесь оставил интервью. Дальше пешком на Поварскую, 11. Поплутал. И опоздал — все разъехались отдыхать. Ночевать (уже в одиночестве) вернулся в квартиру Лукина на Речном вокзале.

02.08. Встретил Ирину и Наташу на Курском. (На вокзале ужас, ремонт). Отдохнули в квартире Бориса и «дождались» дождя. Но в Москве погуляли по ГУМу, Красной площади, Театральной площади. С Павелецкого в Бакинском поезде отправились в Дербент. С попутчиками поехали.

03.08 — 04.08. В поезде. Вокзал Волгограда. Астраханские степи. Почти пустыня. Арслан и Кизляр. Уже жара и духота. Но в поезде терпимо — продувает. Рагим встретил и привёз к себе в шикарный особняк на ужин. Поселились в квартире на восьмом этаже, в построенном Рагимом девятиэтажном доме на берегу моря, которое всю ночь гудело и било волной.

05.08. Заехал Рагим. Рано. Поехали вдвоём купаться. После уже сами троём гуляли по берегу и чувство радости было с нами. Как хорошо, что приехали.

После обеда заехал Малик. Поехали в Крепость. Всё обошли — даже Крепостную стену. Пешком спустились в старый город. Улочки. Мечеть с огромными многовековыми деревьями. Стена. Древние ворота. Невыносимая вонь помоек. Шныряющие по узким и кривым закоулкам бесцётные такси. Ужин в ресторане на берегу моря. И опять купание — уже всех вместе — до глубокой темноты. Замечательный день!!!

Днём был звонок от Шкуркина. Меня разыскивает Шуртаков. Разговаривать с ним не стал (с Шуртаковым) — отсюда это дорогое удовольствие.

06.08. До обеда — море. Но приехал Рагим и повёз в предгорье к горячим источникам. Приехали в какой-то райцентр. Показал нам Рагим местный санаторий, а затем поругался во время ужина в местном ресторане с каким-то своим давним приятелем.

На пляже наблюдал за охотящимися за рыбой бакланами. Как они грациозно ныряют и подогу остаются под водой.

07.08. Пляж. После обеда Рагим повёз на дальнейшее побережье Каспия (раньше мы уже бывали на нём с Кваниным). Там шторм. Волны высокие, шумные. Неожиданное знакомство с художником — Сефербек Карахан. Побывали у него в доме на берегу Каспия. Подарил альбомы с репродукциями своих картин.

Вечером сидел на берегу моря у «нашего» дома, читал второй том романа Валентина Пикуля «Из тупика». Скучновато, но хочется «добить». На берегу много рыбаков. Некоторые ловят рыбу, словно хлестая воду. Думал — так они её дразнят, приманивают. Оказалось — пытаются напороть на страшные трёхжальные крючья. И напарывают. Но ведь скольких просто уродуют, губят зря.

По вечерам (и мы к этому привыкли) на свет к нам на восьмой этаж в комнату через открытые окна влетают огромные (по нашим меркам средней полосы России) кузнечики и стрекозы. Поначалу их размеры нас пугали, но затем ничего, попривыкли.

08.08. С самого утра дождь. Смотрю на море. Оно в дымке, спокойно. Лишь небольшая волна бьёт в берег, и, подныривая под эту волну, одинокий баклан неумоимо ловит рыбу.

Читаю в «Дне литературы» воспоминания Владимира Личутина о Юрии Поликарповиче Кузнецове. Не могу отделаться от мысли, что «величие» этого поэта — искусственно провозглашено «патриотическим крылом» литераторов. Есть в этих оценках нечто неестественное, стремление выдать «желаемое за действительное».

Включил телевизор, которым здесь совершенно не пользуемся, и узнал, что ночью началась война Грузии с Южной Осетией. Страшная бомбардировка Цхинвали. Город практически уничтожен. Видимо, очень большие жертвы. Гибнут и наши миротворцы. Россия же отделяется какими-то осуждающими заявлениями. Вот уже и танки грузинов вошли в город. Осетины сражаются. На этом фоне как-то совершенно забылось об открытии Олимпиады. Напомнили о Путине новости, сообщив о его встрече в Пекине с дебилом Бушем.

Вчера Саакашвили заявил, что они не сделают ни одного выстрела. Сегодня — о том, что русская авиация разбомбила Цхинвал. Есть ли у подлости границы?

Заехал Рагим и повёз нас в ресторан «У озера». Ночью ездили к Крепости смотреть огни Дербента. Жидковато.

Подробные ночные новости на главных каналах: грузины из Цхинвали выбиты. Наши подтянули артиллерию, танки и огнём подавляют позиции грузин. Сбили грузинский штурмовик СУ. В южную Осетию пошли добровольцы. Мировая пресса на стороне грузин. Повторяется сербский сценарий. За спиной грузин стоят организаторы из США (это по российскому каналу). Выходит, зря я ругал наших. Грузины получили по морде. Только жаль погибших мирных жителей и разрушенного города.

России в этом конфликте отступать некуда. Наотступались уже — дальше тупик. Сейчас с нашей стороны должна быть только жёсткость.

09.08. Мы потеряли два самолёта. Это очень плохо. Продолжаются бои. «Выдавливают» грузин за пределы Южной Осетии. Россия уже приняла более 30000 беженцев.

Утро хмурое, но мы идём с Ириной на берег. К обеду погода разгулялась. Солнце. Море приобрело бирюзовый цвет. Красотища! Весь день купались и, похоже, «подгорели».

Грузины вновь штурмуют город. Бьют по нему из гаубиц, идут танковыми колоннами. Погибло 15 наших солдат, много раненых. Наши танки вступили в бой с грузинскими на окраине города. Но почему мы не применяем по артиллерийским позициям (высотам, господствующим над городом) современные ракеты дальнего расстояния?

Абхазия вступила в войну, начав обстрел из «градов» и артиллерии грузин в Кадорском ущелье. Путин прилетел из Пекина во Владикавказ и там сделал жёсткое заявление. Теперь западные СМИ не смогут замолчать позицию России. Украинское правительство Ющенко однозначно встало на сторону Грузии. Они же продавали туда новейшую технику. Саакашвили выступил с обращением к Грузии на английском языке, где объявил, что русские самолёты бомбят жилые дома. Низость! Последние сведения — наши подбили более десяти танков. Джордж Буш и Кандализа Райс (госсекретарь США) предлагают ввести международный контингент. Повторяется вариант Сербии.

10.08. Вчера на солнце перестарался. Весь вечер у меня был жар (тепло шло от тела, как от нашей деревенской печи) и озноб. Утром заехал Рагим. Отправились с ним купаться. После завтракать в его дом. Из новостей по телевизору узнали итог ночных боёв в Осетии: 12 танков подбито, 1 взят в виде трофея. Сбит один бомбардировщик.

Перед обедом всё-таки пошёл купаться. На море большая волна. Хорошо по ней «запрыгивать», чтобы не накрыла с головой. Солнце палит. Поэтому уходим сразу после купания. Не рискуем, как это было вчера. Ирина от своих солнечных ожогов мучается.

Море разбушевалось. Гребни волн далеко от берега уже несут на себе «белые барашки».

Рагим повёз к водопаду. Дорога в горах замечательно красива. Скал и вершин нет. Это большие высокие холмы, частью заросшие лесом. Но лощины, небольшие ущелья и распадки создают великолепный пейзаж.

Ужинали у Рагима. Посмотрели прямую трансляцию из Совета безопасности ООН. Шла дискуссия по Грузии. Наш Чуркин был хорош, но как странно — такое впечатление, что его не слышали. Похоже, что для доводов России у этой братии уши закрыты. Американцы нервничают. Ещё бы. Они ввалили столько денег, чтобы через Грузию захватить влияние на Кавказе (Опять же — как на Балканах в Косово), а Россия вдруг возразила, вспомнила о своём достоинстве.

11.08. Море продолжает бушевать. Но мы с Рагимом всё-таки едем купаться. Огромные валы бьют, волочат то к берегу, то в сторону. Выходить из моря не хотелось. Белые буруны несколькими полосами (линиями) непрерывно идут на берег, грохоча и швыряя пеной.

С Рагимом посмотрели его новый земельный участок на берегу моря, где он собирается строить развлекательный комплекс. Рядом добывают камень. Делают скрышу и режут ракушечник как пирог. Один кирпич стоит 60 рублей.

Заехали и в старую дачу, где мылет пятнадцать назад провели две ночи всей семьёй. На этот раз во мне ничто не дрогнуло. А когда был с Кваниным — как защемило сердце! Ведь здесь бегали мои маленькие дочурки. Время быстротечно и неумолимо. Знаю, что это банально. И всё-таки... Тогда Наташа была крошкой. Сейчас она девушка невестного возраста.

Вечером ужинали в ресторане в парке у кого-то на дне рождения.

12.08. Видел рассвет над морем. Вначале было темно, и море выдавало своё присутствие шумом волн и редкими белыми гребнями. Затем, через какое-то время вновь выглянув в окно, увидел серое колышущееся пространство. Проснулся рано — не спалось после вчерашнего застолья. А тут и мои не спят. Наташа «мучается животом». Ирина хлопочет около. Её саму мучают солнечные ожоги. Впрочем — понемногу воспаление затихает.

К обеду небо затянуло. Пошли с Наташей купаться. Я пробыл на берегу около часа, читал.

О войне: абхазы вошли в Кадорское ущелье, окружили в нём грузин; Медведев объявил, что операция по вытеснению грузин из Южной Осетии закончена, их армия деморализована и понесла большие потери. Но в случае необходимости войскам дан приказ применять огонь на поражение.

Опять Рагим увёз обедать в ресторан — теперь азербайджанский.

Вечером программа «Время» — пир победителей. Абхазы освободили Кадорское ущелье. Грузины разбежались. Саркази в Москве вынужден согласиться с нашими (очень жёсткими) принципами урегулирования.

13.08. Утром — море. Днём с Рагимом поехали в горы. Его знакомый похоронил жену в высокогорном селе на родине. И теперь люди едут туда, чтобы принести ему свои соболезнования. Удивительное место. Между двух гряд гор, над распадком, на самой вершине «внутренней» горы стоит село. Поднимались к нему по серпантину. Затем на перевале устроили пикничок. Я много фотографировал. Надеюсь — это пригодится для очерка.

О войне: В Цхинвали много неразорвавшихся снарядов, все американского производства. Российская прокуратура возбудила уголовное дело — геноцид против граждан и военнослужащих России. Американцы и англичане отказались участвовать с нами в морских учениях на Тихом океане. С Грузией Америка хорошо «вяпалась». Нашли на кого делать ставку.

Вечер провели в ресторане на берегу моря — шампанское, кофе, мороженое, фрукты.

14.08. Неумолимо приближается день отъезда. Я соскучился по своим делам. Как там журнал, книга, статья в «Православном слове»?

До обеда море. Солнце в дымке, хорошо, не палит. Водная гладь, впервые за время нашего пребывания, почти спокойна. Море бесшумно.

Дочитал двухтомник Пикуля. Не скажу, что в восторге. Но любопытные факты гражданской войны и интервенции в книге есть. Хотя — больше этого автора я читать не буду.

Война: Грузины в страхе бросили город Гори. Наши пришли и охраняли его, пока не начали возвращаться трусливые местные полицейские. Оказывается, в городе огромный арсенал оружия и боеприпасов. Надо бы было их вывезти или уничтожить. Иначе всё это опять начнёт стрелять в осетин и русских. Впрочем, эта война показала, что мы научились что-то делать разумно и дальновидно. Может быть, и в этом вопросе наши что-то решат.

Грузины разбежались, опасаясь мести с нашей стороны.

Обедали с Рагимом. Он предупредил заранее и приехал за нами во второй половине дня. Это новый для нас ресторан — «с разбитыми кувшинами». Затем берег моря, где Ира, а следом за ней и Наташа упали в море, поскользнувшись на водорослях, облепивших прибрежные облом-

ки скал. Случился переполох. Но закончилось всё благополучно — только вымокшими платьями.

Новости войны: по ТВ — наши вывели из Гори 130 танков и бронетранспортёров (всё в отличном рабочем состоянии — просто брошено убежавшими «героическими» грузинскими воинами), уничтожили захваченный арсенал боеприпасов. Гори — это 40 километров от Тбилиси. Показали и брошенные казармы. Удирали, видимо, в панике. Всё разбросано — вещи, утварь.

Медведев заявил — Россия примет любые условия, какие выберут для себя народы Осетии и Абхазии. Практически — это добро на признании их независимости. В Цхинвали прекрасно себя показал грозненский «Восток». Хотя — по виду явные бандиты.

Американцы взбешены. Их обыграли на 100 процентов. Только теперь мне стали понятны те «внешние» слабости, что демонстрировали наши миротворцы, когда их унижали и арестовывали грузины. И те вместе с американцами попались — поверили в нашу слабость и в силу Грузии. И потеряли всё. Теперь мир станет другим.

15.08. Весь день на море — как и мечталось, когда ехали в Дербент. Купались и загорали. От тел пахнет морем и солнцем.

Читал рассказы в «Дне литературы».

16.08. Море. Читаю «Мгновения» Юрия Бондарева. После обеда на берег пошли с Наташей. Поначалу море было «обычным», затем ветер усилился, поднялась волна, которая беспокойно била в камни. Немного погода волны перехлестнули и их, а позже и вовсе по песку доходили до бревна, на котором я сидел. Это «наше бревно». Около него (и на нём) мы складываем одежду, когда купаемся, а я, сидя на нём читаю.

Небо очистилось от облаков. Выглянуло солнце. И вот в солнце грохотали морские валы. Ветер швырял нам в лица солёную влажную пыль. Дышалось легко, упоительно. И на душе было восторженно.

Наташенька стояла на камне. Море било ей в ноги. А она как фонарик в коротеньком красном платице. Смотрит на волны, жмурится и улыбается. Замечательно!

Сделали несколько снимков на её мобильный телефон. Даже ради одного этого вечера стоило сюда приезжать. И это не преувеличение. Непередаваемое состояние (душевное).

Ужинали у Рагима. Смотрели видео свадьбы Малика в огромном зале для торжеств «Россия». Такое впечатление, что весь Дербент пришёл поздравить молодых и их родителей.

17.08. Кажется — я уже «объелся» солнцем. И тянет домой. Сегодня из Махачкалы едем в Астрахань. С утра ещё покупались, позагорали до обеда, но уже утомлённо, без первоначальной жадности.

Рагим приехал за нами в квартиру. Привёз множество всякого местного подарочного коньяка. Проводил нас до города Дагестанские Огни. В придорожном кафе «У Шамиля» выпили прощальные рюмки водки под хинкали. И дальше на такси, уже одни поехали на Махачкалинский железнодорожный вокзал. В дороге Рагим ещё звонил, затем и мы ему.

Пока ждали поезда, я прогулялся у вокзала. Нет, скучно, грязно. Купейный вагон до Астрахани напоминал табор — набит безбилетниками, тамбур забили мешочки. Всё это даже смешно. Мы все трое ехали в разных купе. Я как лёг на свою верхнюю полку, так до утра и проспал.

18.08. Поначалу Астрахань встретила лёгкой прохладой. Солнце было за тучками, в дымке. Но пока доехали до Кремля, всё изменилось. Солнце начало падать так, что для облегчения пришлось нам умываться водой из поливочного шланга. Два места посетили в городе — Кремль и парк возле него. Я, правда, ещё побродил по близлежащим улочкам. Спокойный город, сонливый. Даже автомобильных пробок нет. Памятники сплошь посвящены революционному прошлому (Кирову, погибшим в 1918 году, какому-то пламенному борцу — образец первореволюционно-монументального строительства). Вышел даже на набережную какой-

то речушки. Но по сравнению с «мусульманскими» городами — это уже цивилизация.

На набережную Волги не попали. Там идёт реконструкция, всё закрыто. Впрочем, как теперь и в Нижнем Новгороде.

А жара всё больше набирает силу. На вокзал вернулись под палящим солнцем.

19.08 — 20.08. В поезде духота. Окна почти не открываются. На станции Баскунчак, уже ночью, на развёрнутом рынке бахчевых покупаем местные арбузы и дыни. Ночью точно такая же жара, как и днём.

Сосед по купе рассказал, что здесь растят арбузы на неполивных землях. После на этом месте четыре года ничего не растёт — всё арбуз из земли вытягивает.

Облегчение от жары наступает только перед последней ночью — в Саранске. От Пензы до этого города ехали очень долго. Стояли. По однопутке пропускали встречные поезда. Да и остановок на всяческих полустанках не счесть.

Задуманный очерк о Дагестане вроде бы начинает складываться. По приезду сесть бы за него, да навряд ли так получится. Есть намеченные уже поездки. Надеюсь, что в типографии готовы книга и журнал. И их рассылкой и устройством нужно заниматься.

Всё время отпуска телефон, на радость мне, молчал. И только теперь Лукин прислал сообщение. Болеет и сидит у себя дома за городом.

В душе я уже скучаю и по Борису, и по Рагиму.

25 августа

Ещё когда двадцатого рано утром приехали, то, приняв ванну, я сразу отправился на работу. В итоге узнал — журнал с книгой напечатаны, но не собраны. В почте тоже ничего особенно интересного.

Но дни полетели. Сделал в этот срок несколько звонков: договорился с Ларионовым о выставлении «Вертикали» (и книг) на стендах издательства на Международной Московской книжной ярмарке. Поговорил с Андреем Ребровым о своём возможном приезде в Питер.

За время моего отпуска Коломиец написал ещё один венок сонетов. Чугунов сдал в типографию книгу своих рассказов и пишет новый роман. Цветков написал статеищу о «царских останках» и упорно работает над книгой о Маяковском и Бриках. На этом фоне я своей бездеятельностью выгляжу жалко. Одно утешение — позвонила из «Слова» Елена Львовна Казьмина. Будут печатать «И просто — жить». Нужны иллюстрации работ Виктора Пурихова и Владимира Заногои, фотографии самих героев очерка.

28 августа

Внял просьбе Алексея Марковича, договорился с Заногой о том, что мы приедем и посмотрим на компьютере его работы, выберем что-то для иллюстрирования венка сонетов «Песнь Нижегородчине». Владимир отказывался. Ссылался на больной палец на ноге, но в итоге смирился.

Мы приехали со всем своим. Пили коньяк, ели, пели песни (это уже без меня). Только ближе к ночи вспомнили о компьютере. Интересных работ много, но необходимо для книжки выбрать одно художественное звучание, одну стилистику. Это непросто, но возможно. Для этого строчки и краски должны «сродниться». Буду думать.

29 августа

Из типографии вывезли первые сто экземпляров «В-22» и двести штук книги «О духовном». Сегодня же кое-что даже успел разослать. Но в основном журналы отвезу в Москву. Договорился с В.П. Полевановым о встрече в понедельник: «Рад буду видеть. Жду».

1 — 4 сентября. Москва

Выехали почти в полночь. Машина Чугунова, его же шофёр — не болтлив, сосредоточен, профессионален. Едем спокойно, в одной скорости. Просто отдых.

Игорь (шофёр) привык к дальним расстояниям — Красноярск, Иркутск, Улан-Уде. Хорошо знает трассу в Решётах. Вспомнили поворот и крутой спуск, на котором в детстве я чуть не разбился. Мальчишки на мотоцикле разогнались и вниз. Могла тогда и беда случиться.

Первая остановка у Лукина на «Речном вокзале». Ему же отдал часть книг (по пачке «Городок» и «Русские мальчики») и по пачке последних номеров «Вертикали». Передохнув, заехали к Е.А. Расторгуеву (никто не открыл) и В.П. Полеванову (где меня ждали). Кстати, Борис сказал, что нашу беседу о Китае «Литературная газета» собираются печатать. Хорошо бы. Эта поддержка оказалась бы как никогда кстати.

Владимир Павлович рассказал о путешествии в Монголию, показал удивительнейшие фотографии, передал для журнала статью (очерк) об открытии нового истока Амура, диск с фотографиями. Об обещании финансовой помощи тоже помнит и намерен его выполнить в ближайшее время.

У Ларионова выгружаюсь окончательно. Книги и журналы сдаю на склад. Часть поднимаю ему в кабинет для раздачи. Машину отпускаю. На сегодня хватит. И так день получился слишком долгим.

До вечера застолье у Ларионова. Выпиваем по бутылке водки.

С Борисом встречаемся в метро на промежуточной станции. Тащу пакет с журналами «Слово», где мои и Цветкова публикации.

02.09. С Лукиным расстаёмся у Белорусского вокзала. Я выхожу из машины и иду покупать билет в Нижний на 4-ое число. Долгая прогулка по солнечной, но прохладной Москве. Приходится застёгивать пиджак, и всё равно неудобно.

Маршрут: по улице Тверской, Красная площадь (Александровский сад), улица Поварская, Храм Христа Спасителя, Комсомольский проспект, 13. Здесь Борис оставил машину.

В Храме случайно (спустившись в нижнюю церковь) увидел выставку, посвящённую царской семье. Рисунки детей, открытки, ими подписанные, письма родителям. Множество фотографий всех членов семьи. Документы, подписанные императором (вступление на трон, объявление войны Германии, отказ от мирных переговоров с ней в 1916 году...) и представленные ему на рассмотрение доклады. И в конце: телеграммы о расстреле императора и о том, что Семья жива, но надёжно спрятана (уж куда надёжнее — в Ганину Яму). Записки с требованием серной кислоты. Диву даёшься — ничто в истории не пропадает, всё становится явным. Даже эти клочки бумаги (не бланки, а именно клочки, записки от руки, правда, с печатью ревсовета) не канули в Лету. Что же говорить про дела. Уж их-то явно не скрыть.

Выставлена и продовольственная карточка — выдана гражданину Николаю II в Тобольске. Все эти подлинники документы вызывают в душе смятение, которое сложно оценить и передать.

В Союзе дождался Бориса. (Передал Геннадия Иванову свежие номера журнала, книгу «О духовном»). Поехали в Переделкино повидаться с Шестинским. Из Нижнего я до него не мог дозвониться — телефон был явно сломан. Ларионов подтвердил, что в послёлке повредили кабель. Но Олег Николаевич сразу после съезда лёг в больницу и пролежал там три недели. Диагноз врачей неутешителен — сердце полностью изношено. Шестинский поскуцнел в ожидании худшего и неизбежного. Но в своём доме он нас встретил бодро. Сожалеет только о том, что не работается. Его переселили из верхнего кабинета в спальню на первом этаже. К юбилею готовят книги Ларионов и Вельможин. Лукин тоже решил участвовать — профинансировать брошюру в моей серии, где были бы собраны письма к Олегу Николаевичу разных писателей.

Почевать уехали к Борису в загородный дом. Он торопился к семье.

3.09. На книжную ярмарку на ВДНХ попал только после обеда. Долго не мог найти павильон (стенд) «Советский писатель». Но зато повидался с Владимиром Крупиным, накоротке пообщался с Сергеем Есиным.

Крупин выступал у книг издательства «Энциклопедия русской цивилизации». Заставил и меня сказать несколько слов. А и как этого было не сделать после его похвалы «Вертикали».

Вообще, о ярмарочных впечатлениях, видимо, напишу отдельную статью. Есть о чём порассуждать. В закутке пришлось посидеть с Ларионовым. От питья я всячески отлынивал. И всё равно встреча закончилась в издательстве.

Оттуда шёл старым маршрутом, до метро «Тверская» мимо посольства Грузии без флагов и табличек. Это радует. Мерзкая всё-таки страна, да и народец никудышный, развращённый «советским коммунизмом» по отношению к себе. Но в метро спускаться не захотел. Прощёл до Красной площади (закрытой для посещения), обошёл её «задворками», обошёл и Кремль. Гулялось хорошо, на душевном подъёме.

4.09. Московские пробки, выставка, суета. Наш гусяр попытался у стенда «Советского писателя» поиграть, да куда там. В двух шагах ничего не слышно — шум, гомон, объявления.

Пришёл Борис. Но мы с ним только попрощались. А с Арсением Васильевичем расставались даже как-то грустно. Порадовал Курский. Верхние залы вокзала уже отремонтированы. За месяц разительные перемены. Ну, вот и конец теперешним московским хлопотам. Выхожу к поезду на перрон. У меня последний вагон. До отправления есть время, и я прогуливаюсь по новому 11 «причалу». Вижу, как молодая девушка на соседнем перроне, через несколько железнодорожных путей, перетаскивает вещи. Жара. Она босиком по бетону. Берёт ящичек с помидорами (или фруктами) и переносит его метров на двадцать. Ставит и возвращается обратно. Берёт сетку с несколькими дынями. Затем сумки и бутылку шампанского. Затем ещё что-то. И так много раз. И что-то у меня внутри сжалось, заняло. Так стало её жалко, так захотелось помочь. И в то же время было в её труде, хлопотах что-то умирительное. Ведь наверняка это ей подарили, это гостинцы. И всё она с такими хлопотами, с таким трудом везёт для своих родных и близких. Ведь это же не шмотки для продажи, а для того, чтобы угостить «вкусненьким». Ведь не для своей выгоды, а для радости ближнего — родителей, любимого, своих детей. Девушка не думает, что это жертвенность! Сколько её (замечательной и искренней) в нашем народе.

Как жалко — никакой возможности мне не было ей помочь. Да и вопрос — захотела ли бы она принять помощь? Но и сейчас испытываю чувство вины перед ней — хоть сама она меня и не видела, и о моём существовании не знает.

15 сентября

Подготовил вёрстку (окончательно) следующей нашей книги в серии «Вертикаль. XXI век: времена и мнения». (С Натальей Менжакиной). Отдал все материалы для вёрстки книг Пафнутьева, Шестинского, «В-23» (Щеглову). Работы впереди много. А писать когда? За время возвращения из Дербента только в последние дни написал материал для «Слова редактора». К серьёзной же работе ещё и не приступал.

Звонил в «Наш современник», разговаривал с Сергеем Куняевым. Мою статью о Шестинском будут готовить в январский номер — к юбилею Олега Николаевича. Говорил Сергей без сомнений, как о вопросе решённом. А ведь я совсем позабыл, что отослал им «Яблоки русского сада». Вспомнил, только когда на прошлой неделе разговаривал с Шестинским.

Относительно интервью в «Литературной газете» (с Полевановым) пока никакой ясности. Кажется, намерение у редакции есть, но...

18 сентября

Утром позвонил Шуртаков. Ждёт меня в «Волгагеологии». Поехал на встречу. На этот раз обошлось без нравоучений. В посягательствах на это я «классика» сдержал. И всё-таки — девяносто лет, а продолжает сам ездить из Москвы в Сергач и обратно. В Нижний приехал с тяжёлым портфелем, в котором книги, журналы, яблоки для гостинцев. Интересовался Семён Иванович очерком «Фотография на память». Прямо ему сказал — нет денег для издания книги. Тут же при нём позвонил Барановой в городской департамент культуры. Та в очередной раз вписала мою заявку в годовой план. Да только толку-то от этого...

Очередную книгу «на троих» (ещё Цветков и Лукин) всё-таки назвал «Воздаяние». Сдал материал для работы в типографию. Обещают выдать тираж в октябре.

Звонил вчера Борис. Третью неделю подряд в «Литературной газете» моё интервью ставят в номер. Думаю — теперь выйдет. А у Чугунова радость. Тоже позвонил сегодня и сообщил — роман «Мечтатель» дописал. Я обрадовался, будто сам эту работу довёл до конца. Зовёт назавтра к себе, праздновать «победу».

19 сентября. Николо-Погост

Приехал Илья, сын отца Владимира. Вместе с ним забрали из типографии остатки «Вертикали» — и в Николо-Погост.

Погода тёплая, солнечная. Предлагаю идти гулять. Спускаемся с утёра от храма и долго ходим по пойменным землям Волги. Сначала по дорогам, затем по полю. о. Владимир говорит только о новой законченной книге — с горячностью, увлечённо. Она в нём ещё «бродит». Конечно, считает, что это лучшее из написанного им. И тут же готов приняться за новый роман. Но сюжеты ещё трёх просятся в работу, перебивают. И Чугунов говорит сразу о них о всех — о героях, сюжетных коллизиях, философии.

Возвращаемся в дом, обедаем (выпиваем бутылку виски) и опять идём гулять по Погосту. Всё повторяется, и мы уже вместе едем в Нижний. Забираем Ирину, поднимаемся на площадь Минина, гуляем по Верхне-волжской набережной. Больше всего, конечно, говорит автор. Заканчивается всё долгими ночными посиделками у нас.

Затрагиваем тему дальнейшего существования журнала. Пока есть взаимодействие и понимание общих задач. Но без серьёзной финансовой помощи желаемого эффекта не достичь.

23 сентября

По приглашению областного комитета по культуре участвовал в комиссии — принимали заявки на конкурс создания гимна Нижегородской области. Прислали семнадцать заявок. Подавляющее большинство — любители. Но как я понял — это всё видимость. На самом деле гимн уже кто-то готовит (Шамшурин?) И видимо, это правильно. На случай, на стихию в таких делах полагаться не стоит.

Подарил журналы Лещёвой и Глушаковой. Последняя была довольна и «оттаяла». Видимо, мой строгий вид не давал ей быть со мной «поконтактнее» в делах культуры.

Лукин передал на телефон сообщение — «Свершилось». Номер «Литературной газеты» с интервью пошёл в типографию.

29 сентября

Звонил в «Литературную газету» Игорю Александровичу Серкову (зав. отделом политики), благодарил за публикацию. Он сказал, что «материал в редакции был встречен тепло» и пригласил к плотному сотрудничеству. Для начала попросил план тем, на которые я хотел бы подготовить «тексты или беседы». Макет книжки нового венка сонетов Алексея Марковича готов. Заниматься типографией я пока отказался. Объявился

П.П. Шаров. Нам с Володей Цветковым много чем перед ним было похвастаться. Поужинали у меня в кабинете мирно — «без нервов».

3 октября

«Октябрь уж наступил». Первые дни хороши — тёплые, солнечные. Но проблема с машиной. Не смог завести. Надо тащить на сервис.

В помещении Нижегородского хорового училища имени Льва Константиновича Сивухина на площади Минина слушали «гимны нижегородской области», присланные конкурсантами. Плохо и непрофессионально. Всё отклонили. Да это и было предопределено. По издательским заботам: вёрстка книжки Пафнутьева готова. Коломийцевскую будем переделывать. Вологжане от Лукина будут издавать книгу «Северная трагедия. Стихи поэтов России» у меня. Выдал Щеглов и первую часть от «В-23» с материалом Владимира Данчука. Я разочарован и даже озабочен. Что делать. Это частный дневник. Написан начитанным, самовлюблённым и высокомерным, но несостоявшимся литератором и критиком. Человеком не без способностей, но без «сердцевины», основы внутри. Все его рассуждения с гипертрофированным самолюбием ради чего? Только самолюбование.

Дал прочитать вёрстку Коломийцу. Впечатление совпало. Теперь мне предстоит принять нелёгкое решение — как быть. Договорился с Валентином Николаевым, пусть и он прочитает, как член редакционного совета.

5 октября

Спасибо Иринуному отцу — Анатолию Михайловичу. Утром поехали в гараж, выкатили машину и взялись за её ремонт. Он всё проверил по электрике. Затем разобрал карбюратор. В итоге заменил катушку зажигания. Всё работает! Гора с плеч.

7 — 9 октября. Кунавино

В доме обмазали глиной оба «борова» на чердаке. Яблок уродилось много. Собрал в последний день четыре ванны и ведро. Да это капля в море. Написал статейку к юбилею Шестинского, заметку о «В-22» для Лукина. Он позвонил, попросил срочно подготовить. Из отдела «Литературы» Бориса переводят в «Приложения». Вот и решил напоследок нас отметить.

В последнюю ночь в доме оставался один. Писал, читал. Перед этим нарезал полведра калины. Жаль, что редко бываю в этом уединении.

Утром закрыл окна на зиму. Собрал яблоки. Обрезал поломанные ветви — не выдержали тяжести плодов.

Назад ехал с неработающими приборами, не включая поворотники.

11 октября

Суббота. В «Волгагеологии» встретился с Евгением Галкиным. Говорили за рюмочкой. Много и по-доброму вспоминали Адрианова. Тут же решили подготовить подборку стихов покойного профессора-пушкиниста Всеволода Алексеевича Грехнёва.

Когда распрощались — я неожиданно для себя решил съездить на кладбище в Марьину рощу. Посидел на могиле у отца. Было грустно. Осень. И жизнь уходит, истощается... Как быстро всё проходит. Вот и отца уже почти двадцать лет нет в живых.

Проходя мимо бывшего завода «Орбита», вспомнил о своей армейской службе. Как давно это было, и как недавно. А ещё моё пятидесятилетие здесь же. Отмечали в ресторане (в цехах завода теперь офисный и развлекательный центр). Вот так всё в один клубок и сматывается. И от этого на душе грустно, даже горько. Но отчего? От понимания и ощущения ушедшего времени?

17 — 18 октября. Городец — Николо-Погост

Свадьба у Даши Чугуновой. Едем всей семьёй на Таниной машине.

Все подобные «мероприятия» для меня в тягость. Когда о. Владимир позвал к ним в Николо-Погост — поехал с облегчением. В итоге у них и остался ночевать. Проговорили до трёх часов ночи. Просмотрели вёрстку «В-23». На следующий день только после обеда поехал домой. С ночи дождь лил не переставая. Холодно. Наташа в Казани отдыхает. А мне завтра нужно срочно впрягаться в работу. Готовить материалы для книги публицистической серии. Вечером звонил С.Т. Прохоров из Красноярского края. Всё у него хорошо — издаёт книги, журнал.

19 октября

Воскресенье. Отправился к себе в кабинет. Позвал Цветкова. Вместе подумали над содержанием новой книги. Моя роль в ней «подсобная». Это смущает. Решил, было, вставить туда (вместо себя) воспоминания Шарова, да больно большое несовпадение тем и стилей. В итоге остановились, что я подберу статьи из рубрики «Слово редактора». Это, конечно, компромисс. Основная нагрузка в книге выпадает (заслуженно) на статьи Владимира.

Поехали в Ботанический сад нашего университета. Это — Анкудиновское шоссе. Место удивительное. Для прогулок уже не сезон, сыро. Но аллеи разных деревьев, ландшафтные посадки различных берёз, елей, неведомых деревьев, кустарников и прочего — восхищают. Это шло от чувства открытия, новизны. И ведь огромный массив ухожен человеком, не загажен пластиковыми бутылками и прочей упаковочной гадостью. Просто природный оазис в черте города. Только бы сохранить всё это природное великолепие. Обязательно сюда надо будет приехать ещё. Зимой. Если доживу, то и весной, и летом. Великолепное место для созерцания и прогулок.

22 — 23 октября. Кунавино

С трудом, но вырвался из суеты (в основном — издательской). День на славу. Поехали с Цветковым. В саду у веранды с двух яблонь вывез десять тележек яблок к бане. Много! И жалко! Но куда их девать.

Ночью смотрели звёзды в чистом, даёком небе. Красота, к которой невозможно привыкнуть. Тянуло писать. Пожалел, что поехал не один.

В деревне доживают последние дни соседи Женя и Нина, которая с собачёнкой Жучком и котом ходит за молоком в соседнюю деревню. Дружно живут втроем — на заглядение.

25 октября

Суббота. Поехал к себе. Первое — окончательно подготовить интервью с Коломийцем для газеты «Российские недра» к его семидесятилетию. Конечно, всё делается в суете и спешке. В целом, беседа получилась, но в каком-то сокращённом виде. Когда прочитал уже набранный на компьютере текст, ощутил это явно. Но расширить и дополнить нет никакой возможности — Алексей Маркович торопится в Москву.

Съездил к Пурихову в мастерскую, забрал статуэтку Христа для подарка Алексею Марковичу. Работа мне так понравилась, что стало жалко отдавать. Но это от лукавого! Поборол искушение.

В мастерской рассматривал пуриховские произведения. Переставленные по-новому на стеллажах, они приобрели дополнительные достоинства. Работает Виктор по-прежнему много. Сейчас готовит макет памятника афганцам для Кстова. Сделал эскизы ангела-хранителя для Арзамаса. Вернувшись в «Волгагеологию», позвонил Шестинскому. Олег Николаевич получил текст моей «юбилейной» заметки. Оценил, как и положено, сдержанно. В общем-то, это проходной материал. Но по-другому и быть не могло. Написать вторые «Яблоки русского сада» я бы не смог. Все впечатления (основные) высказаны в этом очерке. Ларионову за-

метка «Кто же аз есмь?» понравилась. Вроде бы будет печатать. С пятым номером «Слова» пока ничего не прояснилось. Будет ли там «И просто — жить»? А вот тому, что привезу яблоки из своего сада, Олег Николаевич искренне обрадовался. Дождь!

26 октября. Городец — Николо-Погост

В краеведческом городском музее — конференция по книге «Городок» Чугунова. Читатели (в основном, пожилые дамы) говорили хорошо, обстоятельно. Из гостей — я, Сергей Чуянов, Александр Пашков. Выступали последними. Мне пришлось несколько слов сказать и на камеру — для передачи Сергея Петровича.

Ужин у Чугуновых. Неспешный. Домой ехали поздно, но всё равно долго. Воскресные трудности перед волжским мостом. Но мне пришлось опять вернуться в Николо-Погост (дома только забрал необходимое в дорогу). Завтра рано утром через Заволжье и Иваново поедем в Москву.

Да, после конференции в музее подходил ко мне редактор местной газеты. Хвалил журнал, особенно интервью с Полевановым.

27 — 29 октября. Иваново — Москва

Дорога получилась несколько утомительной. В Иваново заехали, чтобы отец Владимир отдал в типографию макет книги для печатания. Оттуда поехали на Владимир. Суздаль миновали по объездной дороге. Так что города я не видел.

В Москве проехали в Переделкино. Шестинские не ждали, но обрадовались. Наконец-то привёз им яблоки из своего сада. Олег Николаевич выглядит утомлённым. В письме он мне сообщал, что хотел бы исповедоваться и причаститься. А тут такой случай. У Чугунова с собой были и епитрахиль, и требник. Только даров для причастия не взял. Шестинский вновь заговорил об исповеди, и отец Владимир тут же предложил это таинство совершить. Они удалились в комнату Шестинского (теперь она на первом этаже, в бывшей спальне), и пробыли там, как мне показалось, недолго. Но вернулся к столу Олег Николаевич радостным, просветлённым лицом (в буквальном смысле), ожившим. Я поразился произошедшим с ним переменам. После чая поговорил о моей заметке к его юбилею. Как понял, Шестинский ждал иного.

Сквозь жуткие Московские пробки пробиваемся на Масловку к Расторгуеву. У художника говорили о «Городке». Чугунов яростно не приемлет замечаний, спорит. Ночуем у Щукиных.

28.10. По сотовому телефону нахожу Полеванова и договариваюсь о встрече в 14-30. Едем к Ларионову. Выясняю — мой очерк идёт в пятом номере. А вот диски Владимира Павловича, похоже, потеряны. Жаль. Хотя виноват, конечно, сам.

Пешком идём в «Литературную газету». Борис передаёт вёрстку книги вологжан «Северная тетрадь». Много исправлений. Тут же договариваемся с Андреем Воронцовым, что напишу для отдела «литература» о жизни нижегородского Союза.

Перекусили в закусочной Иоаннова монастыря. Пешком вернулись к Красной площади. Я через мост отправился к Полеванову, а Чугунов в «Новый мир» к Василенко. С Владимиром Павловичем милый получасовой разговор ни о чём. Смотрели фотографии из Италии — красиво. Условились об интервью о золоте. Сфотографировались.

Погода отличная. Опять пешком дохожу до Пушкинской площади. Намеченная встреча с Борисом Лукиным сорвалась. Еду к Щукиным. Утром отправляемся в Нижний.

31 октября

С Цветковым на машине Шарова получили сразу два тиража книг — «Воздаяние» и «О русской литературе» А. Пафнутьева.

Вчера на правлении «Литфонда» разбирались с делом «Арины». Тягостное впечатление. Поражает безразличие Бориса Селезнёва, его «пофигизм».

1 ноября

Получил тираж венка сонетов Алексея Марковича. Утром был у Натальи Менжакиной, просматривал вологодский макет. Они по-прежнему не входят в оговорённые рамки (предложенные ими самими 180 страниц). Может быть, потому весь день «заведён». Вообще, с нервами у меня нелады.

7 ноября. Санаторий «Татинец»

Отмечаем юбилей Алексея Марковича. Зал (ресторан) санатория полон. Приехали заместитель губернатора и министр, коллеги. Поздравления, подарки. Коломиец возбуждённо весел, в движениях быстр. Мы приехали с Наташей. Разместились в номере (довольно убогом), затем сидели за обильным столом. Я поздравлял среди последних, поэтому почти не пил. Начал со слов: «Много званых, но мало избранных».

Удачно получилось с машиной и вечером вернулись домой.

Сегодня же меня разыскал Николай Трифонов. Просит помочь с изданием книги его давних рассказов.

11 ноября

Сдал макет «Северной тетради» в типографию. Кажется, всё закончилось хорошо. Уложился и в смету, и в сроки.

14 ноября. Николо-Погост — Городец

Хотел отвезти Чугунову наши книги для обмена — но сорвалось. Поехал только, чтобы передать «Слово» с нашими публикациями. (На днях журналы пришли из «Советского писателя». Мой очерк подготовили удачно. Разбили его на главы.) Посмотрел сайт с обложками «Вертикалей». Долго гуляли — уже в новом направлении, до следующих деревень (вдоль старицы), что на обрыве.

Возвращались в поздних сумерках по краю поля, по просёлочной дороге. Луна полная — огромная, красная всходила над вершинами голых деревьев дальнего перелеска. Изо рта пар. Лужи затянуты льдом. Говорили, конечно, о литературе. Перед этим в Городце заезжали в «студию», где Варя записывает песни, а Саша оборудует фотоателье. Здесь же снимались кукольные фильмы фонда «Родного пепелища».

18 ноября

Получил у Щеглова вёрстку «В-23». В типографию пока не сдал. Тираж журнала уменьшаем до пятисот. Надо считать деньги.

«Северная тетрадь» полностью отпечатана. Начинают клеить.

Щеглову отдал «на пробу» рукопись Трифонова. Попытаемся её сосканировать, чтобы не набирать текст заново. Правда, вторые экземпляры на пишущей машинке пропечатаны плохо. И тоже верстать надо начинать — время идёт. Книга Шестинского почти готова. Осталось внести правку и расставить фотографии. Тоже и с «Посохом» Володи Цветкова — завтра еду смотреть вёрстку к А.И. Юрину.

Приходил Шаров. Хочет опубликовать рассказ в «Вертикали». В общих чертах договорились. Из всех редакционных дел — пока держит исправленную мною рукопись (об истории сёл) Цветков. Работа над этой книгой тоже не терпит затяжки — деньги оплачены! Структуру её я уже определил. И надо начинать верстать книгу своих рассказов. Опять самое главное всё откладываю и откладываю на потом. В первую очередь выполняю свои обязательства перед другими.

Из звонков: договорился с Лукиным, Полевановым, Ларионовым о предстоящих встречах в Москве (в четверг). Ребров Андрей сообщил, что будет печатать в «Родной Ладге» рассказы Чугунова.

20 ноября. Москва

Едем с Никитой Чугуновым на машине. При выезде из города начал идти снег — лёгкая позёмка мела по асфальту. Впервые в этом году.

В Москве сразу проехали в «Советский писатель», и там, на их территории, за воротами, в самом центре города, разложив сиденья, спокойно проспали два часа. Разбудил нас Арсений Васильевич, постучав в окно.

— Чего же не поднялись ко мне? — посетовал он.

Никита обменял книги Чугунова. Я оставил «Воздаяние» (три пачки) для Лукина. После чая с Ларионовым поехал к Полеванову. Записали с Владимиром Павловичем хорошее интервью по золоту. Посмотрели замечательные снимки владимирских и суздальских храмов. Хорошо бы их издать набором открыток!

На улице ветрено и снежно. Из-за этого отказался от традиционной нашей прогулки. Поехал в метро. С Арсением Васильевичем обедали и разговаривали. Оказывается, они будут в «Слове» перепечатывать мою статью из «Православного слова» о прошедшей книжной ярмарке.

Из Москвы выбирались больше двух часов. Пробка жуткая. И аварии.

Аварии и на всём остальном пути до Нижнего. Но нас миновала «беда сия».

22 ноября

С Павлом Павловичем Шаровым вывез тираж «Северных тетрадей». С Володей Цветковым готовили (на компьютере) текст по истории сёл. Много поправили, вычистили. Но, думаю, работы впереди ещё предостаточно. Слишком «грязно» написано и набрано. Ошибки.

Вернулся Шаров, втроём немного посидели. Отвёл душу. Успокоился. До этого был на страшном взводе.

Вчера с Юриным прошлись по вёрстке «Посоха». Книга почти готова, чтобы её сдавать в производство. И вчера же Шеглов приступил к работе над книгой Николая Трифонова «Возвращение в детство».

24 — 29 ноября. Москва

Еду попутно с Коломийцем. Везу половину тиража «Северных тетрадей» в Балашиху. Сдаю удачно. Устраиваемся, по предложению Алексея Марковича, в «Измайловской», и я еду к Лукину. Встречаемся в метро.

25.11. Утром едем в «Литературку». Борис, как всегда, торопится к себе в Архангельское. Распечатываем вёрстку «Мятежной книги» Шестинского. Это сборник ранее не публиковавшихся стихов, «из стола». Я его забираю для чтения. Заодно выясняю в бухгалтерии судьбу моих гонораров, в отделе «Литература» — о заметке про литературную жизнь Нижнего Новгорода. Она принята. Будут печатать в декабре.

Расстаёмся у метро. Ветер холодный, пронизывающий. Но всё равно старым маршрутом (до Кремля, по набережной мимо Храма Христа Спасителя) иду пешком до Союза, на Комсомольский проспект. Приём тёплый: Котькало, Геннадий Иванов, Николай Дорошенко. Зашёл и Николай Переяслов. Поздоровались. Оказывается, уже привезли сюда мною изданные книги.

Забрал билеты на Соборную встречу в честь 50-летия Союза в зале проведения Соборов в Храме Христа Спасителя. Взял на всякий случай один лишний.

Вечером в гостинице (решил жить в «Измайловской») дал Коломийцу почитать распечатанную вёрстку. Фыркает, возмущается — всё написано плохо. Не выдержал, забрал материал назад. Почувствовал — закипаю всерьёз. С молодости не выношу, когда не уважают чужой труд.

26.11. Утром решил никуда не идти. Сел в гостиничном номере за работу. Много в книге стихов откровенно слабых, написанных небрежно. В душе — горькое разочарование. Зачем ввязался в это дело. Вычеркнул из вёрстки стихотворений двадцать. А надо бы процентов восемьдесят! И это только половина книги! Я понимаю, что это «отходы производства», которые автору, в конце жизни просто так выбрасывать жалко.

После обеда собрался и поехал в Третьяковскую галерею. Проходил в залах более четырёх часов. Уже пройдя всё, к отдельным картинам вновь вернулся. Долго сидел у «Явления Христа народу». Пройдя опять по залам, вновь ощутил (из картин) как разрушалась вера нашей интеллигенции в Православие, в Христа. (Пьяные попы, уродливые кликуши). И совсем иначе отображено рабочее движение — с красными флагами, возвышенно. И это начиная с середины 19-го века. Посидел и около любимой своей картины — Крамской, «Христос в пустыне». Спаситель сидит на камне и погружён в глубокие думы о предстоящем.

А вот скульптура Коненкова почти не затрагивает чувств.

Залы древней русской живописи — икон — это особый мир.

После галереи поехал на Славянскую площадь, перекусил в монастырской «столовой». Показалось всё — пироги, заливная рыба — не очень вкусным. Попытался прогуляться, но холодно, ветер сырой. Прошёл через Красную площадь (вновь устраивают на ней каток — мусор, техника, шум) до Библиотеки имени Ленина, и оттуда до «Арбатской», чтобы до гостиницы ехать без пересадок. Вскоре после меня приехал и Алексей Маркович — навеселе, с едой и бутылкой коньяка «Хенесси». Так до половины ночи и просидели.

27.11. Вечером в Славянском центре мы вместе представляли журнал «Вертикаль» и книгу «Воздаяние». Своё слово я сказал кратко. Много стихов читал Лукин. Хорошо выступил Анатолий Парпара и неудачно Коломиец. Когда он начал читать «Поклон Нижегородчине», народ заскучал. В итоге Карташова, хозяйка этой «гостиной», дала знак закругляться. Это Алексея Марковича обидело.

Ужинали в кафе втроём. С Борисом мы немного повздорили, и он уехал. Но прислал сообщение по телефону с извинениями. Если бы он этого не сделал, то сделал бы я. Оба были неправы. Я ему тут же перезвонил. Условились встретиться завтра утром.

28.11. День без планов. Утром поехал к Борису. Вместе посмотрели вёрстку «Мятежной книги». Почти во всё сошлись во мнениях — об удалении стихов и исправлениях. Борис справедливо предлагал убрать слабые стихи Шестинского, посвящённые мне, но я их оставил. Пройдёт срок, и пусть хоть это останется на память. На вечер Лукин позвал в Некрасовскую библиотеку. Там творческая встреча Полины Рожновой. Подготовила она её хорошо. Пришёл Аршак Тер-Маркарян, её старые и новые студийцы. Читали стихи и прозу, пел песни под гитару артист (бывший мальчишка, исполнитель знаменитой пионерской песни «Орлёнок»).

При расставании, после короткого застолья (вино, конфеты) я взял рассказы у Ольги Моториной. Надо бы что-то у неё опубликовать.

29.11. Утром не торопясь выехали из гостиницы. Снег, который обильно в Москве выпал сутки назад, полностью растаял. Дорога до Нижнего заняла четыре с половиной часа.

4 — 6 декабря. Москва

Давно не ездил на поезде. Пришлось совершить над собой некое усилие.

В Союзе узнал, что можно бы было ехать и на девятичасовом. Вполне успевал к началу пленума. Зато успел подробно поговорить с Полиной Рожновой о нашем дальнейшем сотрудничестве. Вологодская группа развила бурную деятельность по популяризации «Северных тетрадей».

Подарили книгу в Госдуме депутатам, своему губернатору, В.В. Жириновскому... Теперь хотят издавать следующий сборник — уже «московский».

Поговорили с Крупиным. Тепло пообщались с Володей Шемшученко. С Ганичевым расцеловались.

Сам пленум прошёл быстро и оказался посвящённым предстоящему съезду, на котором состоится выбор председателя и секретариата. Перед ним представляли книги. Всё быстро, в шуме. Друг друга мало кто слушал.

На ужин вместе со всеми я не поехал. Встретились с Борисом у Белорусского вокзала. Пошли на вечер в Болгарский культурный центр. Это оказался шикарный особняк, когда-то подаренный болгарам И.В. Сталиным. Внутри резное дерево, расписанные потолки, богатый хрусталь (люстра, светильники на стенах). Выступали болгарские поэты, приехавшие на юбилей Литинститута. Хорошо читали свои стихи, держались с достоинством, выглядели солидно. Наша же публика вела себя не без подобострастия. Как же — ведь приехали из Европы.

5.12. В этот приезд ночью у Бориса. Утром он мне пожаловался, что чувствует себя плохо — слабость и симптомы, похожие на предоперационные. Я расстроился. В Соборный зал Храма Христа Спасителя он со мною не поехал. Зашёл я свободно, без обычной толкотни. Валерий Николаевич Ганичев произносил вступительное слово. Шемшученко меня увидел первым и потащил за руку к себе, на свободное место.

Послушать успел немногих: Владимира Карпова (Он сильно постарел. Даже к микрофону не смог выйти, говорил из-за стола. Но чётко и здраво.), владыку Белгородского Иоанна, некоторых писателей из бывших автономий. Но это было уже после известия о том, что скончался Патриарх Алексей II. Об этом же я узнал от Андрея Печерского. С Шемшученко вышли в фойе. Увидел Андрея. Тот рассказал, что у них в редакции замурочила икона «Державная». «Теперь я знаю, почему это случилось. Патриарх умер».

После обеда с Шемшученко и редактором «Севера» ушли в «Литературную газету». Так до вечера вместе и протрудились.

6.12. Поезд в 14-00. И всё равно чуть не опоздал. Почти проспал. В дороге читал и много думал о Борисе. Господи, помилуй его, сохрани...

9 декабря

Похороны Патриарха. Всё транслируется по ТВ. Людское море. Невольно вспоминаются похороны Ельцина. Сколько бы ни тужились СМИ, а хоронить бывшего президента пришли единицы. А тут... И искренняя скорбь, и искренняя любовь... Россия была и есть истинно православная страна, и это главное, это важно, из этого постулата должны в первую очередь исходить наши правители. Понравился Путин. Крестился и сожалел искренне. Так мне показалось.

По центральным каналам без рекламы идут документальные фильмы о Патриархе и истории Русской церкви (интереснейшие). И будто воздух в стране вмиг очистился, стал другим. Это и есть торжество Православия!

Работа над тремя вёрстками книг близка к завершению — «Посох», Шестинский, Трифонов.

11 декабря

90-летие А.И. Солженицына. Писатель не дожил до него четыре месяца и несколько дней. По ТВ документальные фильмы. Много чрезвычайно интересного и важного. Всё-таки это был значимый человек в нашей новейшей истории... и писатель (наверно, единственный), который призывал врагов сбросить атомную бомбу на свой народ, к которому сам принадлежал. А этот народ, спустя годы, восторженно встречал его в столице криками «ура!», по возвращении из США.

Вечером позвонил Марахтанов. Умер Валентин Арсеньевич Николаев. Я не знаю, что написать по этому поводу. Всё как-то переменялось в моём отношении к нему. И все мои претензии вдруг оказались такими мелочными, неважными. Мы ведь знали друг друга более тридцати лет.

13 декабря

Похоронили Валентина Николаева. Я успел к выносу из квартиры. Отпевание в храме на улице Полтавской. Народу немного, но все свои. И прошло всё как-то благолепно, тепло. Простились без суеты. Когда я целовал его в лоб (в полоску бумажную с молитвой), то как-то ясно почувствовал, что это только безжизненный, пустой кокон, оболочка, оставленная, покинутая душой. Ибо у неё теперь жизнь вечная. И находится она где-то среди нас.

На кладбище холодно. Ветер. Снега всё нет, но впервые на лужах появился ледок. Он ещё не проморозил неглубокие лужи до дна, но всё-таки температура минусовая (минус три).

Прощались вновь без истерик, спокойно, достойно, с печальным чувством. Большинство были старые из «Воложки». Всё-таки удивительное то было время. Сливки снял Николаев с того, что накопилось в молодой нижегородской прозе. Но сметаны (тем более масла) сбить не смог. Кто что-то сделал, чего-то достиг — всё благодаря собственным силам и умению, настойчивости, трудолюбию. Удивительно, но за всё время он ни о ком из нас не опубликовал (за тридцать-то лет) ни одной заметки, ни одной рецензии на наши книги. Но истинному взгляду на литературу, пониманию сути литературного труда некоторых из нас он научил.

На поминках тоже всё было по-домашнему. Все сидели долго, говорили не торопясь. Я даже ушёл намного раньше окончания обеда.

14 декабря

После работы у себя в кабинете прошёл в музей Добролюбова. Владимир Лебедев позвал на представление новой книги афоризмов, где четыре автора. Вечер по-провинциальному скучный, но книга издана неплохо. Поражает только, что этот жанр принадлежит в основном одной национальности. Это было видно и среди собравшихся.

Повидались с Пашковым. Александр попенял мне, что не известил его о кончине Николаева. На выпивание водки под бутерброды не остался. Не моя компания.

19 декабря

Вывез из типографии (с помощью Шестака) остатки тиража «В-23». Первую половину его, после моей рассылки, сегодня же, только днём, увёз в Николо-Погост Илья Чугунов.

Сегодня Щеглов сдал в типографию Политеха книгу Николая Трифонова «Возвращение в детство». Обещали до Нового года сделать.

Вечером в кабинете председателя в Союзе собрались на девять дней помянуть Николаева. Пили мало, говорили спокойно — без споров, но и без придыханий относительно «величия» покойного. Борис Селезнёв записал наши короткие воспоминания на диктофон. Хочет что-то сделать для газеты. Были Шестак, Марахтанов, Сатирская, Климешов да Жильцов с Фигаревым.

К ночи позвонил Чугунов. Журнал ему понравился. Мне приятно слушать такое о своей работе. Будем готовить следующий номер. Материалы вновь подбираются интересные.

Наташа Адрианова (тоже позвонила) хвалила стихи Грехнёва и всячески ругала Галкина — какое он имел право прикасаться к этому светлому имени?! Но ведь именно у него оказалась рукопись (машинописный текст) книги Всеволода Алексеевича.

А ситуация, действительно, сложилась странная. Оказывается, в семье не знали о готовящейся публикации. (Это со слов Наташи.) А как же заверения Галкина об обратном? И почему он, уже имея журнал на руках, не только не взял его и для вдовы, но, как оказалось, даже ей не позвонил? Это порождает во мне чувство недоумения и заставляет думать, что в этой ситуации с его стороны, действительно, не всё чисто-плотно.

А Борис Лукин с семьёй в Нальчике. Моя заметка о делах Союза вроде бы идёт в «Литературной газете» на следующей неделе.

23 декабря

Несколько дней стоят морозы до минус десяти градусов. Ока покрылась ледком. Лёд идёт и по Волге. Но снега всё нет. И лишь к вечеру немного попуржило, припорошило землю беленьким. Сразу потеплело.

Наконец-то закончили с вёрсткой книги Олега Шестинского. Список моих «долгов» (издательских) уменьшается.

25 декабря

Уже ставший традиционным «Новогодний приём» в Литературном музее М. Горького. На этот раз празднично расселись в центральном Белом зале. Красная обивка мягких стульев, золото и хрусталь большой люстры, зелёная ёлка, увешанная колокольчиками с какими-то висюльками — всё это празднично отражалось в огромном, во всю стену старинном зеркале.

Я сел рядом с Иваном Кирилловичем Кузьмичёвым. Расспрашивал профессора о Заволжье, о Керженском заповеднике. Кузьмичёв когда-то путешествовал по тем местам, сплаваясь по Кержинцу на лодке.

О моей заметке в «Литературной газете» (утром я купил свежий номер) пока отклика нет. Думаю — и не будет.

Директор Государственного музея А.М. Горького Тамара Александровна Рыжова в своём выступлении вспомнила о моей Шолоховской премии, и даже заставила меня подняться, чем сильно смутила, рассказать о премии. Но кому это интересно. Ответил несколькими фразами и сел на своё место.

За столом плоско и дурно шутил Пашков, без умолку «трещала» Крюкова, важничала Прибутковская. У неё прошли премьеры пьесы в Вологде и у нас в драме.

26 декабря

Книга Шестинского в типографии Политеха. Там же распечатана книга Трифонова. Завтра Цветков отдаёт «Посох» в производство в типографию «Растр». Окончательно решилось с книжкой стихов дочери Эльвиры Бочковой — Галины Талановой. Буду делать.

В «Православном слове» получил последний номер. Целый год печатался у них чуть ли не в каждом выпуске.

Снежно, холодновато, но до Речного вокзала шёл пешком. Заканчивается ещё один год. Завтра посидим немного у меня в «редакционном кабинете» — тесным кругом. Вроде бы немало всего сделано, но нет главного — значительной прозы. Если бы не был написан очерк «И просто — жить», совсем бы худо себя чувствовал, подводя итоги. Потому — вечная задача — надо что-то менять. И я знаю что!

28 декабря

Алексей Маркович позвал в ресторанчик «Корчма» вместе с украинским обществом культуры проводить нынешний год. Наслушался украинских песен. Наелся вареников. Назад шёл пешком. Ещё даже не стемнело. От площади Горького сделал большой крюк до площади Минина.

Вчера тоже посидели у меня — подводили итоги 2008-го. Были Цветков и Шаров.

29 декабря

Выез тираж Трифонова и заказал вёрстку сборника стихов Бочковой.

Звонил Владимир Павлович Полеванов. Благодарил за редактуру его очерка в «В-23» («Будто это и не я писал»). Говорил, что очень рад знакомству со мной («Рад, что вас узнал. Спасибо Кожину»). В общем, чрезвычайно приятный для меня разговор. Такая оценка труда, такое отношение греют душу.

Я тоже позвонил и поздравил с Новым годом Реброва и Шемшученко. Андрей сказал, что статейку мою из «Литературной газеты» ему прислал по электронной почте некто Романов (их местный, питерский). И видимо, не только ему. Володя тоже прочитал, смеётся. Но сам я в ожидании чего-то. Впрочем — может, и не будет ничего. Это как камень брошенный в болото — ряска поглотит его и вновь спокойно сомкнётся.

Вечером звонок Жильцова. «Завтра правление в 16-00.» Что за вопрос? «Все возмущены твоей статьёй». Дал согласие придти.

Селезнёв — приглашает на радио в прямой эфир поговорить о Валентине Николаеве. Статью читал — поздравляет. Но этот в моём деле не помощник и не защитник. Первый испугается.

30 декабря

Позвонила Полина Рожнова с «компаньонкой». Поздравили и подтвердили желание на дальнейшее сотрудничество. Всё это важно в преддверии предстоящего разговора с «коллегами».

Ещё успел зайти в Сбербанк. Гонорары из «Литературной газеты» на мой счёт переведены.

Разговор в Союзе получился совсем не таким, как я его себе представлял. Намного мягче и осторожнее, что ли. Думаю, мои оппоненты были даже несколько растеряны. Правда, и я повёл себя сразу довольно жёстко. Разговор весь наш записал на диктофон. «Какого-то судилища устроить над собой, — предупредил с первых же слов, — не позволю». Хотя потом в целесообразности резкости тона статьи и сделанных в ней оценок усомнился. Присутствовали все члены правления, кроме А.М. Цирульников и Захара Прилепина. Последний вроде бы обещал быть, но... Придрались в основном к тексту, к каким-то фразам. Жильцов (увы) опять передёргивал и откровенно агал. Я, видимо, опять слишком громко говорил.

В заключение: оценили статью как донос. (На кого и кому? Подумать над этим у наших «писателей» ума уже не хватило). Мне предложили на общем собрании выступить со своими предложениями по поводу улучшения работы Союза. Чуянов требовал написать опровержение на мою статью в «Литературную газету» или в местные газеты. Я уверен, что ничего они делать не будут. Труссы! Да и как опровергнуть очевидное? На том и разошлись, улыбаясь и с некоторыми вполне дружелюбно.

Вообще — я жалею о другом — что ничего этой статьёй не добьюсь. Слишком мелки людишки, чтобы думать не о себе, не о своей выгоде, а об общем деле, ответственности за него.

Трудно тому, кто не имеет обоняния, объяснить, чем отличается запах навоза от аромата роз.

31 декабря

Утром кроме прочих звонков — Альбины Петровны Гладышевой. Благодарит за мужество. «Я рада, что в тебе не ошиблась. Большую смелость надо иметь, чтобы, наконец, это всё сказать им прямо и публично». И ещё много тёплых слов. На душе у меня полегчало и повеселело. Значит не такой уж это и был крик «вопиющего в пустыне», раз кто-то его всё-таки услышал.

В редакции — отдал часть тиража книг родственникам Трифонова. Затем позвонил Шестинскому. Номер «Слова» к юбилею Олега Николаевича вышел. Открывается моей статьёй.

В Новогоднюю ночь вдвоём с Ириной. Девчонки в Городце. На душе мирно (вполне). Итоги года мне радостны. Ближе к двум часам повстречались с Пашковым. Вокруг гремели салюты и петарды (как на войне), а мы ходили вдоль наших домов и говорили о всяких пустяках — почти ни о чём.

Господи — дай времени и сил выполнить то, что задумано!!!

КАК УСКОЛЬЗАЮЩАЯ ТЕНЬ

2009 год

16 января

Всё не хотелось ничего писать в этот дневник.

Долгие новогодние праздники (кстати — морозные, доходило до минус восемнадцати) прошли спокойно и не утомительно. Из дома убежал к себе в редакцию и за эти дни всё-таки дописал рассказ «На реке Пожме». Конечно, его ещё надо доводить, но сам по себе рассказ состоялся.

Перечитал «Бесов» Достоевского. Понял, что до этого по настоящему романа не знал. Какие страсти и какое предвидение. В то же время и форма романа, и его изложение просты и доступны. Есть и «недоделки», но ведь писалось в спешке, в журнал.

Звонили и поздравляли Валерий Васильевич Никитин (он прочитал журнал, говорил хорошие слова) и Рагим.

Рождественскую службу смотрел по ТВ. Вёл митрополит Кирилл (энергично и более эмоционально, чем почивший Патриарх). Рядом с ним епископ Егорьевский Марк. Только они двое были одеты в белое облачение.

Закончились праздники тем, что десятого числа в Союзе было организовано застолье. Я на него не пошёл, уехал к себе писать статью по книге Павла Флоренского «Все думы — о вас», содержание которой составляют письма, посланные семье из тюрем и лагерей в период с 1933 по 1937 годы. Но пришёл Коломиец и уговорил поехать с ним. Уж очень ему хотелось раздать свои последние книжки писателям.

Поехал ещё и потому, чтобы показать — я ни от кого не прячусь и никого не боюсь. Никакого явного напряжения по отношению к себе не почувствовал. Открыто никто не высказал осуждения (на этот раз были и Цирульников, и Захар Прилепин), хотя подходили, говорили, что мою статью прочитали. Закончили вечер с Алексеем Марковичем в кафе Кладовой башни Кремля.

Вообще, кажется, что статью читали все. Об этом говорили мне Валерий Киселёв («Видно — наболело, я-то многого не знаю»), Любовь Ковшова («Все в Сарове говорят о твоей статье. Вышли копию»), Георгий Ликин («Мы все тебя поддерживаем — это о редакции «Епархиальных ведомостей». — Только зря себя в конце похвалил»), Павел Климов («Мне многие звонили, говорили о твоей статье») и так далее. Всё-таки столь сильный резонанс меня удивляет. Но ведь много тех, кто со мной согласен. Значит, диагноз болезни поставлен правильно, как бы компания Володи Жильцова (да я думаю, что и тут он не самостоятелен) не злилась и не желала выставить меня клеветником. К тому же Владимир Иванович вновь подтвердил свою репутацию человека неискреннего, даже подлового. Узнав, что Селезнёв организовал наше с ним выступление по радио, посвящённое памяти Валентина Арсеньевича Николаева, обегал всех, обзвонил, насуетился, но добился, чтобы в этом эфире вместо нас быть самому с Чижовым. В итоге ведущая с радио перезвонила Селезнёву, пожаловалась на эту «деятельность» Жильцова и в раздражении

заявила: «Мне всё равно, кто от писательской организации придёт». И её понять можно. Ведь вопрос не в том, чтобы Владимиру так уж нужно было лишний раз «посветиться» (он же совсем Валентина Арсеньевича не знал, так, шапочное знакомство), а в том, чтобы не дать сказать слово ненавистному Сдобнякову. Не исключаю тут главной роли Чижова. Ему же надо было меня как-то отблагодарить за то, что принял его в Союз писателей. (Вспомним известное высказывание: «За что ты меня так ненавидишь, что доброго я тебе сделала?»). Нет предела человеческой низости и подлости.

Ну, что ещё? Вчера вывез тираж «Посоха». Есть в книге (в макетировании) «неловкости», которые первоначально меня расстроили. Но затем смирился и отметил это с Владимиром Георгиевичем Цветковым хорошим вечерним разговором под бутылку шампанского.

Сегодня получил готовую вёрстку сборника стихов Галины Талановой «Душа любви открыта». «Русские судьбы» тоже в работе, а книга Шестинского уже в производстве, печатается. Так что жизнь идёт. Теперь только бы с творческого курса не сбиться. Как говорит о. Владимир Чугунов — в этом году мне надо написать новую книгу рассказов.

21 января

Получил в типографии Политеха тираж книги Шестинского и отдал в печать сборник Талановой. Разделяюсь с последними прошлогодними обязательствами.

В разговоре по телефону Олег Николаевич «суетлив» — весь в юбилейных хлопотах. Говорит о каких-то несерьёзных мелочах — за сколько минут приехать в «Советский писатель», где раздеться.

Взяла трубку Нина Николаевна — чётко всё доложила по делу. Шестинские пригласили на юбилей Станислава Юрьевича Куняева. Он им сказал о моём очерке — понравился, но в первом номере «Нашего современника» никак нельзя было напечатать. Всё занято. Твёрдо пообещал опубликовать во втором.

Вспомнили мы в разговоре о Валентине Николаеве. Шестинский попросил, чтобы я ему передал новую книгу.

— Олег Николаевич, мы его похоронили.

— Как!

Посокрушались, попечалились.

Девятнадцатого числа поминали Валентина (40 дней) в Союзе. Родных не было. Они только стол накрыли (хороший). Было нас немного. В ударе оказалась Людмила Калинина — много говорила, старалась быть в центре внимания.

Спросил я в этот вечер у Михаила Шкуркина — кто же это подал мысль исключить меня из Союза писателей?

— Чижев. Остальные промолчали.

Интересная реакция.

22 января

По приглашению Натальи Адриановой зашли к ней вечером с Коломийцем. Тут два события — по нашему письму к губернатору ей назначили «пенсион», как вдове, работающей с архивом поэта, ну и тут же день рождения. Конечно, много вспоминали Юрия Андреевича, как сидели в этой же комнате и за этим же столом с ним. Теперь с нами только его портреты.

После я проводил Коломийца до его дома, и при расставании сказал: «А ведь смерть Николаева в том числе и на совести Шамшурина. Как Валентин переживал, что ему не дали премию Нижнего Новгорода. На этом, при заседании комиссии, настоял Валерий. И в этом была какая-то высшая несправедливость. Отомстил!»

Помню, как такие случаи меня самого внутри корёжили. Что же говорить о Николаеве — семьдесят лет, из которых последние двадцать —

полное забвение. Обида невыносимая! Потому и произошёл между ними последний разговор в Союзе скандальный. Вернее — Валентин всё высказал Шамшуруну. И сгорел!

26 января

Пришла молоденькая корреспондентка из газеты «Новое дело», попросила дать интервью по поводу моего выступления в «Литературной газете». Разговаривали довольно долго. Вообще-то она совершенно не в теме. Её заинтересовал возникший скандал.

На вопросы я отвечал многословно, да всё какими-то общими фразами. Кто виноват в сложившейся ситуации? Как её можно исправить? Нет конкретных виноватых, и как исправить ситуацию, я не знаю.

— Выходит, вы так подставили себя, что на вас разозлилось столько людей, просто так, без конкретной цели.

Она не могла понять — как можно было ввязаться в такую драку, не имея собственных меркантильных интересов.

— Да, без цели... Но молчать дальше не позволяла совесть. Больно видеть, как рушится то, чему ты поклонялся, что считал делом своей жизни более тридцати лет. Тут вопрос чести, справедливости.

27 — 29 января. Москва

На этот раз выехали с Алексеем Марковичем совсем поздно — после пяти часов вечера. По дороге прямо в машине выпили бутылку коньяка. Перед гостиницей заехали ещё и в Балашиху к Наталье Дмитриевне Чистяковой, отдали остатки тиража «Северной тетради». После того, как устроились в «Измайловской», сходили в магазин и ещё взяли фляжку коньяка.

Следующий день — юбилей Шестинского. Всё организовал Ларионов у себя в издательстве в Шолоховском зале «Советского писателя». Поздравляли Юрий Бондарев, Валерий Хатюшин, Андрей Поздняев, Людмила Щипахина... Многих, кого я ожидал увидеть, почему-то не было. Хотя Олегу Николаевичу звонили из Союза писателей России, передавали поздравления от Ганичева. Мне Ларионов дал слово среди первых. Может быть, потому, что мы единственные, кто успел издать книжку юбиляра к сроку.

Прошло застолье спокойно и не утомительно. Конечно, касались темы избрания накануне новым Патриархом митрополита Кирилла. Думаю, сейчас к власти придёт совершенно новая генерация молодых, прагматичных епископов (исхожу из того, кто уже сейчас окружает владыку), которые, увы, выхолостят из нашей Церкви душевность, теплоту, молитвенность. Они больше политики и бизнесмены, чем пастыри и утешители народные. Впрочем — время покажет.

После того, как большинство гостей ушло, я остался дожидаться Бориса Лукина — он привёз вёрстку составленной им антологии поэзии. Арсений помянул добрым словом мой рассказ «На реке Пожме». Журнал «Слово» будут его печатать во втором (юбилейном — 20 лет) номере за 2009 год. Сделал и одно точное замечание.

— Образы тех, кто в паренька стрелял, надо выписать. Это же первая встреча со злом. Она должна была врезаться в память на всю жизнь.

Пришёл Борис. По электронной почте прислали для согласования текст интервью из «Нового дела». (Перед отъездом я дал адрес Бориса). Шли по дороге, читали с Лукиным распечатку иправили. Остановились в Главпочтамте на Тверской. «Служебной» ручкой исчеркали текст. Его забрал Лукин, чтобы внести правку на своём компьютере и отослать назад.

По дороге Борис начал сочинять стихотворение, которое позже мне по телефону прочитал. По моей просьбе, прислал его в Нижний. Оставляю текст здесь.

Валере (Кузнецову)

Помнишь, пили на бульваре,
а Василич осуждал,
потому что каждой твари
жить престало не греша.

Он здесь жил, а мы бродили
сквозь Москву к плечу плечо,
Тихий Дон переходили
вброд, держа на маячок.

Топ да топ. Вся скорбность мира
под подошвы улеглась.
Галя спит, уснула Ира.
Будет ль так ещё не раз?

Видно нас с тобой забота
допекла, хоть волком вой,
так – что пили принародно,
но не звали никого.

Нас и так кажися трое,
жаль Василич опочил.
Да кто живет в сей истории
разберёшь ли по ночи...

Помню, пили на бульваре...

28.01.09.

30 января

Купил газету. Интервью опубликовано без нашей правки. Видимо, мы с Борисом опоздали. Мне его прислали тогда, судя по времени сдачи номера в типографию, когда исправить уже ничего было нельзя. Жаль! Хотя суть моих слов в материале верна.

Сдал макет книги Лукина в типографию. Поражён тем трудом, что совершил Борис. Я и не представлял всю его значимость.

Статья Лукина (вступительная) жёсткая — это высказывание обиды за всё поколение поэтов, рождённых в 60-е годы.

9 февраля

Позвонил Шестинскому. Оказывается, Олег Николаевич уже обеспокоился долгим моим молчанием. Даже написал мне письмо.

Чувствует он себя сносно. Нашей «Мятежной книгой» остаётся доволен, так что правильно я провёл сокращения. От этого книга только выиграла. Окончательно готова вёрстка «В-24». В ближайшее время запуск его в производство.

По электронной почте пришло письмо от Полины Рожновой. Зовёт в Москву на презентацию «Северной тетради» и в клуб «Москвитянка» с журналом. Пока дал согласие.

19 февраля

Что же это происходит! Болезни друзей становятся всё угрожающе опаснее.

Позвонила Лена Крюкова. Плачет, просто рыдает. Врач её предупредил, что непоправимое может произойти в любой момент. (У неё что-то с сосудами головного мозга — сужение, нехватка крови). Просит теперь

встретиться, чтобы мне передать флэшку с текстами её неопубликованных книг — романов и трёхтомника стихов.

Работала Лена в последние годы невероятно много. Серия романов (девять штук), затем её новые «фантастические» романы (кажется, четыре), написанные с огромным темпераментом, надрывом. Циклы стихов и газетная подёнщина — несколько лет еженедельные интервью для «Рекламного вестника». Она просто истерзала свой мозг.

Твёрдо приехать в Выставочный зал, где открывается выставка наших художников в честь семидесятилетия их Союза, я не пообещал. Хотелось покончить с интервью Владимира Полеванова. Но когда разговаривал по телефону с Шестинским, на сотовый вновь звонила Лена. Поэтому всё оставил (ещё бы час, и с Полевановым я бы закончил) и поехал.

Зал после ремонта преобразился — новый паркет, светлые стены, отличная подсветка. Лену нашёл в дальнем углу левого крыла. Опять ревёт. Володя Фуфачёв рядом с ней, не на шутку обеспокоен. Пока разговаривал с Крюковой (больше слушал), та вроде бы успокоилась. Я даже залы обошёл, просмотрел картины.

Вот ведь наша жизнь — случись принимать конечное решение — и не на кого положиться, некому довериться. Одна мелочь вокруг недостойная. Но эта-то мелочь и терзает нам сердца, души. А всё из-за того, что не хотим жить по её законам, не хотим ей уподобляться — поддичать, хитрить, врать, сплетничать. Если в человеке нет любви к ближнему — он мёртв. И вокруг него всё мёртвеет, гибнет.

23 февраля. Павлово

Георгий Симакин поехал на встречу с Павлом Филатовым, чтобы забрать у него оставшиеся после написания книжки «Николаевская округа» материалы, и позвал с собой нас с Цветковым.

После встречи проехали к Оке, и я по набитой широкой тропе, огороженной вешками, перешёл реку по льду и ушёл погулять по Павлово. Старинные русские городки имеют свой неповторимый колорит. Это выражено и в архитектуре (двухэтажные каменные особнячки, церкви, не загороженные современными застройками), и в ландшафте (овраги, холмы, речушки — всё на виду).

В Павлове оказалась хорошая набережная. Протянулась она довольно далеко по высокому Окскому берегу.

На обратной дороге, по предложению Владимира Георгиевича, ещё раз останавливались в лесу, гуляли (ушли довольно далеко) по пробитой в сугробах дороге. Тишина, лес замер, снег глубок, не тронут.

26 — 27 февраля. Москва

Поехал, и это было главным, чтобы поучаствовать на вечере, посвящённом выходу книги «Северная тетрадь». Проходил он в ЦДЛ, в малом зале.

Лукин встретил меня на вокзале. Я привёз пачку антологии «Наше время» и свежие журналы (№ 24). Отправились к Ларионову. Тот накормил обедом, но был как-то запуган, отстранён. Видимо, опять следователи задёржали. Единственное, что удалось, так это договориться, что я подготовлю вопросы для Бондарева и пришлю их Арсению Васильевичу, а уже тот передаст их для ответов классику. В марте Юрию Васильевичу исполняется 85 лет.

Перед вечером я ещё успел прогуляться по бульварам, посмотреть памятники Гоголю и Шолохову. В последнем много современной вычурности, но какой-то пустой, ничего не значащей.

Сам вечер прошёл хорошо. И я выступил на удивление удачно и не косноязычно. Видимо, будут и новые заказы на подготовку книг.

С Володей Шемшученко пообщались мало. Вечером у Лукина подготовили интервью для «Литературной газеты». Мне нужно было ответить на шесть вопросов редакции.

На следующий день перед отъездом побывал у Полеванова. Забрал подписанное интервью о золоте. Владимир Павлович куда-то торопился и оставил меня в комнате переговоров одного, снабдив книгой о Сибири и подарив журналы «Свет», куда я сразу решил послать наши с ним беседы.

28 февраля

В гостях у Юрия Хромова. Повод — ему прислали «Наш современник», где напечатан мой очерк «Яблоки русского сада», правда, в очень сокращённом виде. В этом же номере статья М.И. Кодина. Не использовать ли это совпадение для возможной встречи?

Говорили с Юрием о возможном издании номера журнала совместно с Литфондом. На прошедшем правлении (когда я был в Москве) этот вопрос подняли и одобрили. Во всяком случае, никто не возразил.

4 марта

Музей Добролюбова. Открытие выставки Виктора Ивановича Пурихова. Небольшой, посвящённый женским образам. Получилось неплохо. Правда, все работы я уже видел раньше. Но у Виктора такие скульптуры, которыми можно любоваться до бесконечности.

5 марта

Дом актёра. Большой зрительный зал полон. Вечер памяти Юрия Адрианова. Ведёт Цирульников. Формальное событие — выход художественного альбома и третьей книги стихов из неизданного. Но больше в выступлениях просто вспоминают Юрия Андреевича. Он был (и остался) любим многими. И ведь не только в поэзии тут дело, но главным образом в его человеческих качествах. Наташа, которая все эти книги издаёт, просто совершает подвиг.

6 марта

Литературный музей Горького. Вечер Адрианова вновь ведёт Цирульников. На этот раз Наташа больше читает стихи Юрия, потом вспоминаем его — но уже теплее, «по-семейному». Народу собралось не густо. Все, кто близко знал поэта.

Александр Маркович и мне предложил что-то сказать. Вроде бы получилось складно — вспомнил о впечатлении после первого знакомства, оценил творческий дух поэта, как не имеющий преград. Потому и не было ощущений в его поэзии того, что автор уже несколько лет не выходит из дому, сидит за стенами своей квартиры. Он творил, жил, существовал сразу в нескольких эпохах. И, конечно, нужно его собрание сочинений городу, русской культуре.

7 марта. Сосновский район

Первый раз в этих краях. Втроём (опять) съездили в «Николаевскую округу» — место действия «Уголка России». За рулём Георгий. Владимир уже встречался с его отцом, написал ряд дополнительных эпизодов в этот исторический очерк. Теперь едем на всё посмотреть своими глазами. Дома крепкие, почти все пятистенные. Сами деревни большие, подстать зажиточным сёлам, но церквей нет, потому и сами деревни вымирают. Много домов пустых. Одна из жительниц отдала нам солдатский треугольник (письмо с фронта) и похоронку (извещение из районного военкомата о гибели воина). 1944 год. Первый раз держал в руках подобный документ.

Эта дорога оказалась намного интереснее — «пейзажнее». Леса, холмы, овраги. Московская трасса, по которой ездили в прошлый раз, скучная.

9 марта

Выходные дни. Довольно тепло. Уехал на улицу Маслякова и пешком прошёл к нашему бывшему Заочному институту советской торговли. Много изменилось, но пока не кардинально. Прошёл на самый откос. Слобода выглядит, наверное, так, как была застроена в конце девятнадцатого — начале двадцатого веков. Обязательно надо будет здесь побродить летом, подышать воздухом прошлого. Скоро все эти двухэтажные дома навсегда исчезнут. Больше сорока лет прожил в городе, а как многого не видел, не исследовал.

С откоса смотрел на заснеженное Канавино, как на макет. Совсем другое ощущение расстояний между домами, улицами, площадями. Всё кажется между собой таким близким. Панорама строящегося метрополитана. Она навсегда изменяет вид города. Но сооружение грандиозное.

А на душе, когда возвращался на остановку к Канавинскому мосту, чувство смятённое — лёгкая горечь от ушедшего времени, от того, что большая часть жизни позади.

21 марта

Ботанический сад. По приглашению сторожа приехали с Цветковым. Снег, метёт. Стояли под елями, выпивали лёгкое красное вино. Ветер гудит, треплет тяжёлые ветви, вселяя в души чувство одиночества, покинутости.

6 апреля. Дзержинск

В охране расторгнул договор. После этого чувство смутное. Почти тридцать лет пользовались их услугами.

Позвонил Ларионов. Мои вопросы (мною подготовленные вопросы) Бондарев прочитал и их принял. Но вместо письменных ответов приглашает к себе на дачу для записи большого интервью. Арсений Васильевич заметил, что он сказал очень хорошие слова о моём творчестве. Когда я смогу приехать? Тут же поехал на вокзал, купил билет на девятое число.

В Дзержинске прошёл по проспекту Ленина и ближайшим к центру улицам. Сталинская архитектура — всё монументально, с воротами, колоннами, портиками. Конечно, сейчас всё заброшено, обшарпано, неухоженные палисадники, ужасный асфальт. Но каким величием веет от этих примет прошлого. Воистину — имперская архитектура. Так могла строить только та страна, которая была уверена в своих силах. Страна-победительница. И ведь подобных домов не один-два — десятки.

9 — 11 апреля. Москва

Еду на поезде. Везу Лукину две пачки его антологии. Борис встретил меня на Курском вокзале. Отправились в «Литературную газету». И удачно. Там сделали снимки для интервью, я переговорил с Ольгой Моториной и Александром Яковлевым.

В Союзе писателей России проходит съезд. Я в зал не пошёл — общался в фойе с Сергеем Щербаковым, Андреем Ребровым, Евгением Юшиным из «Молодой гвардии». На фуршете, при обходе всех столов подошёл ко мне Ганичев — чокнулись пластиковыми стаканами и сфотографировались на память. Валерия Николаевича вновь избрали председателем.

10.04. Утром расстались с Борисом и в эту поездку больше уже не встречались. Поехал в «Советский писатель». Оттуда с Ларионовым к Бондареву на дачу. Встретили нас тепло. Участок большой и в основном еловый лес. Но есть и берёзы. Яблони только перед домом, который по сегодняшним меркам не так уж и велик. Такое впечатление, что строили его не за раз — пристраивали и достраивали.

Дачный посёлок называется «Советский писатель», но к одноимённому издательству никакого отношения не имеет. В своё время, когда эту землю отдали писателям под строительство дач, но уже, в отличие от Переделкина, за собственные деньги, сюда переехали Александр Твар-

довский, Юрий Нагибин, Юлиан Семёнов (дом напротив Бондаревых)... Теперь они оказались в выгодном положении... и в полном отстранении от переделкинских дрызг.

Мы поднялись с Юрием Васильевичем в кабинет на второй этаж (очень просторный и светлый, с большими окнами), и он наговорил мне на диктофон большое интервью. (Я его потом два дня расшифровывал). Надеюсь этот текст опубликовать в ближайшее время.

Обед в зале на первом этаже — с водкой. Выпили около двух бутылок. Тогда-то я и узнал, что против Ганичева на съезде выступили Владимир Бондаренко и Владимир Личутин, но зал их не поддержал — захлопывали и «закрикивали». О Леониде Леонове — он был очень напуган репрессиями. Пронёс это чувство через всю оставшуюся жизнь. Бондарев рассказал, как сам говорил (и разубеждал — ведь это Сталин сделал его знаменитым) об этом с Леонидом Максимовичем на застеклённой веранде у того на даче.

При расставании, после уже подписанных мне книг, Юрий Васильевич захотел подарить ещё и собрание своих сочинений, но Ларионов заторопился уезжать. Пришлось получение собрания сочинений оставить на потом. (В конце следующей недели Ларионов мне позвонит и сообщит, что книги, подписанные мне, лежат у секретаря).

Проехали к Шестинским. Олег Николаевич слаб. Ум светел, память крепкая, но сердце полностью изношено. Ходить не может — задыхается. И много спит. Пока я был у них, он несколько раз уходил к себе и ложился на кровать.

Ужинали, немного выпивали. В Переделкино я и остался ночевать.

11.04. Утром солнечно и морозно. Пока все спали, ушёл погулять. Дошёл до станции и купил торт, который нравится Нине Николаевне. Когда вернулся — меня уже потеряли. Думали, что ушёл к писателям в Дом творчества.

Записал и с Олегом Николаевичем беседу о его петербургской литературной жизни. А затем он вновь ушёл к себе, уснул. Когда уходил, я только заглянул к нему, но будить не стал. Попрощался лишь с Ниной Николаевной.

Трудно заканчивает свою жизнь Олег Николаевич. И не в материальном тут дело. В этом отношении всё довольно сносно. Мучает его какая-то неудовлетворённость, будто он чего-то недополучил, в чём-то недосостоялся. И переубедить его в обратном — невозможно. Что это — гордыня? Или так он и не смог до конца прибиться душой к Богу? От этого ощущает какую-то неполноту жизни.

Господи, дай ему ещё сил, продли ещё его годы хоть на немного...

18 апреля. Пасха Христова! Николо-Погост

Отец Владимир служил в маленькой церкви (комната на третьем этаже одного из корпусов санатория «Городецкий»), потому я всю службу стоял в алтаре, помогал — держал свечу, подавал кадило. И служба прошла быстро — хотя начали в 23-00 (мы приехали и вовсе в начале одиннадцатого — только успели на исповедь), а закончили в 2-00. Причастился, и потому всё оценивалось хорошо.

За трапезой присидели почти до шести. После гуляли. Смотрели, как всходит Солнце, как оно «играет» — по его краям сверкает и пульсирует раскалённый серп.

— Ведь вот чудо, которое происходит на наших глазах! — не выдержав, воскликнул я.

— Я видел множество раз, когда пас стадо, как всходит солнце. Ничего подобного никогда не происходит, как только в Пасху — спокойно подтвердил отец Владимир.

Долго бродили по полям, по наезженным дорогам. Земля проморожена до каменности, хотя снег уже сошёл почти весь.

Ближе к вечеру так запуржило, что землю укрыло белым-бело. Ехали назад в Нижний (на Таниной машине), и любовались на заснеженные, чистейшие поля, на деревья, ветки которых обрамлены белым, на разлапистые, опущенные снежком сосны. В машине и Таня, и Наташа молчали. Притомились. Да и я спал в этот день не более трёх часов.

21 апреля

Позвонил Шемшученко. Я был после застолья с Коломийцем и потому не очень внимательно его выслушал. Было в его словах что-то от обиды, мол, не печатаю его стихов и в интервью не назвал среди авторов «Северной тетради». Но главное — на Секретариате в Союзе меня ругали, и «пять дней назад похоронили (это его слова, но может быть, умер?) деда». Я сразу даже не понял, кого он имеет в виду. Вернее — отказался поверить. Но — Кодин умер. И куда делись все обиды, вся мелочность счётов, мой неприезд к нему на юбилей?

Как же мы неправильно живём! Ошибочно и неправильно.

22 апреля

Приходила Крюкова. Говорила эмоционально, много. Продолжает торжественно работать. Страшные предупреждения врачей (насчёт опасного сужения сосудов головного мозга) уже пережиты и не так пугают. Договорились продолжить наши беседы — интервью о культуре, литературе...

23 апреля

Дозвонился до В.П. Полеванова, чтобы узнать, что случилось с Михаилом Ивановичем. У Кодина был рак поджелудочной железы. Сделали операцию, но спасти не смогли. Все очень переживают. За десять дней до отъезда в Малазию Владимир Павлович по телефону разговаривал с Михаилом Ивановичем, и тот был энергичен, деятелен. Ничто не предвещало трагедии. Но перед операцией Кодин устроил все дела Клуба — передал бразды правления Александру Алексеевичу Степанцу. Видимо, знал настоящее состояние болезни. Я попросил, чтобы Полеванов обязательно мне сообщил, когда Клуб соберётся на сороковой день. Твёрдо пообещал.

30 апреля

Позвонил Анатолий Пафнугтьев. Чувствует себя всё хуже и хуже.

— Видимо, всё идёт к концу. Ноги опухают.

Горько. Он из тех людей, присутствие которых на земле греет мне сердце.

Лукин прочитал текст моей беседы с Юрием Бондаревым и предложил его в «Литературной газете». Похоже, что там материалом заинтересовались.

В этот же день от Ларионова позвонила Людмила Ивановна (его секретарь) и переслала по моей просьбе на Лукина текст интервью после редакции Бондарева. Материал сократился на пять тысяч знаков.

В новой нашей с Володей Цветковым книге «Служение» я опубликую первоначальный вариант. Жаль просто так выбрасывать интереснейшие факты жизни выдающегося человека. Для истории это всё бесценно.

И ещё один неожиданный звонок — Татьяна Борисовна Лубяко (мой классный руководитель с 5-го по 8-й класс) оказывается, со своей старшей сестрой по возможности следит за моими публикациями, что меня крайне удивило. Лубяко имеют старые нижегородские корни. Хранят дома всякие старинные реликвии — фотографии, книги, фарфор. Всё это хотят мне показать. Про них было довольно много публикаций в «Епархиальных ведомостях» и других местных газетах. Договорились, что в праздничные дни обязательно повидаемся.

8 мая

В промежутках между майскими праздниками и Днём Победы подготовил свои материалы для книги в серии «Вертикаль. XXI век: Времена и Мнения». Затем три дня по диктофону расшифровывал интервью с Шестинским. Времени такая работа требует уйму, а результат... Ведь это даже не твоя самостоятельная статья. Правда, бесед этих у меня уже набирается на небольшую книжку.

Поехал к Лубяко. Просидел у них более трёх часов. Показывали фотографии и много рассказывали о своей семье. Но я мало чего запомнил.

9 мая

Двадцать лет, как ушёл папа. Был на кладбище.

10 мая. Бор

Побывал в доме (с Анатолием Михайловичем отвозили металл из Доскина), проверил. Уже есть разбитые стёкла. Впрочем — по мелочам. Берёзка уже большая, ствол крепкий — выросла.

13 — 18 мая. Кунавино

Первый выезд в этом году. Холодно. Топлю печи. Сделали уборку во всём доме. В остальном же безделье — чтение журналов, сон и прочие удовольствия. Ничего не хотелось делать. Только в последний день вдруг «набросились» на землю и больше двух часов окапывали яблони, рассаживали землянику на вновь вскопанной грядке.

Туда и обратно ездил при неработающих поворотниках. Рискованно.

19 — 20 мая. Москва

После долгого перерыва еду на встречу клуба Н.И. Рыжкова. Сорок дней, как не стало Кодина. Обед днём в «Форте-Клубе» на Бронной. Были Евгений Примаков, Анатолий Карпов, Анатолий Квочур, Игорь Касатов и другие. Мы сидели за столиком с Владимиром Шемшученко и Бориславом Милошевичем (братом Слободана Милошевича). Вспоминали Михаила Ивановича очень по-доброму, хотя и не без критики. Нагрузку общественную он нёс колоссальную. И мне стало горько за свою обиду на Кодина, за то, что не поехал на его юбилей и вообще отошёл от общения с ним после заседания, посвящённого 23-ему февраля в прошлом году.

После гуляния с Володей по центру, пили кофе в буфете ЦДЛ. Ночевали в квартире у Лукина на Речном вокзале вповалку.

20.05. В «Литературке» спросил у Александра Яковлева о судьбе моего интервью с Юрием Бондаревым. Вроде бы принято и должно пойти. И тут только вспомнил, что дал согласие на публикацию его в «Патриоте». Если это произойдёт, то «ЛГ» повторять материал не будет.

У Ларионова как ни отказывался, так меня всё-таки и усадили за стол. Ответы (письменные) на мои вопросы Арсений Васильевич готовит. Первую часть дал прочитать. Привезённые мною этюды (на диске) Адрианова твёрдо пообещал опубликовать на обложке «Слова». В конце трапезы передал Ларионову вёрстку моей книги прозы с просьбой почитать и высказать своё мнение. О снятии интервью в «Патриоте» попросить так и не решился. Назад слово брать нельзя.

21 — 24 мая. Ярославль — Кострома

Круиз по Волге на теплоходе «Георгий Жуков». Отдыхаем с Ириной в хорошей каюте.

Ярославль. Пасмурно. С экскурсией покрутились по центру города. Побывали в монастыре и в церкви Ильи Пророка. Прошлись по набережной. Прошлые мои впечатления от этого города не изменились. Всё убого и провинциально и на туристический центр никак не тянет. В следующем году Ярославу тысяча лет. Но никакого юбилейного строительного бума. Ведь это не Казань.

Костромой. Дождь. На этот раз в город ужоу один. Ирина уехала с экскурсией в Ипатьевский монастырь. На Волжском откосе памятник Ленину. С реки он кажется просто гигантским. Вблизи оказывается поменьше. Но постамент совершенно необычен. В нём что-то мавзолейное, предполагающее сохранение в нём некоей святыни. Всё это должно было в зрителе вызывать мистический, под стать религиозному трепет.

Обошёл старинные торговые ряды. Это целые кварталы. Памятник Сусанину. Постамент из местного жёлтого камня (песчаника). Дошёл до Явленского женского монастыря. Зашёл на службу и очаровался и пением хора, и убранством храма. Оно всё белое. Иконостас, киоты, стены, паникадила. Чистота небесная. Просто не хотелось уходить.

Памятник Юрию Долгорукому (основателю города) кажется хорош. Князь сидит, но меч держит рядом с собой.

В это путешествие читал «Игрока» Достоевского. Азарт и рулеточная страсть вызывали во мне раздражение.

29 — 30 мая. Кунавино

Сказочно хорошо. Косил траву. Немного занимались землёй. Приезжали отец Владимир с Галиной. Назад поехали рано утром в понедельник. Мне и это было в радость.

1 июня

В ночь еду в Москву. На машине Чугунова везу книги Лукину. Оттуда вместе летим в Барнаул. Коломиец зазвал покататься по Оке на яхте. Инициатива Заногы. Перед ночной поездкой не надо бы было, да Алексей Маркович настоял. С воды город смотрится иначе — пейзажнее и монументальнее. Домой приехал за два часа до отбытия в Москву. К тому же на воде и берегу немного выпили.

2 — 8 июня. Москва — Барнаул — Бийск — Горно-Алтайск

Вторая ночь практически без сна. Дорога заняла девять часов. Никак я на это не рассчитывал. Борис чуть дождался — уже собирался уезжать.

Выгрузили книги и сразу отправились к нему в Архангельское. Там я немного поспал. В аэропорт «Внуково» и четырёхчасовой перелёт до Барнаула. Плюс разница времени в три часа. В итоге ночь опять потеряна, без сна. Это уже третья подряд.

3.06. Встретила нас местная писательская начальница. Проводила до автовокзала и усадила в такси (частника). Из города выезжали какими-то захолустными задворками и через мост (река Обь), схожий с нашим, Волжским. Даже пейзаж за окном в точности напоминал наш по Кировской трассе. Встретившие нас в Бийске местные поэты дали буквально час отдыха. А затем началось: выступление по представлению поэтической антологии «Наше время» — в местном педагогическом университете, в центральной библиотеке (отличное вновь отремонтированное и оборудованное здание), где я проверил, есть ли у них наш журнал? Оказалось, что есть. В театре на презентации новых номеров «Бийского Вестника». Там пришлось говорить о Шукшине.

В промежутке между выступлениями прогулки по городу. Но воспринимается всё с трудом. Временами сознание просто отключается.

На жильё разместились в пригороде, в бывшем пионерском лагере на берегу Бии. Условия вполне сносные.

4.06. Едем в Красногорский район Алтайского Края. Перед этим ненадолго заезжали в Сростки в музей Шукшина. Моросит дождь, поэтому осматриваем экспозицию, фотографируемся за «партой Шукшина» (музей находится в здании бывшей школы, в которой Шукшин учился, преподавал и даже директорствовал) и отправляемся дальше. Дорога пошла по предгорьям — всё выше и выше. Очень красиво, но вдали всё в тумане. Горы почти не видно.

Встретили нас в местной библиотеке замечательно. Принесли два большущих пирога для чаепития. После выступления уха на берегу Бии. Река широкая, мощная, красивая. Пробирались к ней на машине сквозь тайгу. На берегу «Кардон» — база отдыха (для немногих) местного лесспромхоза. Вдоль дороги на полянах увидел «жарки»!

5.06. Ещё вчера я настоял, чтобы обязательно нас свозили в настоящие горы и в Горно-Алтайск. Но сегодняшней день начался с посещения села Верхне-Обского. Здесь похоронен артист и губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов, стоит его дом, в котором принимали президента Путина. Дом на самом берегу Бии. Немного ниже («где красный бакен») она сливается с Катунью и начинается Обь.

В селе Смоленское выступаем в музее писателя Анатолия Соболева. Перед этим возложили цветы к его памятнику. Соболев — автор многих детских книг, вышедших в советское время. Руководил писательской организацией Калининграда. Умер в Москве и похоронен у себя на родине (прах) в Смоленском. Музей крошечный, мемориальных вещей почти нет. Но здесь собираются местные «литераторы», общаются.

Село Алтайское, центр Алтайского района. Дорога к нему красива, ведёт прямо к горам, которые надвигаются встреч машине. Местный краеведческий музей, где мы выступаем, убог. Но жители его считают выдающимся и очень гордятся. В селе останавливался Рерих (ночевал) во время своей экспедиции в Гималаи.

Далее наш путь в республику Алтай. Здесь, на берегу Катунь, мы уже прижались к горам. У посёлка Манжерок они высятся довольно отвесно и внушительно. И всё это Чуйский тракт, который в своё время проектировал Вячеслав Яковлевич Шишков. Невдалеке от Манжерока, на берегу Катунь талантливому землепроходцу-исследователю поставлен довольно скромный памятник. Но хорошо уже то, что хотя бы такой, да есть. Ведь нам-то он больше известен как писатель, автор рассказов, повестей, романа «Угрюм-река».

На обратной дороге заезжаем ненадолго (часа на два-три) в Горно-Алтайск. Город невелик, но чист, аккуратен, с хорошими памятниками — бюстами местным национальным знаменитостям: сказителю, писателю и ещё кому-то. Борис и здесь, пока мы гуляем, успевает выступить перед местными писателями в национальной библиотеке. Мы же с Виктором Буланичевым всё это время бродили по улочкам и скверам города.

При выезде из республики, а назад мы ехали уже другой дорогой, остановились у места, отмеченного знаком-памятником, как точка, из которой пошло расселение тюркских народов (дар Татарстана) по странам и континентам. Тоже Чуйский тракт.

6.06. Весь день в Сростках. Борис в жюри детского конкурса. Так там и просидел всё время, пока мы с Буланичевым исходили весь посёлок. Были на берегу Катунь, в доме матери Шукшина, в «доме детства» — полностью вновь выстроенный под «а ля старину» уголок, на месте, где предали Клыкову поставить памятник у обочины Чуйского тракта. (Ужасно, как глухи сердца тех, кто этого хотел). На горе Пикет памятник стоит замечательно, символично. И место красивейшее — мы туда поднялись сразу по приезду, ещё втроём. С одной стороны видны вдалеке Алтайские горы. С другой — весь посёлок как на ладони. Всё это время Виктор меня расспрашивал про издание «Вертикали», о принципе формирования содержания журнала. Убеждал его — нельзя замыкаться только на местных авторах. Нужно привлекать писателей, поэтов, критиков со всей страны. Конечно — талантливых. Только это поднимет авторитет издания, как в Алтайском крае, так и вообще в России.

7.06. Прощаемся с Бийском. Последний взгляд на город со смотровой площадки. Эстетического удовольствия мало — бывший заводской, теперь много пострадавший, город. Но нам здесь было хорошо. Нас тепло приветили и по возможности многое показали. На машине за эти дни наездили около 1500 км! Это всё-таки много.

В автобусе едем в Барнаул. Въезжаем в город по новому мосту. С этой стороны он выглядит солидно, по столичному. Внушительные новостройки, речной вокзал, набережная Оби. Встреча с местными писателями прошла дружелюбно. Шёл разговор о наших общих проблемах.

В краевом центре два литературных толстых журнала — «Алтай» и «Барнаул». Но образовались и две противостоящие писательские группы.

После обеда повозили нас (как-то очень бестолково) по новостройкам и захолустным окраинам. Но город чист, аккуратен. А вот памятники Пушкину и Шукшину не выдерживают критики.

После поселения в гостинице «Колос» мы с Борисом погуляли по центру. Есть у них там бульвар, который тянется больше километра (мы его прошли, наверное, только до середины), но зато все достопримечательности оглядели.

8.06. Рано утром едем в аэропорт. Благополучно долетаем до Внукова. Оттуда сразу в Переделкино. Галина встретила нас на машине. Шестинские ждут, радостно обнимаемся. Пьем чай, фотографируемся, гуляем у дома. Погода замечательная — тепло, солнечно.

От Олега Николаевича, чтобы скоротать время до поезда, захал к Ларионову. Оставил вещи у охраны и пошёл в лавку Литинститута купить «День литературы». Там на полосе, с публикацией репортажа о прошедшем съезде Союза, подвёрстана фотография, где есть и моя персона. В свете тех сложных отношений, что сложились у меня с местным союзом, это важно.

У Ларионова забрал «Патриот» с публикацией нашей с Юрием Васильевичем Бондаревым беседы. Напомнил ему о вёрстке моей книги, и тут выяснилось, что она потеряна. Чего-то в этом роде я и ожидал.

От всех этих перемещений по свету порядком подустал. Так надо ещё было такому случиться — наш скоростной поезд с прибытием в Нижний опоздал на целый час.

9 июня

У меня была отложена встреча с сёстрами Лубяко. Как и обещал, сегодня им позвонил и пришёл в гости. Проговорили около четырёх часов. Подарила мне Татьяна Борисовна книгу издания девятнадцатого века. Милые они женщины и очень добры и внимательны ко мне. Конечно, в разговорах много вспоминают о прошлом. Показывали мне альбом со своими девичьими рисунками. Всё это так трогательно. Людмила Борисовна почти ничего не видит, но рисунки помнит наизусть.

10 июня

Алексей Маркович позвал на бенефис народной артистки России Ларисы Даниловны Зыряновой в Нижегородский академический театр оперы и балета им. А.С. Пушкина. Премьера «Ханумы». Спектакль получился таким весёлым, красочным, что я нисколько не пожалел, что пришёл на него. Впрочем, с банкета (очень скромного — вообще в театральной среде ощущается жуткое безденежье, граничащее с нищетой) мы с Коломийцем ушли рано. По дороге зашли попить пиво в японский ресторанчик, да неожиданно для себя ещё и второй тайм футбольного матча посмотрели на большом экране. Наши выиграли у финнов три-ноль.

12 — 14 июня. Кунавино

Устроил в деревне настоящий сенокос. Очистил от травы улицы возле дома. Затем принялись за свои участки. Трава высокая, сочная, густая, тяжёлая. Хорошо, сосед дал свою, отлично заточенную косу.

Дважды топил баню. Днём обливались потом — жара. Зато после бани, прогретшись и вымывшись, а затем и окатившись родниковой водой, чувствуешь себя просто младенцем.

Последнюю ночь не смог уснуть. Из деревни выехали в четыре утра уже пятнадцатого числа. Ирина засекала время: двадцать минут еха-

ли три километра до Городецкой дороги и тридцать минут остальные шестьдесят до дома.

15 июня

Целый день отправлял почту — журналы в Алтай, газеты с интервью Бондарева по знакомым адресам, электронные тексты тоже в разные адреса.

Дозвонился до Реброва. Он в полном фаворе у Ганичева. Даже получил от него какой-то орден.

Борис Лукин порадовал — интервью с Бондаревым заверстано в ближайшем номере «Литературной газеты».

18 июня

Семьдесят лет Адрианову. У могилы на Бугровском кладбище собралось человек двадцать. В основном друзья молодости Юрия Андреевича. И было всё как-то тихо, достойно. На всех распили одну бутылку водки.

У телецентра пришлось простоять более полутора часов. Так опоздал экскурсионный трамвай. Было холодно, начинался дождь. Мы говорили с Мюрисепом по поводу его автобиографической повести «Венец». Я пришёл к выводу, что отрывок из неё всё-таки стоит напечатать в «Вертикали». Позже в трамвае тоже сидели вместе, и мне кажется, несколько сблизилась, немного подружился.

Трамвай-кафе. Оказывается, это довольно оригинально. Можно делать интересные экскурсионные вояжи. Но как встреча памяти, мне кажется, он не совсем подошёл. Было шумно. Впереди говорили о своём, мы о своём. (Правда, Наталья на следующий день мне рассказала, что все были в восторге. Не знаю, я этого с ней и другими не разделяю). Закончили встречу в кабинете директора Художественных промыслов Николая Гордеевича Смирнова. Я туда попал как-то нечаянно, не додумался, что это встреча от Союза писателей. Правда, было их пять человек, но и этого оказалось достаточно, чтобы подпортить мне настроение. Одного Владимира Васильевича Половинкина рад был повстречать. Мы и поздоровались с ним с взаимной приязнью.

Купил «Литературную газету» с опубликованным моим интервью с Юрием Бондаревым.

25 июня

За рабочие дни этой недели вычитал повесть «Сезон». Вчера отправил её в издательство. Сегодня по электронной почте переслал её и Лукину. Пусть почитает. Может быть, что-то посоветует.

Борис сообщил, что Алесь Кожедуб (главный редактор «Советского писателя») сказал ему, что моя книга стоит в плане издательства. Значит, Ларионов всё-таки решил её издавать.

26 — 28 июня. Кунавино

Опять баня. Опять наслаждение лицезрением окружающего и тишиной. Распустились цветы. Появились первые ягоды.

Посадили: два куста жимолости (у яблонь), три куста малины (у рябины) и там же девять кустиков виктории «Королева Виктория». Хорошо взошли огурцы и всякая зелень.

В пятницу и в воскресенье ехали на машине днём. Обошлось почти без пробок.

1 июля

Умерла Людмила Зыкина. Уходит в небытие великий Советский Союз. Теперь в России всё только мельчает и мельчает.

Из телефонных разговоров одни скорби.

Лукина из «Литературной газеты» всё-таки уволили. Шестинский в больнице. Нина Николаевна говорит, что он очень плох. Сердце (узнали

после следования) — сплошной рубец. Работает лишь на двенадцать процентов. Не отходит моча. Он забывается, теряется, не даёт ставить себе капельницы. Понятно, что конец всё ближе и ближе.

6 июля

Звонил Чугунов. По подавленному голосу я понял, что он очень переживает свои служебные неурядицы. И действительно.

— Прошедшую ночь не спал. Spина болит. Видимо — сердце. Буду ложиться в больницу.

Я его уверял, что это надо сделать как можно быстрее, чтобы хоть в какой-то мере отвлечься от «горьких дум и терзаний».

В обед позвонил Ларионову и похвалил интервью в «Патриоте». (Газеты пришли сегодня). Поздравил с прошедшим Днём рождения (Арсений Васильевич поблагодарил за присланное ему поздравительное письмо) и спросил о Шестинском — «Какие новости?»

— Не радостные. Надо готовиться к худшему.

А ближе к 18-00 пришла СМС от Лукина: «Сегодня умер Шестинский». У меня аж сердце заломило. Бросился к телефону. Не сразу, но дозвонился до Бориса. Оказывается, Олег Николаевич умер ещё в три часа утра. И выходит, что никто об этом не знал. Странно.

Похороны должны быть в четверг (сегодня понедельник). В новостях передали, что сегодня же на семьдесят седьмом году жизни скончался Василий Аксёнов.

8 — 10 июля. Москва

Еду на поезде. С Курского вокзала проехал в Союз писателей. Хотел кого-нибудь застать в «Дне литературы». Вместо этого «столкнулись» с Ганичевым. Пожали друг другу руки, широко улыбаясь.

Пешком прошёл в «Советский писатель» — специально к концу дня. С Ларионовым сели поминать Олега Николаевича. Очень много выпили водки.

9.07. С Борисом Лукиным (ночевал у него) повидались мельком. Он приехал с семьёй, когда я готовился уходить. Они с Галей на похороны не едут. Дела. Видимо, меньше всех дел у меня в Нижнем Новгороде.

На Троекуровское кладбище едем с Ларионовым в машине его помощника Игоря Бритвина. Пасмурно, но дождя нет. Отпевание в церкви Святителя Николая. Гроб из катафалка нести в церковь некому и потому несём я, Андрей Поздняев, сын Евгений и ещё кто-то. Гроб накрыт крышкой. Очень тяжёлый.

На отпевание приехало человек двадцать пять — не больше. В основном наши исполкомовские. Но была вдова Сергея Орлова, поэт — редактор «Новой газеты» Олег Хлебников, Бондаревы...

Когда внесли гроб в церковь, я не стал смотреть, как снимут с него крышку, вышел.

Но на отпевание вернулся и простоял службу, как и все, с зажжённой свечой, часто крестясь.

Назад в катафалк закрытый гроб вновь пришлось помогать нести мне. Олег Хлебников попытался вынести из церкви, да для него это оказалось тяжело. Затем невозмутимый Бондарев обнял меня и говорил, как они любят и ценят меня.

Кладбище современное, дорогое. Больше напоминает парк. Захоронения отмечены бюстами, памятниками в полный рост, полированными каменными плитами. Всё ухожено, чисто. Проведена вода, асфальтированные дорожки. Шестинского захоронили почти на самой вершине холма, под старой берёзой. Дорого здесь «найти свой последний приют» (сто тысяч рублей), но помог сын Сергея Орлова, крестник Олега Николаевича.

Поминки прошли в кафе, в одном из двух залов. Бондаревы уехали сразу после отпевания, некоторые после погребения. Всего осталось человек двадцать. Быстро центром внимания стал Хлебников. Закончи-

лась поминальная трапеза не совсем по-доброму. Из кафе я уехал вместе с Ларионовым. В «Советском писателе» вновь сидели за столом. Я не пил. Арсению же надо было. Конечно, говорили только о случившемся.

Вечером стало тепло. Я ушёл к Кремлю в Александровский сад и там просидел, дочитывая рукопись Сергея Шербакова («Песенка вагантов»), ещё с час. Только потом дошёл до «Тверской» и в метро поехал на «Речной вокзал».

10.07. Поезд у меня только в 18-20 с Ярославского вокзала. До полудня промаялся один в квартире. Звонил Борис, но про произошедшее я ему ничего не сказал. Пусть узнает от других.

На улице непрерывно идёт дождь. Люди с зонтами, в куртках (плюс пятнадцать), а я в рубашке с короткими рукавами и «без крыши над головой». Но выбрал момент, когда дождь стих, и быстро пошёл к метро. Вспоминалось, как в прошлом году тоже в дождь отсюда ехали с Ириной и Наташей.

Перед вокзалом заехал к Ларионову. Он уже «тяжёлый». Ему срочно нужно прекращать пить. Иначе до беды недалеко. О моей книге в эти три дня так и не смогли переговорить. Домой ехал с чувством внутреннего облегчения.

11 — 12 июля. Кунавино

Утром в гараже. Удивительно — но без пробки доехали до деревни. Убирался и «вырубал» крапиву вокруг бани. Московские воспоминания томили душу. Ночью была страшная гроза. Грохотало так, что трясся дом и гром утихал долго и где-то очень далеко.

18 — 19 июля. Кунавино

С Борисом Лукиным — пили коньяк, виски, чай из самовара. Ночью гулял по дороге и смотрел в небо.

20 июля — 1 августа. Теплоход «Михаил Фрунзе»

Подробно описывать это наше с Ириной путешествие по Волге и Волго-Балту в дневнике нет никакой возможности. Лучше всего об этом написать путевой очерк, но получится ли? В последнее время очень тяжело пишу. И мало.

Жили на прогулочной палубе в каюте № 99. Красоты русских мест покоряют. Прошли Белое Озеро, Онежское и Ладожское. Последние велики, как моря. По всему пути посещали святые места, соприкасались со святынями. Оттого русская жизнь ощущается совсем иначе, чем телевизионный её образец.

В каюте читал. Написал несколько страничек для заметки о журнале «На любителя». Была полная оторванность от политики, новостей. Ни радио, ни телевизора на корабле не слушали и не смотрели. И оказывается, без всего этого совершенно легко можно обходиться.

Вообще-то слишком много накопилось долгов, о чём следовало бы написать — Дагестан, Алтай, Волга, переписка с Шестинским, прощальное слово о нём же... А я совершенно не работоспособен.

4 августа. Москва

Около шести утра выехали с Никитой Чугуновым на машине отца Владимира и вечером вернулись в Нижний. Отвёз материалы на конкурс (получение гранта) издания книги для детей. Это в мэрию Москвы, в бывшее здание СЭВ на девятнадцатый этаж. Замечательный оттуда (из окон) открывается вид. Пока я относил документы, Никита отвёз пачку «В-26» художнику Евгению Анатольевичу Расторгуеву. Журнал напечатали, пока я плавал на теплоходе.

Из мэрии прошёл к Ларионову. Пообедали. Арсений нездорово бледен. Но после второй рюмки на лице появился румянец. Оживился. Я ему посоветовал бросить пить.

— Невозможно. Только это позволяет расслабляться.

Сейчас, когда не стало Шестинского, он жутко одинок и беспомощен — так мне показалось.

Никита заехал за мной на Поварскую.

8 — 9 августа. Кунавино

Собирали крыжовник и смородину. Урожай отменные. Нарвал и своих огурцов. Чтобы согреть дом, пришлось его в первый день дважды отапливать. Впрочем — сжигал древесный мусор. Этого хватило, чтобы в доме стало тепло.

Опять писал о журнале «На любителя». Взял дополнительные материалы из альманаха по результату конкурса «Хрустальная роза Виктора Розова». И кажется, продумал прощальное слово о Шестинском.

В пятницу позвонила Нине Николаевне. Разговаривала она не очень приветливо, но спросила, приеду ли я на сорок дней. Пообещал.

Елочки и сосёнки, посаженные нами в конце дальнего участка, выросли. В высоченной траве их еле отыскал. Примял траву вокруг них. Вытоптал целую полянку. Чтобы солнышко доставало. Они пушистые, здоровые, чем меня порадовали. Пусть растут быстрее.

12 — 13 августа. Николо-Погост — Городец

Заехал отец Владимир ко мне в «Волгагеологию». Одновременно пришли Пафнутьев и Цветков. Пили чай. Анатолий Пафнутьев затеял глупый спор по поводу веры. И как всегда, атеизм зол и агрессивен. Испортил встречу. Но зато потом мы с Чугуновым поехали к нему. Долго гуляла по пойменным волжским дугам. Было жарко, я снял рубашку, и прогуливаясь, загорал. Красота же вокруг истинно Божеская. И тихо, почти безлюдно.

Вечером от души погрелся в бане. А утром вместе с отцом Владимиром поехал на службу. Там он меня поисповедовал и причастил.

Вот такой нечаянный праздник выпал мне.

На сороковой день Шестинского, видимо, не поеду. Честно — не вижу в этом надобности, да и не ждёт там меня никто. Кому я сейчас в Переделкино нужен? Олега Николаевича-то нет.

Лукин на сороковины тоже не пойдёт. Некогда. Ему рядом некогда, а мне тысячу километров нужно проехать.

25 августа

Один из самых удачных дней! Редко удачных!

Получил по почте «Слово» (№ 3, 2009). Мой рассказ проиллюстрирован фотографиями Сергея Шестака с нашей последней поездки на остров. От этого текст в журнале смотрится (воспринимается) очень выигрышно.

По электронной почте пришло письмо от Сергея Филатова из Бийска. Они хотят напечатать у себя в альманахе «Бийский Вестник» (очень хорошее, солидно подготавливаемое издание) недавно мною «очищенную» и подготовленную к печати повесть «Сезон».

По телефону Арсений Ларионов сообщил, что «Советский писатель», оказывается, планирует представить мою книгу прозы на Московской международной выставке-ярмарке. Значит, книга не только подготовлена, но и отдана в печать. Вот это сюрприз.

«Поставлена точка» в макете «В- 27».

Фонд «Родное пепелище» оплатил типографские расходы. Завтра отдаю журнал в производство.

Господи, спасибо Тебе за Твою любовь и благодеяния!

29 — 30 августа. Кунавино

Тепло. Даже жарко. Но всё равно чувствуется — осень близко. Убирался в бане. Собрал ванну огурцов. Они большие, но ещё не жёлтые.

Ночью, когда выходил смотреть звёзды (небо чистейшее), в темноте, буквально под ногами, кто-то громко «хрюкал» и шуршал травой. Видно, ёжик вышел на охоту. Но ощущение жутковатое. Вернулся в дом.

31 августа — 2 сентября. Москва

Едем с Чугуновым на его машине. Поздно вечером остановились ночевать у Николая. (Его дом после города Владимира. Мне уже приходилось проводить ночи под этой крышей. За несколько лет в посёлке поставлен поклонный крест, большая часовня. А маленькую часовню Николай поставил около своего дома в саду). Дом большой, в три этажа. Баня в два этажа. Места для жизни много, а живут вдвоём с женой. Детей Бог не дал. И как-то горько (эта горечь внутренняя, глубокая) на это смотреть.

В разговоре у хозяйки даже вырвалось:

— Да кому он нужен, этот твой дом!

Сама она, видимо, отойдя от дел торговых — раньше занималась этим промыслом серьёзно — занялась вышиванием окладов для икон. Уже к готовой иконе, по материалу, вышивает бисером, жемчугом, камнями. Очень красиво! Ездит выставлять свои работы на многих ярмарках.

1.09. На ВДНХа с отцом Владимиром приехали вовремя — в 11 часов в 75-м павильоне (новый, только что построенный выставочный центр) начался съезд ассоциации книгоиздателей. Я тут, чтобы познакомиться с этой организацией. И перспективы сотрудничества с ней хорошие. Например, они бесплатно предоставляют места на книжных ярмарках. Я видел это и здесь, на Московской выставке.

К Ларионову поехал, не дожидаясь окончания заседания. Нужно было встретиться с Валентином Суховским — редактором моей книги «Последний день». Но опоздал.

С книгой творится какой-то бардак. Редактор абсолютно ничего не сделал. Всё перепутал. Правки в вёрстке море. В общем — одно расстройство. Я на всё махнул рукой. (Попытался разобраться, что-то исправить, но понял — это совершенно невозможно).

С Чугуновым встретились у Ларионова. Обедали в кафе около Литинститута. Ночевали у Щукиных.

2.09. Утром заехали к Арсению Васильевичу. Отдал ему для реализации двадцать книжек Владимира Цветкова «Цена любви — смерть». Наконец, с «главным по производству книги» договорились о сроках её выпуска. Буду контролировать.

Перед открытием книжной ярмарки гуляли по ВДНХа. Прошли аж за павильон «Космос». Я и сам-то там бывал только в юности.

Ярмарка оставила прежнее впечатление. Видел выступление Войновича, Соловьёва (телеведущий), Бурляева. Здравовался с Есиным. Проходили по ней два часа, и признаюсь честно — без особого восторга. Красивых, запоминающихся стендов (как в прошлые времена) не было. В новых павильонах ощущалась необжитость.

В Нижний поехали по Ярославскому шоссе. Через Сергиев Посад. Заехали в Лавру, приложились к древней иконе Сергия и к его мощам. Попили воды из святого источника, перекусили.

От всей поездки осталось впечатление доброе, светлое и спокойное. Конечно, много говорили о литературе. Особенно почему-то о Леониде Леонове и его романах. Надо бы что-то перечитать.

3 сентября

Вернисаж наших художников в Выставочном зале. Грибы (натюрморты), пейзажи, Стрелка. И всё как всегда. Пурихов выставил скульптуру девочки с плеером — точный образец пионерки пятидесятых годов. Как его угодзило?

4 сентября

В Художественном музее 75-летие местного Союза писателей. В организации вечера — жуткое убожество. Час Жильцов вручал всевозможные грамоты. Никого от власти или общественности, творческих союзов.

Меня на торжество, видимо, по заданию, звали и Жильцов, и Шкуркин. Без высочайшей команды они бы этого никогда не сделали и по сотовому телефону бы не разыскивали.

Конечно — мою работу никто не отметил. Мелко, мстительно. Но я к этому отнёсся совершенно спокойно. Да и наполучался я уж всяких наград. Хватит.

5 сентября

Любовь Ковшова так и уговорила приехать к ней в гостиницу, повидаться. Читала отрывок из главы, где рассказывает, как вёл себя на их семинаре 80-го года Шамшурун. И всё с именами, с оценками самыми неллицеприятными. Вот что значит оставить по себе недобрую память. Упаси меня Бог от такого.

Приехал и Селезнёв. Фотографировались.

7 сентября. Бор

Думал, еду вырубать кусты около дома. А оказалось, что вокруг вырос такой лес, что под ним даже трава не растёт. Часть деревьев уже под самую крышу. Рубил сначала от дома до соседского забора. Расчистил хороший участок. Но понял — так я многого не успею. А главное всё-таки — вырубить деревья вокруг дома. К тому же там они, у самого фундамента, около стен, и самые толстые. Их корни могут подействовать разрушающе.

Начал рубить берёзу, осину... Деревья падали с шумом и треском. Но скоро я окончательно вымотался. В горле пересохло. Хорошо, Шаров (на машине Павла Павловича мы и приехали) сходил за водой. Напоил. Опять рубил — что называется, «на зубах», через силу. Уже ноги чуть держали. Но около половины работы, думаю, что сделано. Надо бы освободить от деревьев весь участок, пока они уж совсем не набрали силы. И сделать это до зимы. А по весне высохшие ветки сжечь. Иначе пни просто не выкорчевать.

Как же быстро всё заросло! Рядом ни на участках, ни на улице ничего подобного нет.

9 — 13 сентября. Кунавино

Погода чудесная. Хожу без рубашки. Приехал один поработать. Писал воспоминания о Валентине Николаеве для новой книги. Уложился в два дня. Гулял по окрестностям. Много вспоминалось. И с таким чувством, что даже ком подкатывал к горлу.

В субботу съездил за Иррой. В воскресенье приезжал отец Владимир с Христиной.

15 — 16 сентября. Москва

Завёз Ларионову книги Чугунова. В «Литературной газете» встретился с Шемшученко и уже с ним, пешком, по Кремлёвской набережной пошли в консерваторию на заседание Клуба Н.И. Рыжкова. Правда — попутали, сделали большой крюк. Мимо нас пронёсся кортеж Президента. Дорога перекрыта, пустынна, и только мы вдвоём идём вдоль кремлёвской стены.

Не опоздали, пришли даже раньше, чем следовало — одни из первых.

Выступал Соколов — ректор, бывший министр культуры. Сведения касались истории консерватории, её мирового статуса, проблем с ЕГЭ.

После банкет.

По телефону довольно легко удалось договориться с Кононенко о поселении в его гостинице.

16.09. С Шемшученко у Переяслова дома. Я поехал проведать Николая после операции (ему удалили почку — злокачественная опухоль) и в общем-то пожалел. В отношении он сух, прагматичен. Эта черта в людях меня разочаровывает. Уехал один в «Литературную газету». И хорошо. Привёз ребятам водки «на потом», оставил отрывок из своей повести (хотя обещаний никаких мне не дали), да и пообщались как-то улыбочиво, доброжелательно.

У Ларионова всё выяснил по книге. Тираж небольшой. Электронную версию макета мне не дают. Так что если хочу издать книгу прозы, всё придётся делать самому. Может быть, это и к лучшему. Но в отношении Ларионова появилось чувство разочарования. Этого не хочется, потому жаль. Я считал, что меркантильности в наших отношениях быть не должно.

22 сентября. Бор

Второй приезд к дому для вырубки деревьев. Сделал много, но ещё осталось на день (как минимум) работы. Закончить намеченное помешал дождь. Он принимался несколько раз. В последний всё небо затянуло серостью. Под ливень поехали назад (с Павлом Павловичем Шаровым на его машине). Каково же было удивление, когда, переехав мост, обнаружили, что в Нижнем светит солнце и не выпало ни капли.

Пришло очень тёплое письмо от Германа Смирнова. И журналы «Природа. Свет. Человек» прислал с моей беседой о золоте с В.П. Полевановым.

23 — 27 сентября. Москва — (через Ярославль) — Вологда — Ферапонтов монастырь — Кирилло-Белозерский монастырь — Ростов Великий — Борисоглебский монастырь — Углич — Москва

Вот такое длинное путешествие!

В столицу приехал поездом. Борис на машине встретил у Курского вокзала. На проспекте Мира захватил Евгению Доброву (прозаик из нового поколения — с именем, автор «Нового мира» и книг) — это для меня неожиданность. Опять дорога. За Ярославлем начался дождь. В сумерках въехали в Вологду. Для одного дня совсем немало. После ужина разместились в гостинице.

24.09. Утром приехал Дмитрий Ермаков. Вот и познакомились.

Кладбище — могила Николая Рубцова. Множество раз видел её на фотोगрафиях. Монастырь. Соборная площадь. Вологодский Кремль (Митрополичье подворье). Памятник Клыкова Батюшкову (перед этим могила Батюшкова в Спасо-Прилуцком монастыре).

Во второй половине дня вечер в библиотеке. Я как всегда говорил строго и мало.

25.09. День туристических поездок. Не представляю, как всё это можно описать для дневника. Впору писать очерк, да слишком обленился за последнее время. Или дело в упадке сил — трудно даётся всё, что связано с творческим трудом. Пишу буквально через силу. И эту запись делаю много дней спустя.

Первое посещение — Ферапонтов-Белозерский монастырь. (Фрески Дионисия). Чистый музей, хотя в одном из храмов и проходят службы. Далее — Кирилло-Белозерский монастырь. Здесь я уединился. Несколько часов ходил один. Гулял по стенам, по территории. Был у часовенки и у места пребывания преподобного Кирилла. Приложился к его мощам. Пошёл вдоль стен по берегу озера и попал под дождь. Стоял один в нише стены. Чувство одиночества, пустынности осветляло душу, успокаивало её.

Лукин начал «тарабанить» по сотовому. Пришлось идти к машине.

Заехали на склон высокого холма (около деревни художников) и любовались окрестностями. Осень. Яркость красок.

Вечером в честь хозяев устроили пирушку в моём номере.

26.09. Вот и пора восвоюсь. Едем в Ростов Великий. Кремль. Затем монастырь. Приложился к мощам Димитрия Ростовского.

Борисоглебский монастырь. Здесь ждал Сергей Щербаков. Мощь стен и храмов поражает. Силища. У стены келья Иринарха-затворника.

Приехали к Щербакову в деревню. Он рассчитывал, что у него заночуем, но мы едем дальше — в Углич. Обходим с Борисом центр города. Ночуем у его тётки (Галиной мамы).

27.09. На полчаса остаюсь один. Гуляю по набережной, у церковных стен. Вчера заходили в главный собор мужского монастыря. Сегодня я спустился в нижний храм церкви, что в центре города. Довольно убого и неблагославно. Уже с Борисом побывали в старой, незакрывавшейся церкви. Священник читал Евангелие так (гундося в нос), что и одно слово разобрать было нельзя.

Уже в Москве Лукину позвонила Нина Николаевна Шестинская. Борис ей не сказал, что я рядом в машине. Просила поблагодарить меня за публикации в «Вертикали» об Олеге. До этого она меня, по словам Бориса, всё ругала. За то, что остался с Ларионовым. «Теперь реабилитирован». На это замечание я огрызнулся.

Курский вокзал, поезд. В дороге прочитал «Маленького Моцарта» Евгении Доброй. И признаться — не без интереса.

1 октября. Бор

Закончил рубить деревья возле дома. И этот последний «трудовой день» дался с немалым усилием. Но каким большим сразу выглядит участок! Теперь осталось вставить разбитые стёкла.

8 октября. Бор

Всё! Что наметил — сделал. Купил и вставил стёкла в те рамы, где они были выбиты. «Эпопея» завершена.

10 октября. Кунавино

Всего часа три побыли в деревне (я, Ира, Наташа — на машине). Закрыл дом на зиму. Но ещё надеюсь пожить в нём осенью. Почти все соседи разехались. Без нас упало мёртвое дерево у дороги. Огромный старинный тополь, специально загубленный соседями. Они обтесали со ствола кору от земли на высоту человеческого роста. Несколько лет дерево сопротивлялось смерти. И вот — рухнуло! Порвало провода, сломало два столба. Но уже всё восстановили.

13 — 15 октября. Москва

Чугунов за рулём. Его Галя и я пассажирами. Добрались до Химок. Там в коттедже (в том, в котором мы раньше останавливались с книгами) переночевали. Хозяева сказали, что меня помнят. Видимо, как персонаж, мелькавший при Чугунове.

14.10. Чтобы избежать пробок, в Москву поехали рано — в 7-00. Потому до Литературного института добрались без особых трудностей. Но зато более двух часов пришлось гулять по окрестным улицам в ожидании начала «Клыковских чтений». Неожиданно открыл для себя неизвестные уголки в центре, недалеко от консерватории.

На самих чтениях просидел три с половиной часа. Утомился жутко! Потому встал и ушёл. И больше на них за эти дни не появлялся.

Пешком пошёл к Полеванову. О встрече договорились ещё по телефону перед поездкой. Тепло. Жарко в расстёгнутом плаще. Но встреча оказалась непродуктивной. Владимир Павлович приехал с какого-то геологического юбилея. Записывать беседу о дорогах ему не захотелось, так что ограничились просмотром его парижских фотографий — он совсем недавно оттуда вернулся.

Гуляя прошёл до «Литературной газеты». Там намечена встреча с Шемшученко. Но в редакции проводили планёрку. Пришлось ждать. Во-

лодя вышел с Валерием Черкесовым. Того сделали собкором. Вроде бы Шемшученко говорил и обо мне.

Вместе (по моему настоянию) пошли на Пушкинскую площадь. Все встретились (о, сотовая связь!) — мы втроём, Переяслов, Лукин, Чугунов. Оттуда разошлись в разные стороны. Я отправился с Лукиным к нему ночевать. За ужином выпили бутылку коньяка и сели рассматривать (обсуждать) вёрстку новой книги Бориса. Накрутил он с оформлением её крепко, о чём я и сказал. С чем-то он согласился, убрали.

15.10. На Арбате общая встреча — в редакции журнала «Москва». Много суеты, шума. Чугунов говорит о своих романах, Борис суёт антологию «Наше время», кто-то рукописи. И всё это одновременно. Сумбур. Я в кабинет не вошёл. Но удалось распечатать и оставить в отделе прозы рассказ «На реке Пожме». Хотя на публикации его здесь я мало надеюсь. Назад идём с Чугуновым. Он заходит к Ларионову, я не иду — ещё сильно обида за отказ дать электронную версию вёрстки моей книги. Доходим до Литературного института и расстаёмся. Отец Владимир опять на заседания, я — к зданию ТАСС. Там на бульваре встреча с Женей Добровой — привёз для неё журналы. Дождлся и отдал. Условились, что она мне пришлёт новый рассказ.

Шабаловка. В местной библиотеке Борис Лукин ведёт литобъединение. Обещал на полчаса заехать. Дольше не могу — заседание Клуба. У Лукина говорил плохо, сумбурно и неинтересно. Думаю, что сильно разочаровал собравшихся.

На Клубе многих повидал, долго прощались со Станиславом Куняевым (он привёз номера журнала «Наш современник») и ушли с Шемшученко пить пиво. И так у меня душа расположилась к Володе, так мне было с ним хорошо говорить, что расстался с сожалением. Но у Даниловского монастыря в машине ждали Чугуновы — нужно было идти.

Два часа выезжали из Москвы по шоссе Энтузиастов. Заночевали у Караблиных, которые встретили с полным радушием. Николай — чудесный человек.

18 октября

В Литературном музее на улице Минина А.В. Мюрисеп читает стихи Юрия Адрианова. Дубовый зал полон. Слушается на одном дыхании. Программа длится более часа. Вечером Александр Васильевич мне позвонил и спросил о впечатлении. Высказал ему свои восторги — и стихами, и композиционным построением вечера, и воспоминаниями.

22 октября

Ещё 17 октября от Ларионова звонила секретарь. Сначала спросила о телефонах Чугунова — и только. Затем позвонила опять, и трубку взяла Ларионов. (Почему же он этого не сделал в первый звонок?) Сообщил, что в среду книга будет готова.

И вот сегодня опять он звонит — книга готова уж два дня. Пообещал ему заехать на следующей неделе, когда буду в Москве.

Позвонил Шестинской. Очень тепло поговорили. Архив она для меня подготовила. Мою «прощальную» публикацию об Олеге Николаевиче давала читать знакомым в Переделкино. Отзывы добрые. И вот о том, что Олега Николаевича больше нет, сердечко моё вновь затосковало — аж до слёз.

28 — 30 октября. Москва

В этот раз с Коломыйцем еду по двум причинам. Первая — забрать свои книги у Ларионова. Вторая — поприсутствовать на 4-м съезде горнопромышленников. Хочется подготовить материал для «Литературной газеты». Рассчитывал побывать и у Шестинской, но в дороге выяснилось, что на это времени никак не хватит.

Съезд — в здании Министерства природных ресурсов. Выступали Сергей Миронов (Председатель Совета Федерации) и жутко постаревший

Виктор Черномырдин. Состояние в отрасли ужасающее. Произносимые цифры я записать не успел (надо было взять с собой диктофон) — но падение катастрофическое. Новых месторождений не разведано никаких. «Проедаем» запасы СССР.

Во время заседания продумал вопросы для интервью с Коломойцем. Но как всегда — с его стороны подготовка материала оказалась никакой. Кажется, надо бы мне к этому привыкнуть. Нет — всё расстраиваюсь, огорчаюсь.

С Ларионовым всё прошло гладко. Как издана книга, мне почти не нравится. Но может быть, попривыкну. Дарёному коню в зубы не смотрят. В общении с Арсением Васильевичем переступаю через какое-то своё внутреннее отторжение. Лучше бы я не спрашивал у него электронную версию книги. Теперь его «не товарищеский» отказ гнетёт меня, и ничего с собой поделаться не могу. Даже обедать, несмотря на все уговоры, не остался. Ушёл встречаться с Лукиным. С ним и перекусили в кафешке, и водочки по сто граммов выпили. Но когда вернулся на Поварскую за книгами, Арсений всё-таки затащил за стол.

Оставил ему «рыбу» письма Юрия Бондарева В.П. Шанцеву. Вернувшись в гостиницу, свою книгу «Последний день» Коломойцу даже не показал.

5 ноября

У Лубяко. Впервые поговорил немного сам (о китайском вопросе и возможном его вторжении на наши земли). Хотя для сестёр главное выговориться самим. Когда смотришь на такую одинокую старость, то становишься немного не по себе. Только поддерживая друг друга духовно и физически живут. Случись хоть с одной что-то — катастрофа. Подарил им последние выпуски журнала. Они читают его от корки и до корки. Дошли уже до девятого номера. Открыли для себя прозу Шестинского.

11 ноября

С Климешовым в мастерской Николая Мидова. Работы этого графика я знаю давно. И даже много лет назад, опять же с Павлом, бывал здесь. Но теперь повод особенный — Павел готовит к публикации в «Вертикали» записки разных лет этого художника.

Просмотрел много графических листов. Были в папке и изумительные акварельки цветов. Но в основном виды современного Нижнего с вписанными в них уничтоженными храмами. Эффект (зрительный и духовно-исторический) удивительный. Как были уверены враги — разрушим и всё позабудется. Нет, всё продолжает жить в памяти. И главные носители этой памяти — истинные служители искусства.

Мы говорили об этом позже, уже за столом, трапезничая. Пили красное сухое вино из тетропака, закусывали его репчатым луком и салом. И так славно, едино-душевно говорили.

Николай Павлович Мидов светлый человек и художник.

19 ноября

В выставочном зале Художественного училища Владимир Заного открыл очередную свою выставку. Собрал множество народа — все люди знакомые, из «культурной» тусовки Нижнего. О картинах не говорили. Застолье получилось изобильным относительно выпивки. Такая приятная встреча людей одного круга.

Огромное количество этюдов. Тема — его путешествия по воде. Чтобы это количество «гороха» как-то разбить, Владимир на каждую стену поместил по две больших картины, в которых присутствует фоном Волга. Потом я ему позвонил, поздравил с удачными и выставкой, и пирушкой.

22 ноября. Кунавино

С Наташей заехали в Киселиху за Вадимом. Поехали к нам. До деревни дорога ужасная. Застывшие лужи с высокими обледенелыми краями.

Вадим посмотрел баню. Крышу надо переделывать полностью. Условились на время, когда сойдёт весной снег. Договорились, что я приеду на зимнюю охоту.

24 — 26 ноября. Москва

Два главных вопроса, которые необходимо было решить — побывать у Шестинской и забрать дополнительно свои книги у Ларионова. Ехали с Коломийцем на его машине. Жили в гостинице «Измайловская — Альфа».

В Переделкино на следующее утро попал под дождь. Шёл по знакомым улицам, а в ощущениях уже появилась какая-то отчуждённость. Нет на этой земле Олега Николаевича. И чем дальше работаю над подготовкой книги нашей переписки с Шестинским, тем острее это чувство ощущается здесь. Для меня его смерть — «обрыв» целого куска жизни длиной в шесть с лишним лет. Сколько всего за это время произошло!

С Ниной Николаевной пили чай и говорили о делах насущных — установке памятника на могиле (тут хочет помочь Барченков), продаже библиотеки с автографами, затронули вскользь и то происшествие, что случилось на поминальном обеде. Здесь наши оценки значительно разошлись, но мы не поссорились. Может быть, и из-за того, что довольно быстро «свернули» эту тему.

Архив! Вдова мне его показала, но передала в руки на время только две папки и папку с вырезками. Как я и думал — сам архив она мне для работы не отдаст. Впрочем — она его хорошо разобрала, и думаю, будет бережно хранить. Поэтому при необходимости можно будет им пользоваться. Главное — время смутных недовольств и подозрений, вроде бы, прошло. С дачи ей придётся съезжать.

У Ларионова. Есть надежда на лучшее. Аукцион по продаже здания отменён. Будем ждать дальнейших известий. Там уже воюют друг с другом чьи-то большие деньги.

Книги я свои взял. Теперь спокойно их смогу расослать по нужным адресам.

В Малом зале ЦДА Лукин провёл очередное представление своей антологии. 23-его числа то же самое с Крюковой и Эрастовым делал в Нижнем. Я от участия отказался. Но тут пришлось сказать несколько слов. Публики было мало, да и та скучала. Всё это пустая трата времени! Но ему нравится. Пусть тешится. Хотя... может быть я и не прав в своих оценках.

27 ноября

Повидались с Леной Крюковой по поводу подготовки к печати моей будущей книги. Всё в зачаточном состоянии. Но теперь, может быть, что-то тронется с места. Обложку в компьютере смотрели без Фуфачёва. Володя где-то пьянствовал с друзьями-художниками.

2 декабря

День рождения у Павла Климешова. Собрались у него дома (Николай Мидов, Евгений Супрун, я). Просидели до самого поздна. И так хорошо говорили. Хотя и выпили порядочно, но всё в пределах. Ещё и Сергей Шестак подъехал. (Он мне звонил, вот я его и зазвал). Видимо, стареем, остепенились, тянет рассуждать на темы бытия, веры, искусства.

7 декабря

Упорно работаю над подготовкой книги о Шестинском. Вернее, над нашей перепиской с ним. На компьютере с примечаниями выходит более ста страниц. А ещё мои очерки, статьи о нём. Выходные тоже сижу в кабинете за компьютером. А работы впереди — много и много.

Утром неожиданно позвонил Михаил Попов из Архангельска (впервые). Получил мою книгу «Последний день». Готов писать о ней, но книга большая, нужно время прочитать, обдумать. Позвонил Ларионову. «Последний день» в твёрдой обложке получили. Но дела у него очень плохие. Похоже, что здание потеряет. Это прискорбно! На следующей неделе вновь придётся ехать в Москву.

11 декабря

Год, как не стало Валентина Николаева. Помянули учителя на его же кухне, где все мы много раз сидели с хозяином и много о чём переговаривали. Алла нас кормила, но была как-то в стороне. Приехали Галя и о. Владимир Чугуновы, Маргарита Сатирская, Саша Кравченко, Климентов, Шестак. Я ушёл первым — разговоры на общие вопросы меня утомляют.

Вчера звонил Сергей Чепров из Бийска. У них на Алтае снег, холода. Я послал им (с Сергеем Филатовым) свои книги.

А сегодня Сергей Щербаков (Москва) и Липа Грузман (Израиль). Чего это все они обо мне вспомнили? Серёжа дома, готовится к работе над новой повестью «Мама». По приглашению владыки Читинского ездил к нему в гости, и там посетил свои родные места. А Липа возмущён книгой Чиждова об Америке и обижен на Валерия Шамшурина, что не дали ему премию Нижнего Новгорода. Просит походатайствовать в «Нижегородской правде» о рецензии на его «Еврейские тетради».

13 декабря. Киселиха

Приехал в Киселиху в 7-30. Переделся у Вадима в удобный и тёплый охотничий костюм, взяли двух гончих, и пошли в сторону карьеров. Мороз чуть больше десяти градусов. Снега мало. Деревья на солнце сверкают пластиночками инея, отражая солнце — сказочно красиво. Три раза собаки поднимали лис, но на нас так и не выгнали.

Больше семи часов ходили по гарям и вдоль карьеров. Обсуждали вопросы бытия (семь с половиной лет, как не стало Юрия — родного брата, и боль в сердце у моего товарища не утихает), Вадим рассказывал о собаках и водил меня к «бункеру» — огромный тир в несколько сот метров для испытания орудий, сложенный из бетонных блоков (высокий!) и засыпан землёй. Фантастическое зрелище. Говорит, что строил это «Буревестник» — поставщик разработок для машиностроительного завода. Не построили комплекс чуть-чуть, начались «демократические реформы». Сейчас, конечно, всё разграблено, украдено, выломано, срезано на металлолом. Но размеры сооружения впечатляют.

После чая на поваленном дереве (только снег со стола смахнули — вот тебе и стол, раскладывай на нём что хочешь), долго стояли на берегу застывшего, замороженного карьера. Ждали погнавших лису собак. И такое щемящее чувство заполнило мне сердце: сумерки, иней на кисточках камыша прямо перед глазами посверкивает, белое безжизненное пространство карьера впереди и ненужное ружьё в руках.

14 — 16 декабря. Москва

Алексей Маркович захватил в эту поездку. У меня цель одна — забрать в «Советском писателе» как можно больше книг и повидаться с Добровой, договориться с ней о публикации в «Книжном обозрении» отклика на «Последний день».

На следующий день в «Измайловской» пошёл завтракать поздно, не спеша. В ресторане зал почти пустой. Хорошо, когда некуда торопиться, опаздывать.

У Ларионова всё решил, как и планировал. Книги в твёрдом переплёте подписал ему, Бондареву, Круглову. За обедом пили разведённый спирт. Арсений Васильевич хвалил книги Чугунова и говорил, что они достойны премии имени М.А. Шолохова.

Радостно, что шестой номер «Слова» хотя и сделан Адриановским (репродукции, стихи, статья о нём из альбома). Но выйдет ли он? Здание, как и издательство, Ларионов, по всей видимости, потерял. И виной тому его долги — как личные, так и организации. Но об этом писать не хочется.

Коротко заехал в «Литературную газету» к Александру Яковлеву. Передал книгу. Оттуда позвонил Добровой. Евгения позвала к себе, познакомилась с мужем. В квартире затянувшийся ремонт. Теперь понятно, почему она рвётся из Москвы во всякие поездки.

Утром вновь съездил к Ларионову (уже бегом), ещё забрал книги (чтобы не пропали, если случится худшее). И в обратный путь.

17 декабря. Дзержинск

Доброва кое-что прочитала из моей книги. Просит для антологии отрывок из «Утиной охоты».

Вечером втроем съездили в Дзержинск (Адрианова, Коломиец, я) на выступление в кинотеатр «Спутник». Унылое мероприятие. Народу пришло чуть. Но говорил я о журнале, как мне показалось, неплохо.

20 декабря

Воскресенье. В «Светёлке» должен выступать профессор Кутырёв. Как сказал Валерий Фирсов — при условии, что приду я. Поехал.

Разговор о «конце света» получился неплохим. В завершении Владимир Александрович передал свою статью для «Вертикали». Пообещал, что опубликую.

Из Ленинского района поехал в учебный театр Театрального училища. Мюрисеп поставил пьесу Дм. Ленского «Хороша и дурна, и глупа и умна». Милый водевиль. Александр Васильевич был с супругой и внуком, который на каникулы приехал из Шотландии, где учится в университете. Реалии сегодняшнего времени.

22 — 23 декабря. Москва

Давненько не ездил на поезде. С Володей Шемшученко договорились встретиться в Союзе писателей на Комсомольском проспекте. Повидался с Ганичевым, Сергеем Котькало, Геннадием Ивановым, Николаем Переясловым. В «Дне литературы» удалось решить вопрос с публикацией статьи о романе Чугунова.

В «Литературной газете» познакомился с ведущей рубрики «Библиография» Ольгой Шатохиной. Передал ей свою книгу «Последний день» и последний выпуск «Вертикали».

Новый год «Московский интеллектуально-деловой клуб. Клуб Н.И. Рыжкова» встречал в галерее Александра Шилова. Мы с Володей пришли рано, и я не спеша обошёл всю галерею. По лестницам и в залах огромное количество фотографий — Шилов с мэром Лужковым, Шилов с Резником, Шилов с кем-то из отечественной попсы и прочее, прочее. Ужасное впечатление от хозяйского самолюбования. Остальное — портреты артистов, военных, иных знаменитостей. От однообразия и малой выразительности устаёшь уже в первом зале. По-моему — это слабый творец. Именно не как копиист чего-то живого, а Творец. Хотя народный художник СССР.

Награждение премией «Хрустальная роза Виктора Розова» (впервые без Кодина) прошло поспешно, в течение десяти минут максимум. Было два лауреата. (Один — Евгений Нефёдов). «Розы», знаки премии (не такие, как у меня) — явно из оставшихся образцов у Михаила Ивановича (я их видел у него в университетском кабинете). К тому же — разные. Такое впечатление, что награждение премией происходило в последний раз.

Фуршет, общение. Рыжкова не было — болен. Многие из членов клуба не поехали в галерею после юбилея Лео Антоновича Бокории. Были С.Н. Есин, Б.С. Милошевич, А.Н. Квочур, Г.Н. Селезнёв (бывший спикер Государственной Думы) — это с кем я общался.

Ночевали в гостинице «Мотор Сич». Утром встретились с Петром Ивановичем Кононенко. Он после операции, с костылями.

В «Литературной газете» хотели поговорить с Юрием Поляковым, но с тем случилась беда — ночью напали на его дом в Переделкино, избili жену.

25 декабря

Наш Союз отмечает Новый год в музее Добролюбова. Итоги правления Володи Жильцова — он заявил о своём уходе, потеряли здание, выделенные деньги для приведения в порядок нового помещения растравили, ремонт не сделали. Полная разруха!!!

С Иваном Кирилловичем Кузьмичёвым договорились, что принесу ему домой и свою книгу, и журналы. Как вокруг всё измельчало!

31 декабря

Впервые за много лет вечером гулял по городу от Речного вокзала через Кремль, по Верхне-Волжской набережной... Пустынно, людей мало. Слегка морозно, но лучше бы я надел шапку, а не фуражку.

Прощался с годом, подводил итоги. Ведь наступает десятилетие, которое пройду ли — ещё не знаю.

В этом году публиковался в «Литературной газете», «Нашем современном», журнале «Природа. Свет. Человек». Вышли книга прозы в «Советском писателе» и «Родном пепелище» у Чугунова. Были книги и в нашей серии «Вертикаль. XXI век. Времена и Мнения».

Из путешествий — по Волге с Ириной (замечательно) и на Алтай, Вологодчину с Борисом Лукиным.

Думаю, это один из лучших годов за последнее время. И обошлось без потерь. Таня начала работать в главном офисе Банка в Москве (и по моему — удачно). Наташа вышла на «финишную прямую» в институте. Даст Бог — тоже закончит.

В этом году в последний путь проводили М.И. Кодина и О.Н. Шестинского. А.В. Ларионов потерял «Советский писатель». Но я подготовил пять выпусков «Вертикали». Почти завершил работу над книгой о Шестинском. Перед Новым годом звонил В.П. Полеванову. Говорили долго, смеялись, по поводу его путешествий на Таити.

В Новогоднюю ночь были с Ириной одни. Выпили по рюмке дорогого коньяка да шампанское. Никто нас не тревожил звонками. Все поздравления пришли раньше.